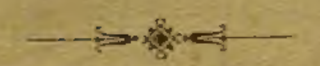
ГОЛОСЪ КОРЕЛА

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ

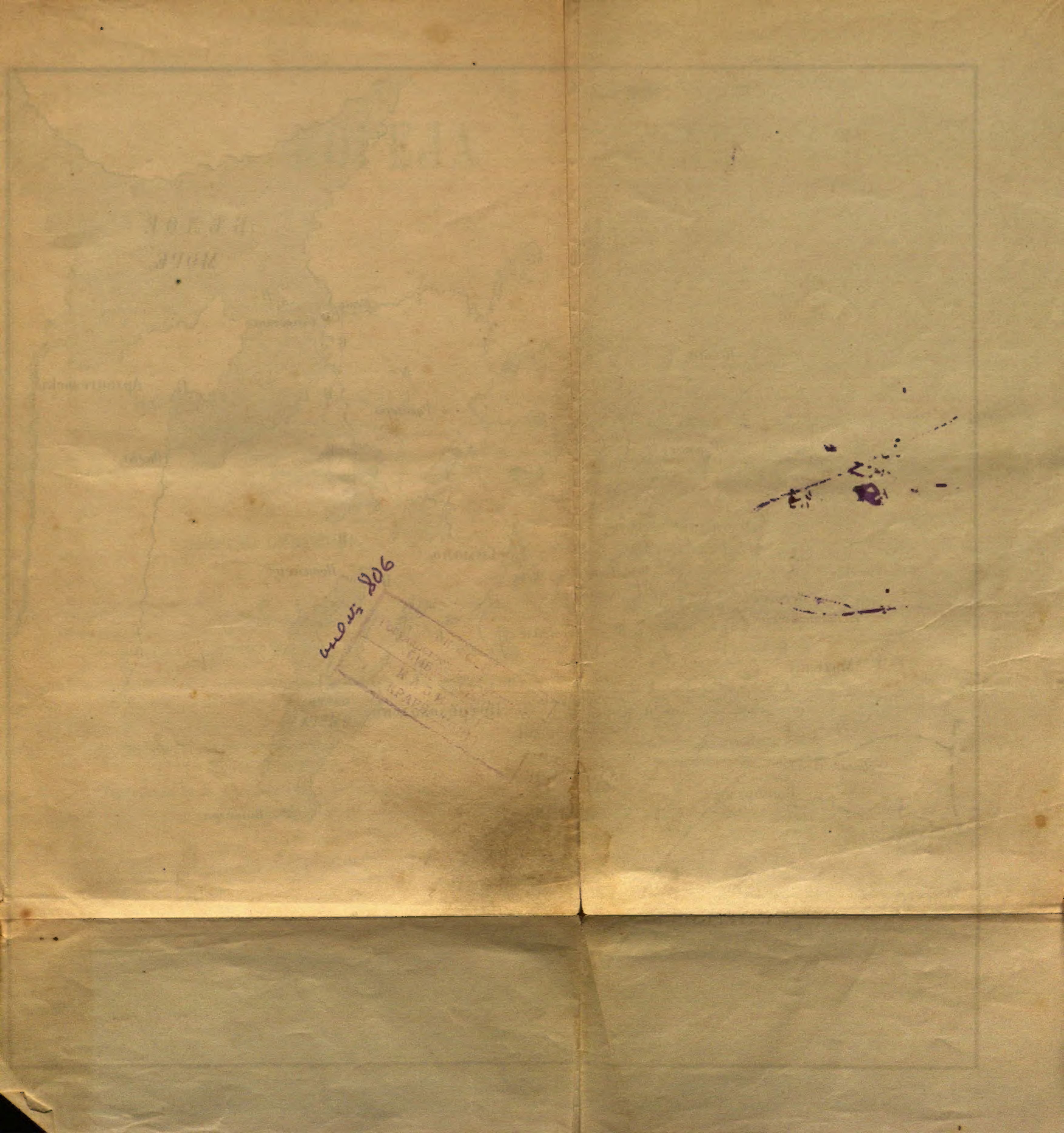
и

КОРЕЛЬСКАЯ ПОЭЗІЯ.

МИРОНА СМИРНОВА.

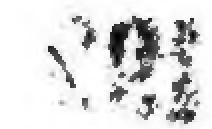

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1890.

806

БѢЛОЕ
МОРЕ.
Кемь
Соловецкъ
Архангельскъ
Онега
Каяна
Ругозеро
Пурмисъ
Ребола
Куопіо
Гимола
Іоэнсу
Мекке
Повѣнецъ
Варкосъ
Иломанцъ
Ек. Путиловск. з.
Орови
Вертсиле
Стъ Михель
Парикала
Сердоболь
Петрозаводскъ
Валаамъ
ОЗЕРО
ОНЕГА
Давидъ Стадъ
Вильманстрандъ
Симола
ЛАДОЖСКОЕ
ОЗЕРО
Выборгъ
Вытегра
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ЛИТ. ЯКОБСОНА

ГОЛОСЪ КОРЕЛА

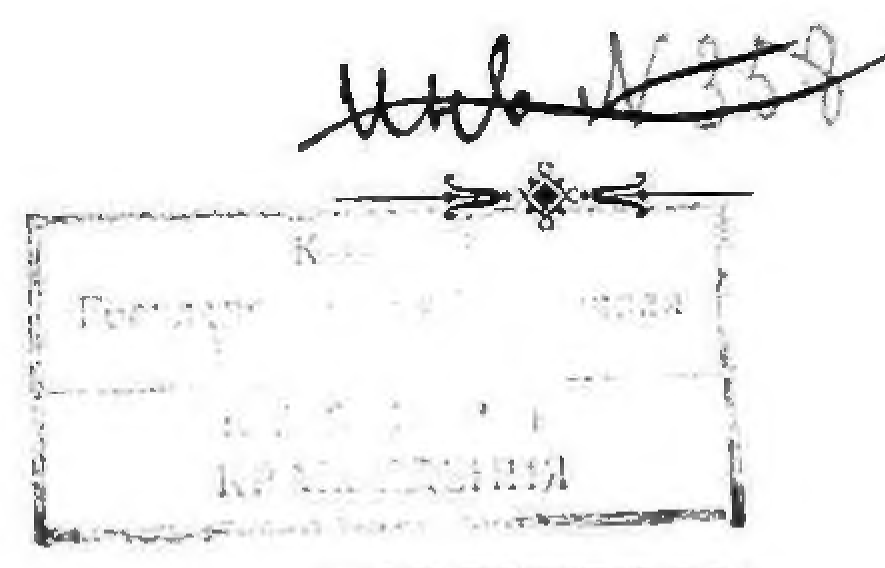
ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ

И

КОРЕЛЬСКАЯ ПОЭЗІЯ.

МИРОНА СМИРНОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1890.

1748

ОГЛАВЛЕНІЕ.

АВТОБІОГРАФІЯ ПОВѢСТВОВАТЕЛЯ

книги

„ГОЛОСЪ КОРЕЛА".

Я родился въ 1815 году въ южной Кореліи, въ селѣ Сямозеро Петрозаводскаго уѣзда. Отецъ мой былъ сельскій торговецъ; десяти лѣтъ я началъ учиться грамотѣ. Въ то время еще въ частныхъ школахъ большихъ и малыхъ городовъ Олонецкой губерніи учили по церковно-славянской азбукѣ; училъ насъ пономарь при погостѣ. Черезъ годъ вышелъ я уже изъ училища, то-есть выдержалъ экзаменъ, какъ видите—прошелъ высокій курсъ науки: отъ азъ-земля-есть до ѳиты и ижицы. Умѣлъ коекакъ прямо по складамъ читать и въ той же степени писать. О каллиграфіи въ то время даже въ городскихъ школахъ не имѣли понятія. Съ годъ

затѣмъ я продолжалъ дома совершенствоваться въ чтеніи и письмѣ. Потомъ я поступилъ въ городъ Олонецъ на службу къ богатому купцу хлѣботорговцу, Филимону Метлинскому; онъ самъ умѣлъ съ грѣхомъ пополамъ писать,—очень похоже на то, какъ сорока ходитъ мокрыми ногами по мостовой. Но торговлю онъ велъ обширную, былъ первый богачъ во всей губерніи. Съѣстные продукты отъ него брали, начиная съ города Повѣнца, Петрозаводска и кончая истокомъ Свири: Вознесенье, Острочины, Мятосово, Важены, Усланка, Лодейное-Поле были его постоянными покупателями. Во время навигаціи,—хотя я былъ еще молодой мальчуганъ, но на моей обязанности было отпускать съ идущихъ судовъ муку, соль и другіе товары,—а зимою я ѣздилъ получать долги; кромѣ того меня отправляли черезъ Ладожское озеро въ Финляндію. Въ Сермакѣ были у моего хозяина большіе склады хлѣба; ими завѣдывалъ особый приказчикъ.

И представьте себѣ, что мнѣ, пятнадцатилѣтнему мальчугану и такому грамотѣю, хозяинъ довѣрялъ такіе товарные обороты и большія суммы денегъ, что разъ со мною послалъ на Волгу въ Рыбинскъ 60 тысячъ рублей денегъ!

Въ тѣ блаженныя времена въ коммерческомъ мірѣ ассигнаціи ходили гораздо выше благороднаго металла, золота и серебра, чему, можетъ быть, ны-

нѣшнее молодое поколѣніе неохотно даже повѣрить: въ то время курсъ или, какъ волжскіе купцы называли—„лажами", былъ таковъ, что за рублевую бумажку платили золотомъ 1 руб. 15 коп., а серебромъ—1 руб. 18 коп., а теперь какъ поглядишь, да подумаешь—и головой покачаешь. Да, тому безъ малаго 60 лѣтъ назадъ.

Помню какъ сегодня, когда послалъ меня хозяинъ съ 60-тью тысячами рублей и ассигнаціями далъ всего 6 тыс. рубл., а остальные—золотомъ и серебромъ. Ассигнаціи у меня были зашиты въ одежду, а золото уложено столбиками въ кружки, обвернутые въ тонкое полотно, затѣмъ въ тонкую кожу и наконецъ все вмѣстѣ—въ особенно сшитый кожаный мѣшокъ; для серебра были также особенные кожаные мѣшки, куда деньги были положены въ разсыпную, потомъ все тщательно обвязали кругомъ шнуромъ, и все вмѣстѣ обернули въ толстую кожу, зашили, обвязали и положили въ кофейный мѣшокъ; затѣмъ опять обвертѣли, обвязали плотно-на-плотно, и этотъ мѣшокъ положили въ другой мѣшокъ, въ самый толстый и грубый, и обвязали простою веревкой. Только благодаря такимъ предосторожностямъ удалось мнѣ благополучно доставить деньги по назначенію. Изъ Олонца была взята подорожная на тройку до Вытегры. Изъ Вытегры я ѣхалъ еще три станціи на лошадяхъ, а затѣмъ мнѣ пришлось

ѣхать въ лодкахъ по рѣкѣ Ковжѣ и по Бѣлому озеру—въ Крохино. А отсюда по Шекснѣ 400 верстъ также въ лодкѣ. До Вытегры въ товарищи мною былъ взятъ съ судна матросъ, а также попутчикъ, небогатый чиновникъ, котораго я везъ даромъ, чтобы менѣе обращать вниманія: для чего у меня подорожная на тройку. Изъ телѣги въ телѣгу я еще могъ перекладывать тяжелые мѣшки съ деньгами; а когда уже пришлось на лодкахъ ѣхать, то при перекладкѣ изъ лодки въ лодку не смѣлъ дѣлать самъ: отъ малосилія могъ уронить въ воду, и тѣмъ обратить вниманіе. Когда мужикамъ пришлось перекладывать, то ни одинъ не упустилъ, чтобы не спросить: „что это за тяжесть?“ Я отговаривался, что это дробь и свинецъ для пули.

Изъ Вытегры я отправилъ матроса обратно—на суднѣ. А себѣ, къ счастію, сыскалъ въ товарищи приказчика московскаго купца Рахманова и съ нимъ доѣхали благополучно до Крохина. Товарищъ остался здѣсь, а я поѣхалъ впередъ еще 400 верстъ по Шекснѣ до Рыбинска—въ лодкѣ; здѣсь пришлось ѣхать съ пьяными лоцманами Мологи. Но все обошлось благополучно,—и я доѣхалъ наконецъ и доставилъ деньги главному приказчику.

Вѣрите ли, знакомые нашему главному довѣренному купцы и приказчики прочихъ хозяевъ и довѣренныя лица—цѣлую недѣлю ходили какъ на чудо

смотрѣть на меня, и удивляться, что такому мальчугану довѣрили такую сумму и что я могъ исправно доставить ее.

Какъ ни лестно было мнѣ служить у такого богатаго хозяина и вести дѣла, но какъ знаменитый поэтъ сказалъ: „Здѣсь Русь, здѣсь Русью пахнетъ“, такъ и мой коммерсантъ-довѣритель хотя и сдѣлался милліонеромъ изъ простого званія, или, какъ говорится, въ люди вышелъ, сталъ носителемъ золотой медали, но образъ жизни и манеры остались тѣ же самые; хотя по своей надменности онъ воображалъ, что изъ сельскаго сословія влѣзъ уже въ сферу благородныхъ, но, разумѣется, онъ жестоко обманывался. Ни счетоводства, ни книговеденія— въ предѣлахъ современныхъ требованій онъ не зналъ. А между тѣмъ по близости находились три лѣсопильныхъ завода, гдѣ уже счетоводство и книговеденіе велось по современному.

Такъ какъ заводы всѣ съѣстные припасы забирали у насъ, то я волею-неволею познакомился съ конторскими порядками, узналъ какъ ихъ веденіе дѣла, такъ и образъ ихъ жизни. Здѣсь у меня явилось желаніе поступить въ должность по лѣсопромышленной части. Случай недолго заставилъ ждать себя. Двое изъ коренныхъ олончанъ, также въ молодыхъ лѣтахъ, поселились въ Финляндіи, занимаясь лѣсопромышленностью, строили лѣсопильные водо-

дѣйствующіе заводы; готовыя издѣлія — доски — отправляли прямо за границу: въ Англію, Францію и другія государства,—и такимъ образомъ волею-неволею они знакомились съ западно-европейскою цивилизаціею. Вотъ съ однимъ изъ нихъ, Чусовымъ, пріѣхавшимъ въ Олонецъ, мы случайно сошлись; я предложилъ ему себя,—онъ охотно принялъ; такимъ образомъ, какъ говорится, я перешелъ изъ кулька въ рогожку, т.-е. изъ Корелы-Олоніи въ самую глушь Финляндіи. На родинѣ — Олоніи — мало, а здѣсь, въ Финляндіи, совсѣмъ по-русски не говорятъ. Сами хозяева жили въ портовомъ городѣ Выборгѣ, а отъ этого города заводы находились въ двухъ стахъ съ половиною верстахъ близъ города Нейшлота. Корреспонденція велась между заводскими конторами и центральною конторою въ Выборгѣ по-русски: конторскія книги велись также по-русски; къ тому же имѣлась при конторахъ небольшая библіотека, для тѣхъ, кто вполнѣ достаточно дошелъ до знанія русской грамоты и русскаго нарѣчія, но все же и не забылъ совершенно. Между тѣмъ здѣсь сотни семействъ—русскихъ корелъ и чистокровныхъ русскихъ, поживши немного, положительно перестаютъ говорить по-русски, а объ ихъ дѣтяхъ и говорить нечего,—т. е. о томъ, чтобы ихъ учить своевременно своему русскому языку. Это очень неутѣшительно слышать и видѣть

для русскаго патріота. Да ничего не подѣлаешь; вѣрно это въ крови у насъ, у славянъ, гнушаться, стыдиться говорить роднымъ языкомъ, вмѣсто того чтобы стараться нравственно и духовно сплотиться елико возможно въ одно ядро, не забывать своего коренного. Такъ поступаютъ всѣ прочіе народы и націи, а у насъ на все смотрятъ съ пренебреженіемъ и все дѣлается нехотя...

Мнѣ впрочемъ очень посчастливилось. Не смотря на мою молодость, я уже на третій годъ по вступленіи на службу сдѣлался полнымъ управляющимъ первоклассснаго завода — Вуогала; потомъ, черезъ четыре года, — управлялъ еще двумя заводами, и прослужилъ у однихъ хозяевъ 22 года. Хозяева умерли, заводы поступили къ другимъ хозяевамъ. Такимъ образомъ я отдѣлился отъ спеціально занимающихся лѣснымъ дѣломъ; построилъ кирпичный заводъ, имѣлъ имѣніе съ мукомольною мельницею, нѣсколько лѣсныхъ дачъ.

Затѣмъ—мнѣ удалось въ Петербургѣ соединиться съ компаніей лѣсной торговли, организованной подъ названіемъ: „Общество разработки лѣсныхъ произведеній и торговли оными", гдѣ участвовала масса интеллигентныхъ людей, даже много изъ аристократическаго круга: князей, графовъ, бароновъ. Для этого акціонернаго общества мнѣ удалось заключить 10-ти-лѣтнее условіе съ Управленіемъ

государственными имуществами Олонецкой губерніи, Повѣнецкаго уѣзда, Ребольской казенной дачи, по сплавамъ водяной системой въ Финляндію, на 200 тыс. деревъ.

Я построилъ на свой рискъ паровой лѣсопильный заводъ въ 1861 году при городѣ Іоенсу. Это былъ во всей Финляндіи первый паровой заводъ. До этого года въ Финляндіи была ограниченная распилка лѣсовъ. На этомъ моемъ заводѣ я обязался распиливать бревна акціонернаго Общества. Но что же? Это Общество на шестомъ году своего существованія рухнуло, за что я поплатился денежной потерею 46 тыс. рублей; да въ тотъ же самый годъ по особой коммерціи—столько же потерпѣлъ. Что же дѣлать, пришлось просить кредиторовъ пойти на сдѣлку 50%,—охотно всѣ согласились. Всѣ они въ свой срокъ получили. По этой причинѣ я три года подъ рядъ долженъ былъ вести и дѣла, и себя, какъ говорится, тише воды, ниже травы. Затѣмъ какъ-то мои дѣла опять пошли въ гору. Всѣмъ моимъ кредиторамъ не то что въ свой срокъ заплатилъ, но и другую половину 50% заплатилъ съ процентами, хотя они никакого права на полученіе не имѣли.

Пять лѣтъ назадъ я опять пострадалъ за поручительство на сумму болѣе 40 тыс. марокъ. Боже мой! Это уже третій уронъ по коммерціи.

Что̀ Богъ дальше дастъ, а въ настоящее время доживаю восьмой десятокъ моей перемѣнчивой жизни, въ которую много было мною испытано пріятнаго и непріятнаго. Но болѣе послѣдняго, чѣмъ перваго. При этомъ нельзя не сказать: кому не желательно описывать свою жизнь? Кому не любопытно узнать жизнеописаніе другого? Но если мало-мальски талантливъ дѣловой человѣкъ, въ какой бы сферѣ онъ ни находился, въ теченіе своего продолжительнаго существованія, навѣрное ему довелось проходить черезъ всякія неровности и невообразимыя трудности на жизненномъ пути, принадлежалъ ли онъ къ высшему кругу, или къ среднему сословію, или къ обществу бѣдняковъ. Возьмемъ послѣднихъ: несмотря на ихъ ежедневную нужду, они все-таки идутъ своей дорогой, и хотя ихъ житейская тропа очень торная — но они идутъ очень спокойно и доживаютъ свой вѣкъ не тоскуя. А средній классъ народа повсюду и всегда недоволенъ и негодуетъ на свою судьбу, хотя наружно дѣлаетъ видъ, что онъ доволенъ, спокоенъ, но внутренно— полонъ треволненій... О высшемъ кругѣ и говорить нечего: у нихъ еще больше жизненныхъ требованій, при ихъ громадныхъ богатствахъ, почестяхъ— именно за неимовѣрное богатство, гражданскую сановитость, за талантъ—художественное отличіе,

за великій умъ—на поприщѣ литературы, за безсмертную славу—на полѣ брани.

Всѣ эти знаменитости высшаго круга наружно высказываютъ полное счастье и удовольствіе, а внутренно полны треволненій и неудовольствія отъ чрезмѣрной роскоши; но за то въ сферѣ ихъ зачастую происходятъ сцены драматическаго характера, которыя въ среднемъ и низшемъ кругу встрѣчаются рѣдко. Будучи свидѣтелемъ одной изъ такихъ сценъ—борьбы за существованіе, невольно вспомнишь слова знаменитаго философа отдаленной древности, Солона, высказанныя царю Крезу; вспомнишь и нашего знаменитаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина:

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись,
Въ день унынія смирись,—
День веселья—вѣрь—настанетъ.
Сердце въ будущемъ живетъ;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило.

Міру ученыхъ извѣстно топографическое положеніе Финляндіи. Въ финской поэзіи воспѣвается тысяча озеръ. Въ ней больше половины воды, чѣмъ

суши, по причинѣ дѣйствительнаго соединенія тысячи озеръ.

На этой системѣ саймскихъ водъ, лѣтъ 40 назадъ, было до тридцати вододѣйствующихъ лѣсопильныхъ заводовъ. И изъ этихъ заводовъ доски—на особыхъ парусныхъ судахъ—доставлялись въ мѣстечки Лауретцало и Іоутцено (близъ гор. Вильманстранда), а оттуда—уже гужевой возкою верстъ 55—въ гор. Выборгъ, гдѣ онѣ погружались на морскіе корабли и отправлялись за границу. А теперь товаръ погружается и доставляется уже прямо отъ заводовъ на судахъ—по Саймскому каналу, открытому въ 1856 году,—прямо въ заморскіе корабли.

Какъ я уже выше упомянулъ, до 60 года въ Финляндіи была ограниченная распиловка бревенъ. Въ этомъ году вышло разрѣшеніе вольной распиловки лѣсовъ; поэтому и былъ открытъ мною первый паровой заводъ во всей Финляндіи, а теперь ихъ есть до полусотни. Также на саймскихъ водахъ, первый желѣзный пассажирскій пароходъ былъ мой; онъ дѣлалъ рейсы отъ гор. Іоенсу до Петербурга и обратно. А теперь ихъ на саймскихъ водахъ имѣется болѣе сотни.

Въ то время (въ 1835 году), какъ я сталъ заниматься лѣсопромышленной частью въ Финляндіи, бревенчатые лѣса уже чувствительно были истощены. Пришлось обращать вниманіе дальше и

выше на сѣверъ, даже до самой границы Олонецкой и Архангельской губерній и даже черезъ границы вышеупомянутыхъ губерній — въ Кемскій и Повѣнецкіе уѣзды, откуда берутъ свое начало многочисленныя рѣчки и спускаются въ озеро Піелись — 120 верстъ длиною, а это озеро спускаетъ свои воды въ систему саймскихъ водъ при городѣ Іоенсу. Саймскія же воды, т.-е. всѣ воды сѣверовосточной части Финляндіи, стекаются въ Ладожское озеро, — черезъ знаменитый водопадъ Иматру.

Такъ какъ сами хозяева-лѣсозаводчики живутъ за 250 верстъ въ портовомъ городѣ Выборгѣ, какъ русскіе, такъ нѣмцы и шведы, то они, соединившись вмѣстѣ, просили меня изслѣдовать бассейнъ Піелись съ ея притоками — для сплава лѣсовъ, а главное развѣдать, много ли тамъ пилового лѣсу. Я перебывалъ вездѣ за рубежомъ водораздѣла, который раздѣляетъ теченіе воды на четыре склона: на озеро Онего, Бѣлое море, Финскій и Ботническій заливы. Какъ извѣстно, на всей этой площади — окраины сѣвера Россіи—живутъ финны—Корелы, а я самъ по происхожденію того же племени, уроженецъ южной части Корели или Олоніи, то меня тѣмъ болѣе, конечно, заинтересовала эта миссія, или коммиссія; вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ богатства растительнаго и, насколько мнѣ доступно, минераль-

наго царства сѣвера,—не менѣе занимала меня и этнографія. Хотѣлось изучить ихъ образъ жизни, какъ въ нравственномъ, такъ и въ семейно-хозяйственномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Обо всемъ этомъ я впослѣдствіи писалъ и сообщилъ бытовыя мои описанія жизни финновъ-кореловъ въ Императорское Русское Географическое Общество, за что былъ награжденъ медалью и почтенъ званіемъ члена-сотрудника.

Боже мой! еще въ то время, т.-е. въ началѣ сего столѣтія, въ какой темнотѣ жили какъ финны, такъ и корелы — это невыразимо! Впрочемъ и въ настоящее время нѣсколько десятковъ инородныхъ племенъ и часть своей, русской народности живутъ въ обширной матушкѣ-Россіи въ тѣхъ же религіозныхъ вѣрованіяхъ и суевѣрныхъ преданіяхъ,— какія вкоренились между ними еще до Рюриковской эпохи.

Вся сѣверная окраина сплошь заражена разнообразными сектами раскола, начиная съ береговъ Сѣвернаго океана, Бѣлаго моря до бассейна Онеги, Свири, Ладожскаго озера. Хотя Финляндія въ послѣднее полстолѣтіе успѣла быстро подняться на культурную почву, но сектанты раскола не выводятся, и не смотря на строгія преслѣдованія правительства, постоянно возникаютъ новыя секты. У нѣкоторыхъ сектантовъ бываютъ обряды до такой

степени оригинальные и грубые, что невозможно передать на бумагѣ.

Но тѣмъ не менѣе я все-таки постараюсь потомъ описать финскія и корельскія вѣрованія и суевѣрія,—особенно послѣднія.

Исторія гласитъ, что всѣ народы, еще задолго до нашей эры, изъ глубины Азіи двигались на сѣверъ: нѣкоторые—изъ экономическихъ комбинацій, другіе изъ политическихъ видовъ, многіе изъ религіознаго фанатизма, и основательнѣе всего это движеніе можно назвать гоненіемъ народныхъ и религіозныхъ предразсудковъ.

Но незачѣмъ углубляться въ исторію, въ тысячулѣтнюю давность. Возьмемъ времена Іоанна Грознаго и Петра 1-го,—когда ссыльными и бѣглыми пополнялись сѣверные лѣса, тундры и болота, большею частью вслѣдствіе религіознаго гоненія и бѣгства отъ военной службы. Боже мой! это послѣднее я еще хорошо помню: это было просто разореніе. Какъ скоро бывалъ объявленъ рекрутскій наборъ, цѣлыя селенія дѣлались безлюдными,—только старики да женщины оставались въ деревняхъ; мужское населеніе,—не только молодые, но и средняго возраста, и даже пожилые старики 50—60 лѣтъ также убѣгали въ лѣса. Какъ ихъ ловили! Это была просто облава. Ихъ дома и имущество разоряли; кого успѣвали схватить, того вязали,—

заковывали въ кандалы и желѣза; караулили, какъ уголовныхъ преступниковъ, закованныхъ въ желѣзахъ, всю дорогу до губернскаго города, куда отвозили за 300—400 верстъ для сдачи; въ пути 3—4 человѣка изъ сосѣдей новобранца, зѣло бѣдныхъ, конвоировали его; дома семейству нечего ѣсть; ему, бѣдному, нечѣмъ въ дорогѣ кормиться; также тонкозвонко бывало и его провожавшимъ—конвоирующимъ. Наконецъ удалось сдать; но какая возня—опять ихъ караулить! И хотя караулили тогда уже не деревенскіе мужики, а старые солдаты, а все-таки 20—30% убѣгало. Но особенно тяжело бывало тѣмъ бѣднымъ кореламъ, которые не умѣли говорить по-русски.

Вотъ были времена! А если взять еще 200—300 лѣтъ назадъ... А что теперь? Теперь это дѣлается такъ, какъ будто молодой человѣкъ отправляется въ простой вояжъ.

Въ первомъ пяти-лѣтнемъ періодѣ моей служебной карьеры пришлось мнѣ быть постоянно въ разъѣздахъ,—то въ Саволаксѣ, гдѣ заводы находились, въ Кареллiи, то-есть въ Куопіоской, Выборгской, С.-Михельской губерніяхъ, то въ русской Корелiи, вплоть до Бѣлаго моря.

При этихъ поѣздкахъ мнѣ случалось много видѣть и серьёзнаго, и курьёзнаго. Серьёзно то, что въ

тѣ времена лѣса и дороги были наполнены ворами, бѣглецами; кромѣ того,—въ лѣтнюю пору,—въ лодкахъ по большимъ озерамъ,—въ рѣкахъ по кипучимъ порогамъ,—зимою въ заносахъ снѣга, по худымъ льдамъ—приходилось не разъ проваливаться въ воду.

Изъ курьёзныхъ упомяну одинъ случай. Разъ мнѣ пришлось изъ города Нейшлота ѣхать въ Михель, гдѣ былъ другой заводъ подъ моимъ вѣдѣніемъ; Михель въ то время былъ не что другое, какъ небольшое селеніе, но имѣло передъ прочими селеніями то преимущество, что тутъ происходила два раза въ году ярмарка, и въ эти самые годы тутъ начали строить городъ, который и сдѣлался вскорѣ затѣмъ резиденціею губернатора, подъ названіемъ Санктъ-Михель, откуда и получилось названіе С.-Михельской губерніи. А до того губернское правленіе было въ городѣ Хейнола. Ярмарки были зимой и лѣтомъ; послѣдняя была въ началѣ сентября мѣсяца. Такъ какъ у насъ былъ, какъ выше сказано, близъ Михеля лѣсопильный заводъ, который былъ подъ моимъ вѣдѣніемъ, я собрался туда ѣхать черезъ городъ Нейшлотъ, зная, что будетъ довольно попутчиковъ ѣдущихъ на ярмарку. А въ тѣ времена много-таки по дорогамъ и по деревнямъ пошаливали—особенно осенью. Мнѣ посчастливилось достать хорошаго попутчика—моло-

даго купца, ѣхавшаго съ товаромъ на ярмарку. Вотъ мы и отправились на двухъ лошадяхъ и въ двухъ экипажахъ: въ первомъ мы ѣхали сами, и сами же правили лошадью; на другой лошади ѣхали лавочный мальчуганъ и работникъ, съ болѣе легкимъ и цѣннымъ товаромъ, а болѣе грузные товары были уже раньше отправлены. Я съ нимъ былъ коротко знакомъ, мы были даже пріятели, и онъ слылъ въ городѣ Нейшлотѣ и въ цѣломъ околоткѣ первымъ весельчакомъ и мастеромъ на разныя смѣшныя продѣлки; звали его Эрикъ Лятейнъ. Вотъ мы ѣдемъ, оба молодые,—впрочемъ онъ все-таки лѣтъ на десять старше меня, — шутимъ, смѣемся, говоримъ разные басни и анекдоты; для безопасности и храбрости было у насъ по пистолету — и въ болѣе опасныхъ мѣстахъ мы стрѣляли, а у работника было ружье. Вдругъ между прочими разговорами мой спутникъ предупреждаетъ меня: „Вотъ подожди, я устрою такую штуку, что черти запляшутъ“. Осенняя погода вполнѣ оправдывала народную пословицу: „смотритъ сентябремъ“; дни стояли пасмурные, ночи темныя, — но мы все-таки были веселы, знай себѣ обгоняемъ многихъ ѣдущихъ на ярмарку, — кто съ товаромъ, кто порожнемъ. Разъ ѣдемъ вечеромъ довольно поздно. Ѣдущихъ на встрѣчу по пути не попадалось, но изрѣдка по краю дороги были разложены огоньки, гдѣ

ярмарочные люди кормили лошадей и отдыхали. Хотя небо было облачно, но безъ дождя. Въ продолженіе вечера купецъ мой нѣсколько разъ дѣлалъ замѣчаніе: „Надо бы и намъ присоединиться къ какому-нибудь огоньку, покормить лошадей и самимъ отдохнуть; но неизвѣстно въ какую артель попадешь—пожалуй ни за что скрутятъ намъ головы. До жилья или до станціи (Гесгеберь) еще верстъ 6 — 7 будетъ; но что же въ томъ пользы? Вѣроятно тамъ въ ночное время полно такъ ѣдущимъ ярмарочнымъ людомъ, что не попадешь во дворъ; да хотя и попали бы во дворъ, но въ такой массѣ народа и въ темнотѣ — между глазами носъ утащутъ. Лучше гдѣ-нибудь тутъ при дорогѣ выберемъ мѣстечко, гдѣ бы вода была для лошадей. Скоро будетъ небольшая гора; за горой есть рѣчка, черезъ рѣчку мостикъ,—тутъ удобно бы покормить лошадей; только тутъ каждую осень нѣсколько случаевъ грабежа. Ну, да увидимъ".

Проѣхали съ полверсты—предстала передъ нами небольшая гора; онъ остановилъ лошадь, слѣзъ съ кабріолетки и мнѣ велѣлъ выйти, осмотрѣлъ въ сторонѣ дороги болѣе гладкое мѣсто, сказалъ работнику: „веди сюда лошадей, дай имъ пока немного корму — не нужно выпрягать". Между тѣмъ онъ что-то копошился въ вещахъ,—въ темнотѣ не за-

мѣтно, и сказалъ мнѣ по-фински [1]) при работникѣ и мальчуганѣ: „Пойдемъ немножко пройдемся, расправимъ ноги", а людямъ сказалъ: „вы посидите, отдохните и будьте молчокъ!" Мы пошли по дорогѣ противъ горы и поднялись на эту невысокую гору, этакъ шаговъ триста. Поднявшись на самый верхъ, вдругъ впереди по дорогѣ внизу замелькалъ огонекъ. Товарищъ замѣтилъ: „А! такъ и есть, не ошибся же я!" Спросилъ у меня: „пистолетъ при себѣ?" Я отвѣтилъ: „да".—„Это хорошо. Спустимся поближе къ огню". Мы спустились, такъ что шаговъ тридцать осталось до огня и ясно видно было: три таратайки, полдесятокъ мужиковъ около огня,—кто сидѣлъ, кто лежалъ. Мы отступили назадъ по дорогѣ въ гору; темно, темно, но все-таки саженяхъ въ пяти хорошо можно различить предметы. Мы дошли до половины горы, остановились, и онъ сталъ тихо мнѣ говорить: „Поди ихъ знай, можетъ и хорошіе люди, а можетъ быть — бродяги, воры. Замѣтилъ ты, каковы они съ виду? вовсе не похожи на порядочныхъ людей. Что-то подозрительно: у нихъ три лошади, самихъ мы насчитали до пяти человѣкъ; почемъ можно знать — можетъ быть, тутъ ихъ больше десяти поджидаютъ болѣе солиднаго подходящаго субъекта для богатой добычи". Говоря

[1]) Мы большею частью между собою по-русски говорили.

это, онъ снялъ съ себя шинель и мнѣ велѣлъ сдѣлать то же [1]), тутъ же что-то положилъ на камень (въ потьмахъ я не различилъ, что такое). Я еще стою, не снимаю шинели. Но онъ ná-строго сказалъ мнѣ: „Говорятъ тебѣ, сними шинель!“ а самъ старается какъ можно тише говорить. Нечего дѣлать, я повиновался, снялъ шинель; онъ взялъ мою и свою шинель, завернулъ и сунулъ куда-то. Затѣмъ беретъ и надѣваетъ шнуръ пистолета мнѣ на шею, а небольшую гармонику сунулъ мнѣ въ карманъ; потомъ въ свою очередь надѣлъ на свою шею шнуръ пистолета и что-то длинное сунулъ въ свой боковой карманъ. Я спрашиваю: „что это такое?“—„Это флейта“.—„Да для какого чорта? вѣдь ты не

---

[1]) Въ то время не имѣли понятія о пальто, а носили длинныя шинели; не исключая военныхъ, гражданскихъ чиновъ и остальной интеллигенціи, даже мелкое купечество, наконецъ крестьянское сословіе послѣ длинныхъ армяковъ начали носить шинели. Эта перемѣна, т.-е. изобрѣтеніе пальто, произошла около 40-го года истекающаго столѣтія: одинъ молодой и очень извѣстный лордъ ѣхалъ изъ своей виллы на раутъ въ Лондонъ; онъ ѣхалъ верхомъ во фракѣ, но на пути его неожиданно засталъ проливной дождь: укрыться отъ дождя было не куда. Зайдя по дорогѣ въ первую харчевню, онъ встрѣтилъ тамъ одного матроса въ новомъ коротенькомъ изъ парусины кафтанчикѣ. Лордъ сталъ покупать, но тотъ не продалъ, а одолжилъ на время. Вотъ этотъ знаменитый лордъ пріѣхалъ въ собраніе въ этомъ кафтанчикѣ, пробылъ въ немъ весь вечеръ и проѣхалъ въ немъ обратно черезъ Лондонъ. Что же? на другой день такихъ модныхъ кафтанчиковъ было до 2 тыс. штукъ, подъ названіемъ *пальто*,—конечно, не изъ парусины, а изъ трико и т. п.

умѣешь играть?—„Столько умѣю, сколько ты на гармоникѣ[1]). Это вѣдь мы не за людей будемъ играть, а за чертей: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше повѣрятъ, что это черти, а не люди. Лишь бы мы только визжали, голосили нечеловѣческимъ голосомъ. Понимаешь ли теперь? мы тутъ будемъ разыгрывать трагикомедію. Только бы ты не струсилъ, дѣлалъ то, что я велю". Все это онъ говорилъ мнѣ потихоньку. Я ничего не понималъ, терялся въ догадкахъ, допрашивая его, что все это значитъ? „А значитъ то, что маршъ за мной!" Мы отошли немного по дорогѣ назадъ; онъ сталъ оглядываться, которая сторона поглаже. По одной сторонѣ шелъ сосновый лѣсъ, по другой — лиственный лѣсъ; подумавъ, онъ рѣшилъ: „Войдемъ въ лиственный лѣсъ; хотя здѣсь тоже булыжникъ, но не такіе большіе камни, какъ на той сторонѣ, въ сосновомъ лѣсу, да и лѣсъ гораздо рѣже". Я все еще ничего не понимаю, стою и слушаю, пока, наконецъ, онъ не дернулъ меня за рукавъ: „Пойдемъ въ лѣсъ!" Стали мы тихонько пробираться; онъ выбралъ по своему соображенію диспозицію и остановилъ меня. „Вотъ ты стой здѣсь! Какъ я заиграю на флейтѣ, тогда ты заиграй на

---

[1]) Гармоника только въ тотъ годъ вошла въ извѣстность, и то въ Петербургѣ. Онъ только-что пріѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ купилъ ихъ нѣсколько штукъ; во многихъ городахъ еще не знали, что это за вещь: музыка или игрушка.

гармоникѣ и иди, пробирайся тихонько ко мнѣ, самъ продолжай играть съ минуту времени, потомъ прекрати и продолжай идти по направленію ко мнѣ, сунь гармонику [1]) въ карманъ, бери пистолетикъ въ руки и приготовься къ выстрѣлу; какъ услышишь, что я сдѣлалъ выстрѣлъ, и ты въ ту же секунду стрѣляй, и сряду же заряди и продолжай идти по направленію къ огню, вмѣстѣ съ тѣмъ и ко мнѣ приближайся. Опять услышишь, что я заиграю—и ты заиграй, только не долго, съ минуту времени, и старайся все ближе ко мнѣ“.

Послѣ трехъ выстрѣловъ и музыки, спустя нѣсколько минутъ мы сошлись вмѣстѣ. Начали приближаться по направленію къ огню, наконецъ вышли къ опушкѣ лѣса, гдѣ ясно представилось намъ, какъ вся ватага отдыхающаго персонала исчезла; одинъ еще спѣшилъ закладывать лошаденку, крича другимъ не оставлять его, и пустился во всю прыть догонять опередившихъ. Мы еще сдѣлали по выстрѣлу и повизжали своею отборною музыкою. Вся окрестность огласилась этой пріятной гармоніею. Всѣ уснувшіе лѣшіе со своими семействами поднялись слушать. Подошли къ огню—еще вдали отдавались голоса уѣхавшихъ. Поправили огонь, осмотрѣли кругомъ, нашли оставленный второпяхъ топоръ и

[1]) Первоначальныя гармоники были маленькія, какъ нынѣшнія дѣтскія.

пару рукавицъ. Мы еще прибавили нѣсколько толстыхъ сучьевъ въ огонь и заторопились къ лошадямъ. Лошади тутъ же на оставленномъ мѣстѣ спокойно стоятъ и ѣдятъ кормъ, но людей нѣтъ; ощупали въ экипажахъ, не спятъ ли,—но нѣтъ; наконецъ, зовемъ вполголоса — нѣтъ отзыва; стоимъ у телѣги, щупаемъ товаръ — все цѣло, на мѣстѣ; думаемъ и разсуждаемъ, что съ ними могло случиться? Вдругъ у насъ въ ногахъ что-то закопошилось. Мы въ свою очередь испугались, отскочили—а это работникъ и мальчуганъ вылѣзаютъ изъ-подъ телѣги, завернувшись въ лошадиную попону. Купецъ строго имъ приказалъ поворотить лошадей на дорогу и ѣхать за нами. „Тутъ недалеко есть огонь и вода". Сами вышли на дорогу и пошли по дорогѣ обратно; не успѣли и тридцати шаговъ сдѣлать впередъ, какъ раздался въ одно время сзади голосъ работника и мальчугана, какимъ-то дрожащимъ звукомъ: „Не оставляйте насъ!" Мы не обратили на это особеннаго вниманія, пошли тише, поднялись на гору. Увидѣвъ огонекъ, наши спутники замѣтно сдѣлались веселѣе. Поѣхали къ огню, остановились; мальчуганъ соскочилъ съ телѣги, сталъ креститься,—онъ былъ изъ русскихъ; работникъ выскочилъ изъ кабріолетки и тоже сталъ молитву творить,—и оба дрожатъ. Насколько свѣтъ огня освѣщалъ окружность, можно было замѣтить,

что они въ какомъ-то дикомъ состоянiи озирались кругомъ, а больше на гору, откуда мы спустились. Купецъ закричалъ на нихъ: „Что тутъ стоите? распрягайте лошадей, идите поить къ рѣчкѣ!“ Они выпрягли и все медлятъ, и между собой шепчутся. Купецъ опять крикнулъ: „Чего еще тутъ стоите, не идете поить лошадей? возьмите кофейникъ, всполосните и принесите кстати, за-одно, и воды для кофе“. Они сыскали кофейникъ, но все не двигаются съ мѣста. Купецъ осерчалъ: „Да что же вы зѣваете?“ И почти оба въ одинъ голосъ отвѣтили: „какъ хотите, господа,—мы не смѣемъ“. Хотя рѣчка была всего въ двадцати шагахъ, мы сейчасъ оба поняли ихъ страхъ. Я схватилъ кофейникъ и говорю имъ: „Пойдемте вмѣстѣ; я пойду напередъ“. Они нéхотя послѣдовали за мною, но не въ поводу, а сѣли на лошадей. Я всполоснулъ кофейникъ, потомъ зачерпнулъ чистой воды; они этимъ временемъ напоили лошадей. Я еще немного постоялъ съ кофейникомъ въ рукѣ, чтобы лошади до сыта напились. Возвратясь къ огню, они сдѣлались гораздо веселѣе и живѣе, дали корму лошадямъ, а купецъ между тѣмъ вынулъ провизiю, и мы стали ужинать. Купецъ говоритъ: „Вотъ вамъ удалось поспать, поотдохнуть, а мы отыскали удобное мѣсто и огонь сдѣлали“. Они переглянулись другъ съ другомъ; работникъ указалъ пальцемъ на мальчугана: „онъ

уже успѣлъ-было заснуть, а я нисколько, да и ему послѣ не до сна".—„Что же вы дѣлали? вѣдь вы спали же, когда мы пришли?" Они въ одинъ голосъ отвѣтили:—„Такого спокойнаго сна не желаемъ и лютому врагу! посмотрите, у насъ еще теперь волосы мокрые отъ страха".—„Что же это вамъ чудилось?" — „Это не чудилось, а было на-яву".—„Что же такое?"—„А такое, что языкъ отказывается передать".—Что же вы слышали или видѣли?" Мальчуганъ сказалъ: „Видѣть-то я не видѣлъ, а слышалъ ясно пальбу и музыку и еще что-то такое, шумъ, гамъ; я просто обомлѣлъ отъ страха, схватилъ попону на голову и спрятался подъ телѣгу, а вотъ онъ видѣлъ и *ихъ*". „Но кого же?"—„Да лѣсовиковъ, лѣшаго". Работникъ все это время молчалъ; мы обратились къ нему:—„Какъ же ты слышалъ и видѣлъ?" — „Вотъ какъ вы ушли, вотъ онъ прилегъ въ телѣгу; кажется, уже успѣлъ уснуть; а я, ожидая васъ, стоялъ въ полудремотѣ, прислонившись къ телѣгѣ. Что-то въ лѣсу треснуло; я навострилъ уши, слушаю; меня сталъ что-то страхъ забирать; я только успѣлъ коснуться вотъ до него, разбудить его (указалъ онъ на мальчика), какъ вдругъ заиграла музыка. Немного спустя пошла пальба. Я остолбенѣлъ. Помню, что мальчикъ ахнулъ и куда-то пропалъ. Щупаю и въ телѣгѣ—его нѣтъ. Мнѣ еще того страшнѣе стало. Началъ молитву творить,

самъ ни съ мѣста; такъ и думалъ, что этого мальчика лѣшій утащилъ. И слышу—все музыка и пальба. У меня въ глазахъ зарябило. И вижу, какъ ихъ, чертей, цѣлая артель съ музыкой и пальбой въ большой церемоніи—кто идетъ, кто ѣдетъ, кто на козлѣ, на баранахъ, на свиньяхъ, кто на лошадяхъ". Мы спрашиваемъ его:—„По дорогѣ!?"—„Какой по дорогѣ! вѣдь лѣсовики никогда по дорогамъ не ѣздятъ, а они по лѣсу, по вершинамъ деревъ".—„Да правда ли это?"—„Сущая правда; вѣдь не я одинъ, наши сосѣди зачастую видали; мой дѣдъ и отецъ говорили, что они многихъ сортовъ ихъ видали; а когда они свадьбу держатъ, тогда они большой артелью, съ пальбой и музыкой идутъ—вотъ какъ въ эту ночь".—„Значитъ, не любо не слушай, лгать не мѣшай",—замѣтилъ я купцу. Мы стали разными доводами отговаривать его отъ лжи, и наконецъ онъ наполовину отказался отъ видѣннаго,—что по вершинамъ деревьевъ лѣсовики разъѣзжаютъ, но настаивалъ, что въ ихъ деревнѣ есть высокая скалистая гора или скала, и что въ этой скалѣ ужъ навѣрное живутъ черти—всѣ, всѣ видѣли!—даже въ колясках ъ выѣзжаютъ; по осеннимъ ночамъ зачастую слышатъ пѣсни, музыку, хохотъ, смѣхъ, плачъ дѣтей. Отъ вѣры въ этихъ живущихъ въ скалѣ чертей мы не могли ужъ никакъ ихъ отговорить.

Между разговорами поѣли, поужинали, поотдох-

нули нѣсколько часовъ, передъ разсвѣтомъ сварили кофе, напились и отправились, взявъ тутъ оставленный топоръ и рукавицы. Для покупки корму лошадямъ заѣхали на станцію; уже довольно разсвѣло; нѣкоторые уже уѣзжали, но много еще оставалось. Работнику мы велѣли объявить о найденномъ топорѣ и рукавицахъ. Скоро нашлись хозяева, которые и присвоили то и другое. Но по этому поводу возникъ разговоръ между ними и работникомъ. Къ этому разсказу собралось человѣкъ 30 — конечно, съ той и другой стороны—съ большими прибавленіями о нашей музыкѣ. Въ публикѣ нашлись и такіе артисты, которые въ страшно преувеличенномъ видѣ разсказывали, что своими собственными глазами видѣли и собственными ушами слышали эпизоды дьявольскаго явленія и игры. Мы съ удовольствіемъ издали прислушивались къ ихъ разсказамъ. Одинъ среднихъ лѣтъ мужчина, довольно представительной наружности, началъ свой разсказъ, тутъ же ссылаясь на стоявшихъ подлѣ него трехъ мужчинъ сосѣдей, по поводу похожденій лѣшаго:

„Вотъ у насъ также въ нѣкоторыхъ озерахъ временами рыба совершенно пропадаетъ, т. е. не ловится; старики говорили, что водяникъ проигралъ въ карты другого озера водяному; мы, конечно, не вѣрили. Вотъ, года три тому назадъ, въ озерѣ Сааріярви совершенно перестала ловиться рыба, а тутъ въ двухъ

верстахъ разстоянія въ озерѣ Кивіярви стала ловиться съ изобиліемъ рыба. Но что же! пройдя годъ, или, такъ сказать, теперь два года назадъ, осенью, позже этого времени, поздно вечеромъ, у насъ на деревнѣ вошелъ въ кабакъ совершенно особеннаго вида человѣкъ, весь мокрый. Какъ на улицѣ шелъ дождикъ, то и не обратили вниманія на его мокроту. Онъ спросилъ канну водки, взялъ и сразу выпилъ; посидѣлъ немного, попросилъ другую канну водки: „Съ горя выпью; съ такого-то озера проигралъ въ карты всю рыбу водянику озера Сааріярви". Эту другую канну онъ вылилъ за пазуху, заплатилъ деньги и вышелъ. — Что же! Дѣйствительно вѣдь послѣ этого въ озерѣ Сааріярви стала хорошо ловиться рыба".

Такого рода басенъ и преданій пришлось наслушаться до сотни, а о колдунахъ въ то время и говорить было нечего: между сельскимъ населеніемъ каждый второй человѣкъ былъ знахарь. Изъ среды ихъ выдающіеся—прославленные колдуны—оставили легенды о своихъ чудесахъ и волшебствахъ между темнымъ народомъ—и всѣхъ не перечтешь, а если всѣ ихъ описать, то вышла бы толстая книга. Замѣчательно, что эти легенды и басни испоконъ вѣка передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе съ полною вѣрою въ ихъ достовѣрность, а съ половины этого столѣтія какъ-то неуловимо быстро

стали исчезать и къ нашимъ днямъ почти уже совершенно вывелись, развѣ гдѣ въ самой глуши сохранились; во всякомъ случаѣ положительно вывелось стародавнее суевѣріе особенно наглядно въ средней Финляндіи. По окраинамъ и въ русской Кореліи еще замѣтно, но уже въ слабомъ видѣ. О корельскомъ суевѣріи и о ихъ стародревнихъ легендахъ скажу ниже.

Главная причина уменьшенія и, можно сказать, исчезновенія въ народѣ темныхъ предразсудковъ и суевѣрныхъ преданій, это—распространеніе сельско-народныхъ школъ въ Финляндіи, Кореліи и вообще по всей Россіи. Тьма бѣжитъ и прячется безслѣдно передъ свѣтомъ.

Дай Богъ, дай Богъ восторжествовать свѣту надъ тьмою! Свѣту истинному, свѣту просвѣщенія нашей возлюбленной Россіи и свѣту современной цивилизаціи! Пора, наконецъ, народамъ Россіи сбросить съ себя неуклюжій—временъ Ярослава—кафтанъ, временъ Мареы Посадницы длиннополый армякъ, и одѣться въ современный западно-европейскій костюмъ, и пригладить бороду, и причесать нелѣпообразно лежащіе на головѣ волосы.

— Это кто говоритъ? Это кто пишетъ?

Одинъ изъ юнѣйшихъ собратій стомилліоннаго русскаго семейства, отдаленнаго сѣвера — *самоучка корелякъ*.

Выраженіе народныхъ вѣрноподданническихъ чувствъ по поводу покушенія (4-го апрѣля 1866 г.) на жизнь Государя Императора Александра II.

От корельскаго народа.

На отдаленномъ сѣверѣ великой русской семьи живемъ мы, издавна юнѣйшіе изъ братіи, подъ названіемъ „Корелы“. Во времена пра-правнука Ноя пришли мы отъ подошвы горъ Алтая—тѣмъ и кончается вся наша корельская исторія. Живемъ искони въ глуши сѣверныхъ лѣсовъ, на рубежѣ тундръ полярныхъ, въ сосѣдствѣ съ дикою Лапландіею. По общему мнѣнію людей высшаго свѣта, намъ недоступна ни грамотность, ни цивилизація; единственный нашъ удѣлъ — борьба съ суровою стихіею. Во мракѣ религіозныхъ обрядовъ, чуждыхъ гражданскихъ законовъ, намъ суждено мыслить только о ловлѣ звѣриной. Но нѣтъ, братья милой русской семьи! Мы — также какъ и вы—озарены лучомъ свѣта вѣры. Мы—истинныя чада православной христіанской паствы! Мы свято исполняемъ гражданскіе законы. Мы ревностные сыны Россіи и вѣрноподданные Русскаго Монарха; по Царскому слову, мы готовы въ огонь и въ воду. На нашемъ обширномъ сѣверѣ, — какъ ни разбросано наше малочисленное племя,—

и двухъ недѣль не прошло, какъ въ каждой лачужкѣ и хижинѣ уже знали о покушеніи злодѣя на драгоцѣнную жизнь Государя Помазанника Божія. Отъ избытка восторженныхъ чувствъ за спасеніе царственной жизни сколько молитвъ, сколько слезъ умиленія пролито! Уже мѣсяцъ проходитъ, а энтузіазмъ народа не утихаетъ; ни огромныя пространства, ни непроходимые пути, ни пора весенняго распутія—ни почемъ: въ погостѣ, гдѣ храмъ молитвъ, церковь полна молящагося народа о чудесномъ спасеніи драгоцѣнной жизни Царя-Освободителя. Мы, бѣдные сыны хладнаго сѣвера, трудящіеся среди суровой природы, не въ состояніи выказать нашихъ чувствъ матеріальными средствами, но за то всѣ безъ исключенія отъ чистаго сердца возсылаемъ молитвы съ горячими слезами ко Всевышнему Богу:

За тебя, нашъ Великій Государь!
За Матушку Царицу!
За Наслѣдника и Домъ Царскій!
И за всю великую христіанскую Русь!

И тебѣ, Осипъ Ивановичъ Комисаровъ, отъ насъ, отдаленныхъ собратій, чистосердечная благодарность за оказанный тобою Россіи неоцѣненный подвигъ. Пусть же твое имя впишется въ исто-

ріи Россіи на ряду съ именами Минина, Сусанина и прочихъ великихъ мужей! Хвала тебѣ, Россія, что ты единодушнымъ сочувствіемъ выказала свою признательность за великое дѣло Божіе—чудо спасенія дорогой жизни нашему Царю-Освободителю, Творителю великихъ дѣлъ, Императору Александру Второму!

Государю Императору Александру II-му.

Вѣрноподданническія чувства по поводу покушенія 25-го мая 1867 г.

Ты—нашъ Царь и надежда, великой русской семьи отецъ! Обезсмертилъ Ты свое имя Твоими великими дѣлами. Ты, царскимъ мудрымъ правленіемъ, въ исторіи, въ память бытія Твоего, поставилъ надъ обширною Россіею другое незаходящее солнце. Ты далъ народу свободу — въ ихъ жизни, въ ихъ бытѣ. Преобразовалъ ты Россію и далъ ей новый законъ. О! какъ сосѣдямъ нашимъ и всѣмъ нашимъ недоброжелателямъ завидно видѣть любовь Твою къ своему народу и преданность народа къ Тебѣ. Монархъ! Много Тебѣ, Государь, предстоитъ трудовъ, много смѣлости, энергіи и заботъ. Но за то вся Русь слезно молитъ Бога за Тебя, за Царицу и Августѣйшее Семейство Твое!.. Давно ли на Тебя, Государь, на Помазанника Божія, поднялся призракъ простертой руки изверга, умопомѣшан-

наго злодѣя... Но вотъ уже и этотъ страшный призракъ изъ нашихъ очей сталъ исчезать, и въ сердцахъ нашихъ стало таять это злодѣйское покушеніе, — когда, къ общей нашей печали, въ народѣ сдѣлалось извѣстнымъ Твое царское отсутствіе изъ своего государства. Мы тогда обратились съ усердною мольбою къ Богу о Твоемъ здоровьѣ и благоденствіи на дальнемъ пути Твоемъ, вдали отъ своего народа и родины. И вдругъ разнеслась грозная вѣсть о новомъ злодѣйскомъ покушеніи на Тебя, Монархъ, — но рука Провидѣнія снова спасла для насъ драгоцѣнную жизнь Твою! Сколько милліоновъ теплыхъ молитвъ вознесено къ Богу, изъ глубины сердецъ, и милліонъ милліоновъ горячихъ слезъ пролито изъ очей Тобою любимаго русскаго народа!!! Теперь денно и нощно молимъ Бога о Твоемъ благополучіи и всѣ единодушно вѣрноподданническими чувствами молимъ и просимъ: вернись скорѣе въ Твою столицу! Какъ горячо встрѣтимъ мы Тебя, отецъ нашъ родной! Какъ горячо примемъ Тебя, глубокочтимый Монархъ! Отъ избытка восторга и умиленія слезы сами рѣкою польются!!!

Іюнь, 1867 г.

ГОЛОСЪ КОРЕЛА.

ОТЪ РЕДАКЦІИ [1]).

„Авторъ этихъ писемъ—уроженецъ селенія Сямозера, Петрозаводскаго уѣзда. Лѣтъ сорокъ тому назадъ обучившись грамотѣ, онъ оставилъ родную деревню, жилъ въ Финляндіи, по торговопромышленнымъ дѣламъ избороздилъ почти всю Россію, изучая народности, населяющія наше отечество, его исторію и географію. Многое, судя по письмамъ, извѣстно нашему самоучкѣ-корелу. И вотъ, возвратившись на родину, онъ пожелалъ выразить свои впечатлѣнія въ письмахъ къ земляку, одновременно съ нимъ оставившему Сямозеро и поселившемуся навсегда въ Финляндіи. Въ доставленныхъ намъ отъ него статьяхъ мы исправили

---

[1]) Отзывъ редакціи „Олонецк. Губ. Вѣдом.“ о моемъ первомъ авторствѣ.

только слогъ, изобилующій оборотами живого корельскаго языка, котораго, какъ видно, не забылъ сорокалѣтній странствователь по Россіи, опустили нѣкоторые слишкомъ фантастическіе отзывы о родномъ его краѣ, но весь, такъ сказать, колоритъ его впечатлѣній оставили неприкосновеннымъ. Автору не чуждо и поэтическое настроеніе. Предъ нами цѣлая тетрадь его „стихосложеній", изъ которыхъ нѣкоторыя, не смотря на отсутствіе версификаціи и вообще на недостатокъ художественности, выражаютъ живыя картины изъ народнаго быта и не лишены нравственно-назидательнаго элемента. Помѣщая на первый разъ письма нашего самоучки-корела (нынѣ купца г. Іоенсу, Куопіоской губерніи, Мирона Смирнова), мы напечатаемъ впослѣдствіи и нѣкоторыя изъ его стихосложеній.

Изъ писемъ самоучки-кореляка [1].

I.

Любезный другъ К. Д. Очень естественно, что мы—кореляки—самые юнѣйшіе собратія великаго русскаго семейства, заброшенные историческими переворотами, еще до нашей эры, съ подошвы Алтая на отдаленный сѣверъ. Въ средѣ матушки Россіи о насъ мало знаютъ, — развѣ только одни ученые; остальные считаютъ насъ за дикарей, борющихся съ суровыми сѣверными стихіями, посреди болотъ, лѣсовъ и льдовъ, въ обществѣ волковъ и медвѣдей, питающихся древесною корою,—однимъ словомъ, что въ насъ и чувствъ-то человѣческихъ нѣтъ. — Нѣтъ, загляните въ насъ поглубже, и вы увидите въ насъ тотъ же избытокъ чувства преданности Царю и Отечеству, какъ и у великоруссовъ (пожалуй чувства эти смѣло можно

[1]) Напечатано было въ „Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1868 года, въ №№ 22 и 23-мъ, подъ тѣмъ же заглавіемъ.

бросить на вѣсы); найдете и задатки къ просвѣщенію. Проведя лучшее время жизни въ средѣ родныхъ намъ финскихъ племенъ, населяющихъ сѣверъ и сѣверо-западъ Россіи, имѣвъ дѣла съ евреями, нѣмцами, поляками, литовцами, я думаю—грѣха не будетъ, ежели и въ моихъ собратіяхъ-кореллякахъ я открою тѣ же высокія патріотическія чувства.

Ты со мною въ однихъ лѣтахъ. Родились мы въ одной и той же корельской деревушкѣ. Правда, и теперь еще здѣсь очень мало развита грамотность, а во время нашего дѣтства, безъ малаго полстолѣтія назадъ, и говорить нечего, въ какомъ она была положеніи. Ежели въ приходѣ кому удалось научиться читать безъ складовъ, и то по церковно-славянской печати, такъ тотъ считался уже грамотѣемъ. Этотъ высшій курсъ выдержали и мы съ тобою. Потомъ судьба толкнула насъ на коммерческую дорогу, въ самый центръ Финляндіи, гдѣ ты провелъ все время своей жизни на одномъ мѣстѣ и при одномъ занятіи. Мнѣ она иначе опредѣлила: какъ говорится, тамъ и сямъ, т. е. постоянно въ разъѣздахъ по дѣламъ; весь юго-западъ, западъ и сѣверо-западъ, Польшу, Литву, остзейскіе города дала мнѣ въ удѣлъ; про Финляндію говорить нечего, — она знакома какъ своя родная деревня; весь сѣверъ, за полярный полукругъ, отъ

лопарей до самоѣдовъ, крестъ-на-крестъ мною искрещенъ: Волга-матушка съ ея притоками знакома уже съ юныхъ лѣтъ. Значитъ, я на своемъ вѣку нанюхался и насмотрѣлся людей въ нашемъ любезномъ отечествѣ. Ихъ нравы, склонности и обычаи для любознательнаго человѣка имѣютъ высокій интересъ. Изучать и сличать ихъ, я думаю, не безъинтереснѣе отысканія философскаго камня.

Не нами сказано: въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. Послѣ сорокалѣтняго отсутствія изъ-подъ отцовской кровли въ родной деревушкѣ, желаніе побывать на родинѣ не только не оставляло меня, но болѣе и болѣе усиливалось и какъ червь точило сердце; какой-то невидимый голосъ шепталъ: на родину, на родину! тамъ только пріятно отдохновеніе и возможенъ покой тревожному сердцу. Говорятъ, только два народа въ Европѣ такъ горячо, полнымъ сердцемъ любятъ свое отечество: это—гористая Швейцарія и наша обширная Россія.

Наконецъ Богъ привелъ и на родину. Вотъ почему пишу тебѣ это длинное и безсвязное письмо. Очень можетъ быть, что оно тебѣ наскучитъ, но не забудь, что человѣкъ въ своей жизни видалъ глупѣе и глоталъ горчѣе. Чтó я ощущалъ приближаясь къ Сямозеру, тó и разскажу тебѣ; быть можетъ, выйдетъ и нескладная пѣсня, неправиль-

ная картина, отъ неумѣнья набросать необходимыя краски, но за то лишняго, право, ничего отъ себя не прибавлю.

Ты зналъ очень хорошо врожденную во мнѣ страсть къ красотамъ природы, къ мірозданію съ его стихіями. Но какой восторгъ я ощущалъ, приближаясь къ родному озеру, на берегахъ котораго провелъ дни младенчества и юности, трудно передать на словахъ. Казалось, каждый камешекъ со мною говорилъ, каждое деревцо мнѣ улыбалось. словомъ, я воображалъ свою радость выше восторга Карла XII, который, послѣ знаменитой войны съ Петромъ Великимъ и бѣгства изъ Турціи, вступивъ на почву Швеціи, бросился ницъ и поцѣловалъ родимую землю.

Мѣстоположеніе сел. Сямозера не лишено живописныхъ видовъ. На берегахъ большого озера [1]) съ красивыми островами, мысами [2]) и заливами [3]), искони замѣчательнаго изобиліемъ рыбы, вкусною и прозрачною водой, расположено много деревень въ 6—50 дворовъ; въ нихъ много хорошихъ, большихъ домовъ. Деревни то тянутся по высокой горѣ, прямо по склону, то лѣпятся въ глубинѣ какой - нибудь бухты или по самому ровному берегу озера. Общая

[1]) Озеро Сямозеро длиною 30, шириною 15 верстъ.

[2]) Мысъ по-корельски ніеми.

[3]) Заливъ — лахта.

панорама Сямозерскаго селенія имѣетъ свой оригинальный характеръ: въ ней встрѣчаются всевозможные виды природы сѣвернаго края.

Погостъ Сямозерскій стоитъ на мысѣ, который кажется не природнымъ, а какъ бы искусственнымъ. На самой оконечности мыса красуются двѣ церкви, соединенныя высокимъ, длиннымъ коридоромъ, съ отдѣльною колокольнею. Расположеніе погоста съ сосѣдними деревнями по берегу озера образуетъ фигуру орла съ полураспущенными крыльями. Отъ самыхъ прибрежныхъ селеній мѣстность постоянно возвышается на значительное разстояніе и занята полями. Мѣстами еще зеленѣютъ яровые хлѣба, а озимые волнуются какъ золотистое озеро. Поля окружаютъ горы разныхъ формъ, въ видѣ амфитеатра, то пирамидальныя, то конусообразныя, то покрытыя густымъ сосновымъ или молодымъ лиственнымъ лѣсомъ. Между лѣсными пространствами встрѣчаются вырубленныя прогалины для нивъ. Съ этихъ обнаженныхъ горныхъ вершинъ любовался я открывшимися передо мной живописными видами. Для первыхъ впечатлѣній я выбралъ юго-восточную сторону, восточную и сѣверо-восточную. И не ошибся. Предо мною открылся пейзажъ съ пушистыми лѣсами, зелено-бархатными лугами, чрезъ которые змѣеобразно вились мѣстами ручейки. Въ отдаленіи, въ первобытномъ состояніи отдыхало

болото, ожидая отъ трудолюбія корела своего превращенія въ удобную почву. Рядомъ величаво возвышался сосновый боръ. И тамъ, и здѣсь по всей этой картинѣ разбросаны озерки, отражающіе окрестности въ своихъ зеркальныхъ лонахъ. На косогорѣ пасется стадо коровъ, на полянѣ гуляютъ овцы. По срединѣ голубою лентою извивается рѣка Сянся. Вдали тянется цѣпь песчаныхъ холмовъ, какъ морскія волны, догоняющія одна другую во время бури. Повидимому, въ далекія отъ насъ времена онѣ были покрыты водою; затѣмъ, когда суша отдѣлилась отъ влаги, при содѣйствіи другой стихіи—урагана, съ песчанаго дна поднялись эти крутые курганы разнообразныхъ формъ. По направленію къ сѣверо-западу въ воды озера врѣзался узкій мысъ, называемый Азанъ-ніеми, длиною версты двѣ, параллельно съ мысомъ, на которомъ стоитъ погостъ. На оконечности этого мыса, или правильнѣе косы, на узкой полосѣ — большая гора валуновъ. По линіи, которая опоясываетъ песчаные холмы твердымъ булыжнымъ поясомъ, ясно можно опредѣлить черту древняго стоянія водъ надъ нынѣшнимъ горизонтомъ озера. На одномъ изъ холмовъ находится огромный камень—кимасъ киви, на который ходятъ смотрѣть съ любопытствомъ даже отдаленные жители. По наружности это отрогъ отъ первозданныхъ горъ, издалека занесенный сюда

льдами, такъ какъ въ окружности на нѣсколько десятковъ верстъ скалъ вовсе нѣтъ.

Мнѣ хорошо знакома вся Финляндія, весь сѣверъ отъ Ботническаго залива до Бѣлаго моря, съ берегами послѣдняго, и часть Ледовитаго моря (около Мезени). Всѣ горные хребты, холмы, озера и рытвины имѣютъ тамъ направленіе въ длину отъ СЗ къ ЮВ. Сѣверо-западная оконечность этихъ горъ и холмовъ—каменистая и совершенно обнажена, а юго-восточная покрыта наносною землею. Наблюдая поверхность упомянутаго пространства, задаешь себѣ вопросъ: вода ли опускалась (т. е. отступала), или поднималась (т. е. росла) почва; но, кажется, неоспоримо, что процессъ происходилъ при сильномъ водяномъ теченіи отъ СЗ къ ЮВ, что̀ особенно наглядно замѣтно въ гористой Финляндіи. Далеко ли отъ Ботническаго залива Норвегія, но тамъ сказанное направленіе горъ и озеръ замѣчается отъ ЮЗ къ СВ, слѣдовательно въ свое время здѣсь тоже могло быть теченіе.

Съ другого возвышеннаго пункта окрестностей Сямозера я наблюдалъ иные виды на самое озеро. На самомъ горизонтѣ синѣютъ горы разныхъ очертаній; вправо на всемъ видимомъ пространствѣ, исключая прибрежья озера, вся отдаленность покрыта сплошнымъ лѣсомъ; впереди и влѣво, далеко за озеромъ, раскинуты деревни, или въ низменно-

сти, съ пестрѣющими между лѣсомъ полями, или чуть видныя глазомъ, на холмахъ и пригоркахъ. При каждомъ селеніи темнѣетъ черное пятно—это еловая роща съ часовнею на кладбищѣ. Внизу, подъ самыми почти ногами—ближайшій берегъ Сямозера съ вереницею деревень и съ погостомъ на мысѣ. За $^1/_2$—2 версты отъ берега, параллельно съ нимъ, группируются живописные острова; здѣсь вокругъ нихъ въ лѣтнюю вечернюю пору снуютъ лодки рыболововъ и охотниковъ. На лугу сѣнокосцы, окончивъ работу, идутъ съ пѣснею домой. На полянѣ хлѣбопашецъ разговариваетъ съ своею клячей, браня на чемъ свѣтъ стоитъ докучныхъ слѣпней. Съ озера несется звонкая пѣсня...

Но вотъ уже лучезарное солнце спустилось въ ясную гладь тихаго озера. Рабочій людъ уже покоится послѣ дневныхъ трудовъ. Мѣстами струится дымокъ отъ огня, разложеннаго для защиты скота отъ комаровъ и мошекъ. Лодочки рѣдѣютъ. Но сѣверная лѣтняя ночь не теряетъ живой своей прелести. Голосистый жаворонокъ опускается на отдыхъ въ рожь съ своею трелью, въ лощинѣ начинаетъ пѣть сѣверный соловей, а въ сосновомъ лѣску распѣваетъ дроздикъ; игривая ласточка передъ сномъ цѣлуетъ зеркальную поверхность озера, а въ лѣсу раздается по временамъ монотонный голосъ кукушки и навѣваетъ на душу мечтательныя думы.

II.

Кстати ужъ упомяну здѣсь и о живущихъ въ Финляндіи нашихъ православныхъ русскихъ; ихъ тамъ довольно много. Попавъ въ край по дѣламъ коммерческимъ, они выбрали осѣдлость и записались на постоянное жительство. Но это сѣмя попало на камень или, такъ сказать, въ воду кануло. Къ сожалѣнію, мы, русскіе, сами кругомъ виноваты въ этомъ: мы боимся шведовъ, косо посматривающихъ на говорящаго по-русски,—такъ какъ все русское здѣсь считается полуварварскимъ,—и, не умѣя говорить по-шведски, не знаемъ и финскаго нарѣчія. Вотъ и поломай себѣ голову, что выйдетъ изъ этого русскаго зародыша на финской почвѣ! А между тѣмъ намъ, русскимъ, слѣдовало бы не чуждаться родного своего языка, а какъ можно усерднѣе подготовлять дѣтей нашихъ къ знакомству съ сокровищами отечественной литературы.

Посмотримъ на другіе народы,—напримѣръ, англичанъ. Обитатели небольшого острова, они успѣли распространить свое вліяніе и свой языкъ по всему свѣту. А что этому причиной? Два главные рычага, приводящіе весь этотъ механизмъ въ движеніе—вѣра и промышленность. Англія, благодаря своимъ миссіонерамъ-мученикамъ, успѣла распространить свѣтъ христіанства на отдаленныхъ кон-

цахъ міра, въ средѣ дикихъ людоѣдовъ Африки, Америки и Австраліи. Вмѣстѣ съ тѣмъ войдя въ торговыя сношенія съ разными народностями, создала свой огромный коммерческій флотъ. Вотъ твердый пьедесталъ развитія силы и богатства какой бы ни было державы. Взгляните также на евреевъ. Прошли тысячелѣтія, съ тѣхъ поръ какъ ихъ собственное отечество изгладилось съ лица земли; еще въ библейскія времена они были разбиты и разсѣяны по всему свѣту; всѣ народы пренебрегаютъ ими,—но они все не оставляютъ своего родного языка, своей грамотности.—А у насъ, русскихъ, что же мы видимъ? Величайшая въ мірѣ имперія, гдѣ на протяженіи 13 т. верстъ 60-ти милліонное населеніе—коренное русское,—и мы стыдимся своего языка, пренебрегаемъ произведеніями отечественной литературы, отдавая преимущество всему иностранному, часто изъ одного только рабскаго подражанія.

Да, вѣра—пьедесталъ государственнаго строя. Къ этому несокрушимому, святыми мужами сооруженному зданію путеводителемъ должно быть духовенство. Но увы! гдѣ у насъ мученики — знаменитые православные миссіонеры? Безъ энергіи, безъ усердія, безъ нравственныхъ достоинствъ!... Между тѣмъ какое поле для нихъ впереди—въ восточной Азіи, на нашей границѣ! Вотъ гдѣ была бы для нашихъ миссіонеровъ работа посѣва православія

между различными племенами. Имъ не нужно было бы, какъ католическимъ и лютеранскимъ миссіонерамъ, подвизающимся между людоѣдами, ѣхать за тридесять морей, на другое полушаріе, рисковать жизнью. Въ самой чертѣ нашего отечества еще не вывелось идолопоклонство.

Точно также наша торговля и промышленность безъ торговаго флота, безъ своихъ природныхъ русскихъ моряковъ—нуль. Посмотрите на Финляндію. Эта небольшая область Россіи, бѣдная дарами природы—чѣмъ держитъ она себя выше насъ въ финансовомъ отношеніи? Промышленностью и торговымъ флотомъ. Кажется, этого доказательства довольно и для полуразвитого мужика, а для купца и подавно. Слава Богу, что у насъ быстро начали строиться желѣзныя дороги; волею-неволею онѣ разовьютъ нашу промышленность, прольютъ лучи свѣта на отдаленные углы отечества.

Финляндія, къ сожалѣнію, какъ я сказалъ, косо смотритъ и на незначительное водвореніе у себя заѣзжаго русскаго элемента. Русскій языкъ не преподается въ школахъ; употребленіе его было даже изгнано изъ университета, въ которомъ оно было обязательно для юридическаго факультета. Между тѣмъ вслѣдствіе ежедневныхъ сношеній княжества съ Россіею—гражданскихъ, торговыхъ и политическихъ—и по самому географическому положенію

своему финнамъ выгоднѣе сближаться съ Россіею, развивать свою собственную народность, а не заимствовать ее у старыхъ друзей своихъ—шведовъ.

Безъ сомнѣнія, финны опередили насъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ,—если возьмемъ въ примѣръ низшій классъ русскаго общества, — въ грамотности, хозяйствѣ, хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ. Но на ихъ сторонѣ особыя права, покровительствующія развитію гражданственности. Тамъ каждый крестьянинъ владѣетъ землею какъ своею собственностью, которая отдѣльно отрѣзана ему въ вѣчное владѣніе. Онъ можетъ свободно продать и купить ее. Это право возвышаетъ не только хозяйственный, но и нравственный уровень финскаго крестьянина передъ русскимъ, особливо при обязательномъ для каждаго финна обученіи грамотѣ.

Хотя мы далеко отстали на пути развитія отъ остальной цивилизованной Европы (я говорю преимущественно о низшемъ классѣ русскаго общества), но теперь, когда въ нынѣшнее благодатное царствованіе совершаются столь обширныя преобразованія въ нашей гражданской, политической и промышленной жизни, мы вправѣ возвысить голосъ за свой успѣхъ въ недалекомъ будущемъ. Извини, мой другъ, если скажу тебѣ то, что думаю: по личному моему убѣжденію, наше духовенство все еще дѣлаетъ малые шаги на пути народнаго образованія

и духовнаго воспитанія народа силою пастырскаго своего слова. Въ теоріи, на бумагѣ, замѣтно движеніе, а на практикѣ—нисколько, о чемъ сожалѣю, даже душою и сердцемъ скорблю, тѣмъ болѣе, что положеніе духовенства въ средѣ народа и его отношенія къ нему мнѣ знакомы, благодаря моимъ разъѣздамъ, въ теченіе 40 лѣтъ, по городамъ и селамъ, погостамъ и деревушкамъ Финляндіи, Кореліи, Остзейскаго края, внутренней Россіи и части Польши. Люблю сличать отношенія духовенства къ народу въ разныхъ мѣстахъ отечества, особенно въ отношеніи вліянія его на развитіе образованія между крестьянствомъ, и прихожу къ выводу, что въ этомъ дѣлѣ необходимо болѣе вліятельное содѣйствіе духовенства, отъ котораго зависитъ умягченіе и удобреніе невѣжественной и загрубѣлой почвы всего сельскаго быта.

По моему полу-практическому взгляду, для первоначальной реформы необходимы три ступени: во-первыхъ, улучшить бытъ сельскаго духовенства, давъ ему часть земли для огорода, пашни и сѣнокоса и, согласно съ мѣстными условіями, приличное жалованье; на требы установить таксу; главное же—построить на погостахъ для причта дома, приличные духовному званію, разложивъ стоимость ихъ на прихожанъ. Деньги на это незамѣтно соберутся при подушномъ окладѣ въ нѣсколько лѣтъ. Такое

положеніе поставитъ духовенство внѣ всякой зависимости отъ грубыхъ прихожанъ; болѣе или менѣе приличная обстановка духовной особы будетъ имѣть значительное вліяніе надъ невѣжественною паствой, поставитъ священниковъ на степень дѣйствительныхъ левитовъ [1]). Тогда только народъ будетъ оказывать духовенству полное уваженіе, когда и сила пастырскаго слова, и самый образъ жизни пастыря будутъ на пасомыхъ имѣть религіозное и нравственное вліяніе; только тогда грубую оболочку народа пробьютъ лучи духовнаго свѣта и оплодотворятъ невѣжественную почву, въ которой бредетъ и вязнетъ не только низшій, но даже и средній классъ нашего общества [2]).

Во-вторыхъ, слѣдуетъ учредить сельскія школы, независимыя отъ духовенства (исключая преподаваніе закона Божія), поручить завѣдываніе школою и обученіе другимъ предметамъ особому

---

[1]) Мнѣ сплошь и рядомъ удавалось видѣть помѣщеніе священниковъ въ такихъ лачужкахъ, что невозможно передать, между тѣмъ какъ въ Финляндіи совершенный контрастъ—тамъ хоть какой бѣдный приходъ, а для пастора выстроенъ великолѣпный домъ.

[2]) При этомъ необходимо оградить приходское духовенство отъ излишняго произвола предлежащей духовной власти, какъ того требовали Стоглавый Соборъ и Духовный Регламентъ Петра Великаго, и дать вѣсъ голосу прихожанъ въ избраніи и удаленіи своего пастыря, какъ это предоставляется уставомъ духовной консисторіи, согласно съ воззрѣніями приведенныхъ памятниковъ нашего законодательства—въ теоріи, но далеко не примѣняется на практикѣ.

гражданскому лицу, или — въ небольшихъ приходахъ — наиболѣе образованному и съ хорошею нравственностью дьячку или пономарю. Въ первоначальную программу обученія войдутъ: законъ Божій, чистописаніе, чтеніе, ариѳметика — и достаточно. У кого хорошія способности, тотъ самъ постарается узнать потомъ дальше и больше, а при посредственныхъ успѣхахъ достаточно обученія чтенію и закону Божію. Въ семьѣ не безъ урода: и въ ученой Германіи встрѣчаются у однихъ и тѣхъ же родителей одинъ сынъ знающій много, а другой—ничего.

Въ-третьихъ, необходимо устройство уѣздной и сельской полиціи, которая вмѣстѣ съ духовенствомъ должна принять участіе въ объясненіи народу преимуществъ грамотности передъ невѣжествомъ, уговаривать родителей непремѣнно отдавать дѣтей въ школы, а тѣмъ болѣе настаивать и на самомъ дѣлѣ стараться обучать дѣвушекъ; будучи матерями, онѣ легко могутъ между домашними занятіями своевременно обучать первоначальной грамотѣ своихъ ребятишекъ; со временемъ изъ такихъ дѣвушекъ могутъ образоваться и сельскія учительницы. Необходимо также стараться искоренять путемъ закона сквернословіе, дурное обращеніе съ животными, особенно съ лошадьми, и строго, неуклонно слѣдить за этимъ. Достигать этого можно первоначально сло-

вами убѣжденія, а потомъ штрафами. Этимъ путемъ должно смягчать загрубѣлые нравы, и чѣмъ энергичнѣе будетъ достигаться цѣль, тѣмъ день ото дня будетъ легче. Народъ, повѣрьте, пойметъ свое благо, лишь бы умѣли поддѣлаться подъ складъ его и обращались съ нимъ почеловѣчнѣе. Безъ сомнѣнія, если въ дѣлѣ распространенія грамотности и смягченія грубыхъ нравовъ духовный пастырь и блюститель гражданскаго порядка пойдутъ рука объ руку, то это отзовется фундаментально и въ высшей степени благодѣтельно во всемъ сельскомъ быту и принесетъ несомнѣнные плоды въ будущемъ.

Вліяніе пара на сѣверѣ [1]).

Какъ-то я прочиталъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ 1869 г., что въ Тромзое прибылъ изъ Архангельска русскій купецъ Михаилъ Сидоровъ, на пароходѣ „Конгъ-Карлъ“ съ цѣлью установить пароходное сообщеніе между Норвегіею и Сибирью, для поощренія весьма выгодной, по его мнѣнію, торговли. Положимъ, заранѣе трудно исчислить всю

---

[1]) Эта статья была напечатана въ „Сынѣ Отечества“, 1869 г., № 23, подъ заглавіемъ: „Іоенсу.—Изъ писемъ сѣверяка“.

выгоду предпріятія; тѣмъ не менѣе нельзя отъ души не пожелать г. Сидорову успѣха въ его добромъ намѣреніи и трудномъ предпріятіи. И гдѣ еще? На самомъ отдаленномъ сѣверѣ. Мысль г. Сидорова о соединеніи пароходнымъ сообщеніемъ двухъ сѣверныхъ оконечностей Европы для развитія торговли и промышленности можно назвать по истинѣ смѣлымъ и благороднымъ предпріятіемъ, а никакъ не мечтой, какъ это, можетъ быть, кажется нѣкоторымъ. Мы живемъ въ такой вѣкъ, въ который на нашихъ же глазахъ совершается много невѣроятныхъ дѣлъ и осуществляется смѣлыхъ предпріятій. Довольно указать для примѣра на то, что тридцать лѣтъ тому назадъ на Волгѣ не знали и не вѣрили, что по этой рѣкѣ будутъ ходить пароходы, а теперь—говорятъ—тамъ 450 пароходовъ, одинъ другого больше и великолѣпнѣе, летаютъ не по одной Волгѣ, но и по Каспію, и по другимъ рѣкамъ и морямъ. Это еще не все: лишь десять лѣтъ назадъ китайскій императоръ уступилъ Россіи Амурскую область съ большой рѣкой, и вотъ тамъ ужъ давно ходятъ наши пароходы. Это-то и поддерживаетъ въ насъ надежду; потому что если на Амурѣ есть свои русскіе пароходы, то отчего же у насъ на сѣверѣ такъ мало развито пароходное сообщеніе? Безспорно, Приамурскій край теплый и плодородный, но за то тамъ почти по большей части народъ полудикій,

развить который не малаго стоитъ труда; самое устье Амура съ своимъ капризнымъ характеромъ и со своими вѣчными туманами немного лучше нашей сѣверной Двины. Обь и Печора съ своей стороны доступны пароходному сообщенію, и хотя здѣсь навигаціонное время весьма коротко, но это лишь указываетъ на необходимость умѣть пользоваться этимъ временемъ. Если даже при этомъ и допустить, что Обь совершенно недоступна пароходному сообщенію при самомъ устьѣ губы, и что тамъ вѣчные льды, то и въ такомъ случаѣ можетъ открыться, пожалуй, возможность соединить Обь съ Печорою въ верховьяхъ ихъ, гдѣ и самое народонаселеніе, какъ уже объ этомъ писано, умножается. Какъ бы то ни было, но отчаиваться не слѣдуетъ. Напримѣръ, на рубежѣ бѣдной Кореліи — на берегу Онежскаго озера — городъ Петрозаводскъ десять лѣтъ тому назадъ и немыслимъ былъ съ какимъ-либо пароходнымъ сообщеніемъ; а теперь видимъ, что три большихъ парохода еженедѣльно дѣлаютъ каждый по рейсу между нимъ и столицею. Или другой фактъ — Финляндія. Лѣтъ 15 тому назадъ нѣкоторые смѣльчаки, въ видѣ опыта, завели посредственный пароходъ и стали дѣлать случайные рейсы, а теперь десять большихъ, великолѣпныхъ пароходовъ дѣлаютъ постоянные рейсы и зарабатываютъ хорошіе барыши, не смотря на многочисленность

парусныхъ судовъ, не смотря на природную бѣдность страны и на то, что все пространство ея покрыто скалами, каменьями, болотами и безчисленнымъ множествомъ озеръ, изъ которыхъ Сайма разливается въ разныхъ направленiяхъ на нѣсколько сотъ верстъ. Это-то озеро въ 1856 году соединено великолѣпно устроеннымъ Сайминскимъ каналомъ съ Финскимъ заливомъ при городѣ Выборгѣ. И вотъ по этой-то сайминской системѣ, гдѣ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ для опыта начали рейсы только два незавидныхъ парохода, теперь болѣе тридцати пароходовъ буксирныхъ и пассажирскихъ, и всѣ имѣютъ довольно работы. Изъ приведенныхъ фактовъ мои собратья, жители Олонецкой и Архангельской губернiй, могутъ видѣть, какъ паровое сообщенiе можетъ быстро развиться даже въ глуши сѣвера и сильно помогать торговлѣ. Вышеупомянутыя губернiи почти на одной высотѣ съ Финляндiею, гдѣ тѣ же раннiе холода и позднiе морозы. И сколько въ этихъ губернiяхъ есть такихъ мѣстъ, гдѣ необходимо и выгодно пароходное сообщенiе! А потому-то можно надѣяться, что всякiй, кто только имѣетъ возможность, приметъ участiе въ этомъ полезномъ дѣлѣ для пользы страны.

Теперь обратимъ вниманiе на желѣзныя дороги. Какъ видно, мысль о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россiи въ большомъ ходу, и ихъ проводятъ всюду,

а нашъ бѣдный сѣверъ какъ бы забытъ; между тѣмъ стоило бы обратить вниманіе на бассейнъ сѣверной Двины, который еще въ первобытныя времена русскаго государства процвѣталъ и велъ торговыя сношенія съ иностранными рынками. Правда, года полтора тому назадъ, мы читали въ газетахъ, что инженеръ Н. Шмидтъ проектировалъ линію въ Вятской губерніи, къ двинской системѣ. Какъ радостно забилось сердце у насъ, сѣверянъ, отъ этой вѣсточки, но увы! Вотъ уже другой годъ, какъ объ этомъ благомъ намѣреніи и помину нѣтъ. А между тѣмъ одна Вятская губернія ведетъ хорошій сбытъ за границу изъ Архангельскаго порта и продовольствуетъ весь нуждающійся нашъ сѣверный край. Притомъ же на проведенной г. Шмидтомъ линіи стоятъ богатые, неистощимые лѣса и самая мѣстность изобилуетъ желѣзною рудою. Будемъ же питать надежду, что многовѣковую торговлю Двины не оставятъ безъ вниманія и не обойдутъ и нашего сѣвера рельсовымъ путемъ.

Руочинъ Саари — Островъ Шведовъ — на озерѣ Сямозерѣ въ Петрозаводскомъ уѣздѣ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ по Корели.)

Всякъ себя хвалитъ и любитъ больше говорить о себѣ и своемъ, что ближе къ сердцу. Знаменитый Гумбольдтъ, будучи придворнымъ чтецомъ при берлинскомъ дворѣ, любилъ читать преимущественно свои произведенія; даже пропустя нѣсколько времени, повторялъ опять то же самое, чтó было уже извѣстно слушателямъ изъ прежнихъ чтеній; но такія повторенія допускались первому ученому своего вѣка, бывшему притомъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Природный корелъ, я самъ стараюсь передавать по преимуществу черты изъ бытовой и исторической жизни моего племени, въ увѣренности, что читатели простятъ мнѣ мои симпатіи къ родичамъ, объ историческомъ и культурномъ развитіи которыхъ извѣстно мало матеріаловъ.

Чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ скуднѣе дѣлаются историческіе памятники народовъ. Но что-нибудь должно бы было все же сохраниться если не въ письменныхъ актахъ, то въ устныхъ преданіяхъ, такъ какъ здѣсь давно была проложена народная и правительственная граница между скандинавскими народами и

русскими корелами, долго враждовавшими между собою и дѣлавшими одинъ на другого военно-хищническіе набѣги. Такъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій сѣверовосточная военная граница Финляндіи проходила по Русской Кореліи, близко касаясь между прочимъ населенныхъ окрестностей озера Сямозера (въ Петрозаводскомъ уѣздѣ, въ 50 вер. на западъ отъ губернскаго города). Эти мѣстности издавна русскія, не могли не остаться безучастными въ кровавыхъ схваткахъ съ сосѣдними народами. Объ этомъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся доселѣ преданія сямозерцевъ, о которыхъ я скажу ниже.

Финско-корельская граница, начинаясь отъ сѣверовосточнаго берега Ладожскаго озера, проходила прямою линіею на сѣверъ, чрезъ вѣковые лѣса, болота и тундры мимо Кандалаксы на западъ отъ губернскаго города близъ Нордкапа. Можно себѣ представить, сколько произошло удалыхъ подвиговъ съ той и другой стороны на пустынныхъ окраинахъ этой границы; какъ стойко отстаивали свою народность, а главное свою вѣру русскіе съ корелами, а финны со шведами. Еще и теперь весь этотъ сѣверный рубежъ пестрѣетъ живыми разсказами и преданіями, которыя носятъ на себѣ характеръ своего времени, съ его духомъ, нравами, фанатизмомъ и жестокостями. Такъ въ народныхъ разсказахъ обѣ стороны

хвалятся своими набѣгами и нападеніями среди сѣверныхъ лѣсовъ: финны — мѣткостью стрѣльбы изъ винтовокъ, корелы — какъ стрѣльбою, такъ и удальствомъ и проворствомъ. На сѣверѣ шайки составлялись малочисленныя — въ 5, 10, много 20 человѣкъ,—чѣмъ южнѣе, тѣмъ больше—отъ 100 до 200 человѣкъ, сообразно густотѣ окрестнаго населенія, — и предводительствовались какимъ-нибудь старымъ капраломъ или отставнымъ ветераномъ.

При моихъ странствованіяхъ по сѣверной Кореліи и пограничной съ нею Финляндіи я могъ встрѣтить только три памятника старыхъ битвъ, въ родѣ оборонительныхъ укрѣпленій. На берегу Бѣлаго моря при г. Кеми, въ самомъ устьѣ рѣки того же имени, на маленькомъ островкѣ возвышается шестиугольная деревянная башня, имѣющая сажени три въ поперечникѣ, съ двойными стѣнами въ нѣсколько этажей, безъ крыши. Въ стѣнахъ башни нѣсколько отверстій, изъ которыхъ, говорятъ, при нападеніи враговъ бросали въ послѣднихъ каменья, заостренные колья, стрѣляли изъ луковъ, а потомъ, когда распространилось огнестрѣльное оружіе—изъ винтовокъ и пищалей. Близъ Ребольскаго погоста замѣтны слѣды батарей или крѣпостцы, устроенной во время войны съ Швеціей, въ концѣ прошлаго столѣтія; укрѣпленіе это, какъ

видно, было воздвигнуто изъ булыжнаго камня, изъ котораго сдѣланъ и пороховой погребъ [1]).

Третій оборонительный пунктъ въ области Кореліи находится въ границахъ Финляндіи на самомъ берегу Ладожскаго озера, при устьѣ рѣки Ляскеля. Это стариннаго устройства батарея, которая отъ времени успѣла почти изгладиться. Она была на высокомъ курганѣ, внутри котораго, по темному преданію, была когда-то часовня: съ этой возвышенности впослѣдствіи, по всей вѣроятности, дѣйствовали изъ пушекъ, такъ какъ здѣсь окрестные жители находятъ иногда чугунныя ядра. Саженяхъ въ 60-ти отъ кургана къ востоку находится православное корельское кладбище. Между курганомъ и кладбищемъ мнѣ удалось найти въ землѣ при поверхностныхъ раскопкахъ старинную небольшую русскую монету съ славянской надписью, которой разобрать было нельзя, и каменное совершенно круглое ядро, около 2 вершковъ въ діаметрѣ; камень породы совершенно отличной отъ мѣстныхъ каменныхъ породъ.

---

[1]) Батарей этихъ замѣтно двѣ: одна отъ погоста къ западу по лѣвую сторону озера Лексо, около 80 саж.; другая, по тому же направленію, чрезъ 1 версту. Батареи были окружены рвами съ запада, валами или насыпями съ востока. Длина рвовъ и валовъ— въ первой батареѣ: 26 с. ш., 2 с. в.; во второй дл. 47 с., ш. четыре сажени; входъ былъ съ востока. Во время войны со шведами, около 1788, 1790 гг., здѣсь стояли войска для защиты русской границы.

Говоря объ этихъ памятникахъ давно минувшаго, считаю умѣстнымъ сообщить народное преданіе, сохранившееся въ сел. Сямозерѣ. Предъ самымъ Сямозерскимъ погостомъ расположена красивая группа острововъ; изъ нихъ самый большой и ближайшій къ берегу материка носитъ корельское названіе: Руотчинъ-саари, что означаетъ въ буквальномъ переводѣ: „Островъ шведовъ" или „Шведскій островъ"; въ длину онъ имѣетъ до 2 верстъ, а наибольшая ширина простирается до $^1/_2$ версты.

Во времена отъ насъ отдаленныя, въ одинъ изъ многочисленныхъ набѣговъ шведовъ на западную Корелію, отряду человѣкъ въ 200 удалось достигнуть до западнаго берега озера Сямозера. Въ этомъ углу берега озера менѣе заселены, чѣмъ на противоположномъ—восточномъ углу. Время подходило къ осени, ночи были темныя. Воспользовавшись темнотою, шведы забрали у прибрежныхъ жителей лодки и, удачно переплывъ часть озера, высадились на островъ, ближайшій къ погосту. Теперь островъ этотъ представляетъ обработанное поле, а тогда, по всей вѣроятности, былъ покрытъ дремучимъ лѣсомъ, что давало высадившимся возможность укрыться въ хорошо защищенной позиціи и не возбудить подозрѣнія и бдительнаго наблюденія со стороны осаждаемыхъ. Хорошо зная мѣстный

быть, для нападенія шведы ожидали наступленія дня: когда мужчины изъ деревень уйдутъ на полевыя и лѣсныя работы и въ избахъ останутся старые да малые. Положено было броситься на погостъ, ограбить чтó можно, а лодки жителей уничтожить, чтобы не было погони. Но Богу было угодно устроить иначе. Утромъ съ ранней зари поднялся густой туманъ, скрывшій отъ шведовъ селенія, предназначенныя ими въ добычу. Что же представилось имъ, когда туманъ сталъ рѣдѣть? По истинѣ чудо Господне: открылся берегъ на цѣлую версту, занятый народомъ (а это молодой лѣсъ показался людьми — шведскимъ нехристямъ)! И тутъ они настолько оробѣли, что рѣшились перейти изъ наступательнаго въ оборонительное положеніе.

Корелы, должно быть, еще ночью были извѣщены жителями западнаго берега о близкомъ присутствіи враговъ; вѣсть эта мигомъ облетѣла всѣ окрестности приозерныхъ селеній. Желая дать отпоръ непріятелю, жители успѣли къ утру приготовиться: кто на лодкѣ, кто сухимъ путемъ, собрались всѣ на одно мѣсто. Были между ними, какъ видно, люди толковые, знакомые съ военною тактикою; дѣло обдумали, обсудили и рѣшили обступить островъ, занятый непріятелемъ, сдѣлавъ при этомъ видъ ложной высадки на восточной сторонѣ, куда вѣроятно бросились бы и шведы для защиты. Между

тѣмъ еще во время тумана часть корельской флотиліи незамѣтно для враговъ заняла группу небольшихъ островковъ, лежащихъ по западную сторону острова, на которомъ укрылись шведы; на этой флотиліи были и женщины. Для одновременной аттаки былъ условленъ сигналъ: на восточной сторонѣ на берегу материка была высокая гора, съ которой предводитель кореловъ долженъ былъ наблюдать за ходомъ дѣла. Когда шведы бросятся отражать ложную аттаку, то на названномъ высокомъ холмѣ—„Кульюкка"—должно было зажечь на ростущемъ деревѣ снопъ соломы. По этому сигналу засѣвшіе въ островкахъ дружно бросятся на западную часть непріятельскаго острова, угонятъ у шведовъ лодки, а другія разломаютъ.

Предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ; у шведовъ были отбиты не только лодки, но и часть провіанта. Непріятель очутился на необитаемомъ островѣ совершенно въ безвыходномъ положеніи. Оставалась одна надежда: воспользовавшись темнотою ночи,—и то если будетъ благопріятствовать вѣтеръ,—сдѣлать плоты и на нихъ добраться до материка, для отступленія во-свояси. Предвидя это и опасаясь, что непріятеля можно захватить, а можно и прокараулить, корелы предложили шведамъ сдаться безъ боя или съ бою. Шведы выбрали послѣднее. Дѣлать нечего, кореламъ надобно было приготовиться

къ битвѣ съ непріятелемъ, который, въ случаѣ удачнаго исхода сраженія, могъ причинить имъ много тревоги и раззоренія. Много нужно было силы и энергіи предводителямъ и духовенству, чтобы двинуть на такое страшное дѣло народъ, въ числѣ котораго принимали участіе и женщины, со слезами и рыданіями. Послѣ общей усердной молитвы на открытомъ воздухѣ, священникъ сказалъ толковое и убѣдительное слово, приглашая смѣло идти на врага, который не сегодня, такъ завтра можетъ явиться вновь и прежде всего предастъ огню Божій храмъ, хижины и имущество, а что сдѣлаетъ съ жителями—одному Господу извѣстно. Едва замолкъ духовный пастырь, воздухъ огласился криками; всѣ бросились въ лодки, вооружившись кто чѣмъ могъ, камнями, заостренными кольями и т. п. Медлить было нельзя — осенній день не длиненъ. Сямозерцы напали на шведовъ; высадившись на берегъ, они оставили лодки подъ прикрытіемъ стариковъ и бабъ, которые оказывали помощь, увозя тяжело раненыхъ. Большая часть шведской шайки была истреблена, нѣкоторые взяты въ плѣнъ. Но какъ поступили съ плѣнными, сколько кореловъ участвовало въ битвѣ—преданіе не говоритъ.

Съ этого времени островъ, называвшійся „Питкясаари"—длинный островъ, переименовался въ „Ручинъ Саари"—шведскій островъ. Въ дѣтствѣ мнѣ

приходилось слышать отъ стариковъ, что на островѣ они находили кости убитыхъ шведовъ, и что имъ показывали убщую могилу погибшихъ враговъ, въ видѣ кургана. Теперь Шведскій-островъ изъ дремучаго лѣснаго бора превратился въ воздѣланныя поля, при обработкѣ которыхъ обнаружилось не мало кургановъ изъ булыжнаго камня: многіе изъ нихъ уже обросли травою, такъ что трудно угадать, гдѣ могла находиться шведская могила.

Есть еще разсказъ, подтверждающій вышеописанное событіе. Въ ту ночь, когда шведы заняли островъ, сдѣлавшійся скоро ихъ могилою, страшная вѣсть мигомъ облетѣла всѣ селенія, лежащія въ окрестностяхъ Сямозера. Съ особеннымъ ужасомъ вѣсть эта принята была на погостѣ и въ ближайшихъ деревняхъ. Еще до наступленія утра православные начали перевозить въ лѣсъ болѣе цѣнное имущество, дѣтей, дряхлыхъ стариковъ и старухъ. По всей вѣроятности не дремало и духовенство, перевозя въ лѣсъ церковныя принадлежности; сняты были и колокола, чтобы непріятели не воспользовались ими, или, поджигая церковь, не попортили ихъ. Колокола затопили въ воду, но послѣ достали, кромѣ самаго большого, который не могли достать—впился въ глинистое дно озера. Показываютъ даже то мѣсто, гдѣ зачастую задѣваетъ за него неводъ. По разсказамъ старожиловъ еще не

такъ давно, въ малую воду, при ясной погодѣ, ясно видѣли край колокола. Безъ сомнѣнія съ теченіемъ времени онъ, благодаря своей тяжести, во время волненія глубже и глубже погружался въ землю и замытъ иломъ и землею.

Не лишено интереса преданіе о сооруженіи мѣстной приходской церкви на погостѣ. Въ XIII в., въ княженіе Ярослава Всеволодовича, обонежскіе корелы безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ приняли христіанство (замѣчательно при этомъ, что для распространенія христіанской вѣры съ запада между сосѣдними финнами потребовалось $2^1/_2$ вѣка дѣятельности папскихъ миссіонеровъ) Сямозеро, находясь въ лучшихъ условіяхъ предъ другими поселеніями края, по значительной величинѣ и рыбности озера, было заселено трудолюбивымъ и промышленнымъ народомъ. Съ принятіемъ христіанства, у здѣшнихъ корелъ явилась первая жизненная потребность христіанскаго общества — имѣть домъ для молитвы. Священниковъ тогда было еще мало; ихъ замѣняли въ народѣ ревнители святой вѣры изъ той же крестьянской среды. Когда задумана была постройка храма, — всякая изъ деревень, окружающихъ Сямозеро, желала имѣть его у себя.

Корелы—вообще народъ не вздорный—собрали со всѣхъ селеній скопъ, или сходку, для выбора

изъ среды себя благочестивыхъ и добросовѣстныхъ людей, которымъ поручили рѣшить настоящій вопросъ. Долго выборные ничего не могли придумать и стали просить Бога, чтобы онъ указалъ мѣсто для церкви. По народному преданію, одному изъ благочестивыхъ жителей было указаніе во снѣ, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Собравшись, выборные пришли на берегъ озера, гдѣ стоялъ хорошій строевой лѣсъ, вырубили 200 концовъ, связали ихъ въ одинъ плотъ и пустили съ молитвою къ Богу въ озеро, на волю волнъ: куда принесетъ вѣтромъ плотъ, тамъ, значитъ, и есть Богомъ выбранное мѣсто для храма. Нѣсколько дней плотъ носило по озеру, наконецъ онъ остановился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ красуются теперь двѣ церкви Сямозерскаго прихода. Дѣйствительно, здѣсь нельзя было выбрать лучшаго мѣста.

О корелахъ.

(Олонецъ. Корреспонденція „Биржевыхъ Вѣдомостей“, 1875 г., № 287.)

Вопросъ о происхожденіи здѣшняго коренного населенія кореловъ весьма интересенъ въ настоящее время не для одной нашей мѣстности. Едва ли ошибется тотъ, кто скажетъ, что основательнымъ знакомствомъ съ современнымъ положеніемъ бы-

товой экономической и нравственной стороны кореловъ могутъ похвастаться только два лица: это бывшій во второй половинѣ 60-хъ годовъ повѣнецкимъ исправникомъ, теперь каргопольскій исправникъ И. Ф. Калугинъ, и куопіоскій купецъ Миронъ Смирновъ. Первый, послѣ четырехъ-лѣтняго кропотливаго тяжелаго разбора всей литературы, помѣстилъ свое статистическое изслѣдованіе въ изданной статистическимъ губернскимъ комитетомъ памятной книжкѣ Олонецкой губерніи.

Смирновъ — природный корелъ — по условіямъ своей торговой жизни, въ продолженіе 30 лѣтъ изъѣздилъ во всѣхъ направленіяхъ Олонецкую, Архангельскую губернію и Финляндію и продолжаетъ помѣщать свои наблюденія и замѣтки о своихъ соплеменникахъ въ „Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ". Изъ указанныхъ источниковъ мы можемъ почерпнуть слѣдующія, хотя поверхностныя, общія свѣдѣнія о корелахъ.

До IX вѣка Олонецкая губернія, вмѣстѣ съ Финляндіей и частями Петербургской и Архангельской губерніи, составляла обширную, независимую финскую страну, извѣстную скандинавскимъ историкамъ подъ именемъ „Корелы" или „Киріаландіи" и населенную племенами, называвшимися у русскихъ лѣтописцевъ „Корелою" и „Чудью".

Жители Корелы постоянно вели борьбу съ сосѣдями—шведами. Въ IX вѣкѣ новгородцы, распространяя свои владѣнія къ сѣверу, подчинили себѣ большую часть Корелы, но съ основанія въ 1293 г. на новгородскихъ границахъ города Выборга шведы дѣлали частые набѣги на пограничныя мѣстности Корельской земли. Послѣ походовъ Петра Великаго больше половины поселеній кореловъ нисколько не отличаются отъ русскихъ домашнимъ бытомъ и обычаями; одинъ только языкъ ихъ препятствовалъ окончательному обрусѣнію.

Корелы почти исключительно живутъ отхожими промыслами, охотою на дичь и звѣрей, а также ловлею рыбы. Часть весны, лѣто и всю осень корелъ проводитъ въ глуши лѣсовъ, на озерахъ, рѣкахъ, а зиму опять въ лѣсу и извозѣ; у него нѣтъ ✔ свободнаго дня, чтобы провести съ семьею. Самая главная добыча получается отъ вывозки и выгонки лѣсовъ. Время вывозки начинается съ Новаго года и кончается около половины марта. Для вывозки собирается обозами отъ 5 до 30 лошадей. Съѣстные припасы для себя — толокно, а овесъ и сѣно для лошади берутъ изъ дому. При одной лошади бываетъ отъ двухъ до трехъ человѣкъ, смотря по семейству. Въ недѣлю крестьянинъ съ двумя семейными заработаетъ отъ 7 до 10 р. Проработавъ двѣ или три недѣли, крестьянинъ покупаетъ муки, соли

и спѣшитъ домой—доставить эти припасы, внести подати и дать передохнуть затянувшейся лошади. Выгонка лѣсовъ начинается со вскрытіемъ рѣкъ и кончается около 10 или 15 іюня. Плата тутъ отъ 3 до 4 руб. въ недѣлю на хозяйскомъ содержаніи. Плата эта была бы выгодною, если бы не терялось много времени вслѣдствіе дурной погоды; это время не считается, и рабочій долженъ содержать себя на свой счетъ.

Корелы занимаются охотою на дичь; но ведущихъ торговлю дичью между ними почти нѣтъ, такъ какъ для этого надобно имѣть хотя небольшія средства. Лѣтъ 10—15 тому назадъ въ Олонецкой губерніи добывалось до 1.000,000 паръ рябчиковъ и другой дичи, отъ 200 до 300 тысячъ звѣриныхъ шкуръ—преимущественно бѣлки и зайца. Теперь количество этого значительно уменьшилось. Кромѣ громадныхъ вырубокъ, предоставленныхъ и сданныхъ разнымъ компаніямъ и лѣсопромышленникамъ, одною изъ главныхъ причинъ уменьшенія добычи составляетъ система охоты—поставка силковъ и пастей. Больше половины попадающейся въ силки дичи растерзывается другими хищными птицами и звѣрями, прежде чѣмъ охотникъ успѣетъ осмотрѣть свои снаряды, разставленные въ лѣсу за нѣсколько дней на большихъ пространствахъ. Кромѣ того звѣрь и дичь, остающіеся въ силкахъ

по нѣскольку дней, подвергаются быстрому разложенію и дѣлаются негодными для сбыта. Уменьшеніе такого способа дикаго, безцѣльнаго истребленія могло бы быть ослаблено пониженіемъ цѣнъ на порохъ. Въ 1870 г. вышелъ новый законъ о продажѣ пороха съ пониженіемъ цѣны. Вліяніе этого закона тотчасъ же отразилось. Охотники стали обзаводиться ружьями, и въ три года продажа пороха въ Олонецкой губерніи учетверилась. Въ самой торговлѣ дичью явился переворотъ: скупщики дичи, пойманной силками, „давленную" начали браковать и повысили цѣны на застрѣленную. Скупъ птицъ сосредоточенъ въ рукахъ болѣе исправныхъ крестьянъ, извѣстныхъ этимъ поставщикамъ. Они получаютъ въ задатокъ для оборотовъ отъ 50 до 75 руб., условливаясь въ цѣнѣ на птицу. На мѣстѣ сбора платится за пару рябчиковъ 15 коп., а за пару тетеревей—25 коп. Цѣна нерѣдко повышается, смотря по обилію птицъ, отъ 15 до 20 к. за пару рябчиковъ и отъ 33 до 55 к. за пару тетеревей. Судя по продажнымъ цѣнамъ въ С.-Петербургѣ, можно было бы думать, что корелы-охотники теряютъ много, сбивая дичь скупщиковъ. Но корелъ, разсчитывая стоимость провоза до Петербурга и содержаніе тамъ себя и лошади, предпочитаетъ сдать наловленную дичь спеціалистамъ-поставщикамъ, знающимъ мѣста для сбыта и умѣю-

щимъ торговаться съ трактирщиками, содержателями гостинницъ и пр. Корелъ предпочитаетъ взять малый, но вѣрный барышъ, чѣмъ пускаться за большимъ, но невѣрнымъ.

Рыболовствомъ занимаются на паяхъ по нѣскольку человѣкъ, не менѣе 8 домохозяевъ. Промыселъ рыболовства въ одиночку невозможенъ какъ потому, что одному не вытащить невода изъ воды, такъ и по дороговизнѣ невода; одни матеріалы, необходимые для приготовленія невода, стоятъ 70 р., а корелу нечего и думать о такой суммѣ. Это-то обстоятельство и побудило рыболововъ вступить въ пай. Корелы сами плетутъ сѣти, и каждому пайщику приходится обыкновенно плести по 15 саж. На плетеніе кней (матни) собираются деньги съ пайщиковъ. Плетенныя сѣти связываютъ вмѣстѣ. Кромѣ приготовленія сѣтей, пайщикъ, которому будетъ назначена очередь, долженъ представить лошадь въ полной упряжи, для перевозки невода и другихъ рыболовныхъ принадлежностей. Производить раздѣлъ довѣряется болѣе опытному пайщику. Когда уловъ хорошъ, — что бываетъ весною, — то часть его продаютъ мѣстнымъ жителямъ, которые большую рыбу солятъ, а мелкую—сушатъ. Лѣтомъ ловли не бываетъ, какъ за недосугомъ отъ полевыхъ работъ, такъ и потому, что въ этотъ періодъ года рыбы мало попадаетъ.

Суевѣріе и предразсудки глубоко вкоренились въ нравственную жизнь корела. Удаленность и замкнутость населенія, крайнее невѣжество (у нихъ нѣтъ даже названія мѣсяцевъ) [1]) дѣлаютъ то, что предразсудки и повѣрья переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, не ослабѣваютъ, не вытѣсняются изъ массы народа, а остаются въ полной силѣ, задерживая всякое начало умственнаго развитія. Корелы твердо вѣрятъ больше всего въ существованіе лѣсныхъ и водяныхъ царей. У корела во всемъ виноватъ или дьяволъ, или худой глазъ, или злой человѣкъ. По его понятію, каждое зданіе имѣетъ своего „хозяина", который является въ разныхъ видахъ и бываетъ добръ, если человѣкъ уважаетъ его, и золъ, когда человѣкъ къ нему непочтителенъ. Этотъ же самый хозяинъ, а не кто другой, можетъ обогатить домъ или извести бѣдствіями; если случится, что у корела заболѣетъ корова или лошадь,—это значитъ: „дьяволъ ударилъ". Лежитъ человѣкъ въ горячкѣ—„бѣсъ мучитъ". Подвергся человѣкъ падучей болѣзни—„злой духъ испортилъ".

Не менѣе чѣмъ въ лѣсныхъ и домовыхъ, корелы вѣруютъ въ наговоры и нашептыванія и при ма-

---

[1]) Корелы называютъ мѣсяцы по-русски, какъ я говорилъ уже выше, молитвы—по-русски, пѣсни—тоже; все, что касается судебныхъ дѣлъ и названія чиновниковъ—выражается тоже по-русски; только ихъ бытовой, семейный разговоръ—свой, но и тамъ изрѣдка встрѣчаются русскія выраженія.

лѣйшемъ горѣ и невзгодѣ обращаются къ извѣстнымъ колдунамъ. Всѣ болѣзни лечатъ знахари. Само собою разумѣется, что у знахарей дѣло ведется съ разными таинственными обрядами, въ которыхъ, по убѣжденію корела, и заключается вся цѣлебная сила. Во время леченія знахарь уводитъ больныхъ въ лѣса, на распутья дорогъ, кидаетъ съ лодокъ въ воду, привязывая на веревку. Оставляя въ водѣ на веревкѣ въ теченіе часа, знахарь вытаскиваетъ больного полумертвымъ, посинѣлымъ. Несчастный больной и его родные благоговѣютъ предъ всѣми такими истязаніями, вѣруя, что этимъ испрашивается прощеніе у лѣшихъ и водяныхъ, прогнѣвавшихся на больного за непочтеніе къ нимъ. Вообще вѣра въ знахарей такъ велика у корела, что если, напр., при осмотрѣ скотины знахарь сболтнетъ, что она не исправится, то корелъ, скрестя руки и горько вздыхая, будетъ ожидать конца и не предприметъ никакихъ мѣръ къ ея излеченію. Повѣрій у кореловъ такъ много, что и не перечтешь. Приводимъ лишь нѣкоторыя, показывающія, на какой низкой ступени умственнаго развитія находится это честное и работящее населеніе. Когда у кого родится ребенокъ, то въ томъ домѣ, въ теченіе двухъ недѣль, послѣ солнечнаго заката не приносятъ въ избу дровъ и воды, потому что если приносить ихъ послѣ заката, то у ребенка долго не будетъ зубовъ.

Кромѣ того кладутъ къ порогу камень и держатъ его до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не начнетъ ходить. Когда въ семьѣ умретъ кто-либо, то передъ выносомъ его на кладбище семейные завязываютъ въ концы шейныхъ или головныхъ платковъ маленькіе камешки и такъ провожаютъ его до могилы. По возвращеніи оттуда должны сначала приложить руку къ печи, потомъ уже развязать камешки и бросить. Въ истопленной банѣ нужно всегда оставлять воду и вѣникъ, чтобы „хозяинъ бани“ могъ попариться и помыться; а если не сдѣлать этого, то онъ не пуститъ никого больше въ баню или, что еще хуже, уморитъ и запаритъ кого-либо,— и т. д. все въ такомъ же родѣ.

Бояринъ Салтыковъ въ Олонецкой губерніи.

(Разсказъ крестьянина дер. Таржополя, Острочинской волости, Петрозаводскаго уѣзда.)

Около двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ въ деревню Таржополе прибылъ никому неизвѣстный человѣкъ и поступилъ безплатно, по собственному желанію, въ домовые работники къ крестьянину Ефиму Митрукову и его сыну Осипу (потомки этого дома носятъ нынѣ фамилію Осиповыхъ). Человѣкъ этотъ

пробылъ у нихъ въ услуженіи три года, занимаясь весьма усердно крестьянскими работами и охотно исполняя приказанія своихъ хозяевъ. По прошествіи трехъ лѣтъ пребыванія его въ работникахъ, былъ объявленъ всемилостивѣйшій манифестъ Государя Императора, о которомъ работникъ Осиповыхъ ходилъ узнавать въ городъ. Возвратясь изъ города и не сказавъ ничего хозяину, на другой день онъ сталъ просить ихъ истопить для него баню; хозяева очень были удивлены такою просьбою, ибо въ теченіе трехъ лѣтъ онъ самъ всегда топилъ баню для нихъ, теперь же проситъ ихъ, хозяевъ, истопить баню для него, — но однако работнику баню истопили. Отправляясь въ баню, работникъ попросилъ хозяевъ принести его кису (кожаный мѣшокъ), хранившуюся три года на вышкѣ дома (чердакѣ), на что еще болѣе удивленные хозяева отвѣчали: „Куда положилъ, тамъ и возьми; мы въ твоей кисѣ не смотрѣли и не знаемъ, гдѣ она". Работникъ самъ взялъ кису и отправился въ баню. Когда онъ вернулся изъ бани, удивленію хозяевъ не было границъ; они даже испугались и никакъ не могли повѣрить своимъ глазамъ: передъ ними стоялъ ихъ работникъ, одѣтый въ богатую боярскую одежду. Чрезъ нѣсколько недѣль времени пріѣхали къ Осиповымъ два неизвѣстныхъ человѣка—офицеры, родственники боярина-работника—съ тѣмъ,

какъ можно было полагать, чтобы взять его домой. Тогда бояринъ попросилъ у Осиповыхъ разсчетъ за службу у нихъ работникомъ; хозяинъ принесъ все, что было денегъ и вещей, говоря: „Батюшка, возьми что̀ хочешь", но бояринъ ничего не взялъ за свои труды, а напротивъ, за сохраненіе его самого такое долгое время, далъ хозяину много денегъ, свой портретъ, маленькій карманный компасъ и адресъ свой, писанный собственною рукою, въ которомъ было написано: „что при всѣхъ несчастіяхъ, которыя случатся съ Осиповыми, они могутъ отыскать бояръ Салтыковыхъ и ихъ потомство и просить помощи, въ которой никогда не будетъ отказано". Карманный компасъ сохранился до нынѣ и представленъ въ музей, устраиваемый при губернскомъ статистическомъ комитетѣ; портретъ же боярина и его адресъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно кѣмъ и когда потеряны.

Шапка олонецкаго воеводы Синявина.

Олонецкій воевода Синявинъ, во время управленія своего въ Олонцѣ, находясь въ квартирѣ одного домовладѣльца Каблукова, подарилъ ему на память свою теплую бархатную шапку, опушенную

бобромъ. Шапка эта, по родственной связи, перешла въ домъ Ѳедотовыхъ, зажиточныхъ въ то время уроженцевъ Петрозаводскаго уѣзда, и потомъ изъ рода Ѳедотовыхъ досталась, также по родству, на память, того же уѣзда уроженцамъ Смирновымъ. Рѣдкость эта нынѣ представлена въ музей губернскаго статистическаго комитета.

О воеводѣ Синявинѣ предки наши оставили слѣдующій разсказъ, весьма не безъинтересный для каждаго уроженца нашего сѣвернаго Олонецкаго края.

Императоръ Петръ Великій въ одинъ изъ проѣздовъ своихъ чрезъ Олонецъ остановился въ немъ на короткое время. Государя удивило, почему въ сосѣдній домъ такъ много стекается народа. На вопросъ монарха объ этомъ, ему сказали, что тутъ живетъ воевода Синявинъ. Государь поинтересовался видѣть воеводу и осмотрѣть его канцелярію. По приходѣ къ воеводѣ монархъ предложилъ ему показать дѣла по судебной части, на что Синявинъ отвѣтилъ, что дѣлъ по этой части у него не имѣется, такъ какъ дѣла подобнаго рода онъ всегда оканчиваетъ миромъ. Отвѣтъ этотъ очень понравился государю, и Петръ I сказалъ воеводѣ: „Я беру тебя въ Петербургъ, гдѣ ты будешь мирить у меня не простыхъ мужичковъ, а повыше ихъ тузовъ — моихъ сенаторовъ и другихъ высшихъ чиновъ“.

Исторически извѣстно, что, будучи въ столицѣ, этотъ почтенный воевода имѣлъ большой успѣхъ въ примиреніи, особенно между знатными вельможами, между коими бывали частые споры и раздоры [1]).

Случай охоты на медвѣдя въ Повѣнецкой Кореліи.

(Письмо въ редакцію „Олонец. Губ. Вѣд.")

I.

На самой сѣверо-западной окраинѣ Повѣнецкаго уѣзда, въ Ребольской волости, верстахъ въ двадцати отъ деревни Корошни и Колвозеро, во время рубки бревенъ — это было въ первыхъ числахъ февраля — крестьяне возили изъ одного бора вырубленный лѣсъ. Дорога пролегала мимо одного бурею поваленнаго дерева, такъ близко, что зачастую дровни задѣвали за торчащіе его корни. Когда въ прямомъ направленіи съ того бора начала оканчиваться возка рубленаго лѣса, то одному молодому парню — корелу деревни Колвозеро — нужно было проложить дорогу прямо отъ старой дороги

---

[1]) У Голикова (т. XV, стр. 179) записанъ этотъ анекдотъ, слышанный отъ олонецкаго купца Барсукова, но безъ означенія фамиліи воеводы, которую забылъ записать слышавшій разсказъ.

въ уголъ бора, гдѣ отцомъ его было свалено нѣсколько десятковъ деревъ. Чтобы не объѣзжать лишней версты по старымъ слѣдамъ, нашъ парень началъ заворачивать лошадь въ сторону у вышеупомянутаго корня поваленнаго дерева. Доселѣ его лошаденка была послушная,—куда онъ ни направитъ, ни заворотитъ, она шла, а тутъ почему-то заупрямилась: встаетъ на дыбы, да и только. Онъ стегаетъ ее кнутомъ, но бѣдная лошадь бьется, фыркаетъ и все-таки нейдетъ. Такъ какъ у здѣшнихъ жителей суевѣрные предразсудки еще не вывелись и въ большомъ ходу, то парень и подумалъ: не лѣсовикъ ли подшутилъ? Онъ дѣлаетъ крестное знаменіе, творитъ молитву, обходитъ кругомъ лошади нѣсколько разъ, опять начинаетъ гнать, а лошаденка все нейдетъ, прядетъ ушами и встаетъ на дыбы. Наконецъ, изъ многократныхъ обходовъ кругомъ лошади,—то съ молитвою, то съ чародѣйствующею силою, — нашъ парень замѣтилъ подъ корнемъ сваленнаго дерева что-то черное. Ему и въ голову не приходитъ мысль, что тутъ опочиваетъ шестимѣсячнымъ сномъ хозяинъ этихъ лѣсовъ — медвѣдь. Тѣмъ болѣе ему это представляется невѣроятнымъ, что въ этомъ же бору цѣлыхъ двѣ недѣли рубили и возили лѣсъ болѣе чѣмъ на десяти лошадяхъ; если бы медвѣдь тутъ и былъ, то при шумѣ и трескѣ давно бы ушелъ. Но парню все-таки хо-

чется удостовѣриться, что бы это было такое, представляющееся его глазамъ на днѣ углубленія—черное? Онъ беретъ съ дровней два анншуга, кладетъ на снѣгъ, туда, поближе къ черному, которое подъ стволомъ дерева, у самаго корня, видится ему, и самъ начинаетъ ползти грудью по анншугамъ; подвинувшись ближе, онъ запускаетъ подъ корни голую руку и щупаетъ: что бы это было такое? По осязанію чувствуетъ — что-то мохнатое. Послѣ пятится, встаетъ и смотритъ, и все еще ему невдомёкъ, что тутъ лежитъ медвѣдь. Онъ еще поползъ второй разъ, запускаетъ опять руку, щупаетъ и глядитъ. Наконецъ, онъ удостовѣряется что это спина медвѣдя. Встаетъ, поспѣшно идетъ на другой конецъ бора, втихомолку разсказызаетъ двумъ своимъ сосѣдямъ, также молодымъ парнямъ, что онъ нашелъ медвѣжью берлогу у самой дороги. „Идемъ, ребята, убьемъ медвѣдя“. Вотъ они и пошли втроемъ: у одного анншугъ, а у двухъ по топору. Пришли къ тому мѣсту, смотрятъ — дѣйствительно, это долженъ быть медвѣдь. Тутъ они давай шумѣть, кричать надъ берлогою, бить обухами топора по стоящимъ деревамъ, чтобы медвѣдь поднялся съ ними въ открытый бой. Но медвѣдь спитъ себѣ, ни малѣйшаго вниманія не обращая на ихъ шумъ. Опять на смѣльчаковъ на всѣхъ нападаетъ сомнѣніе: можетъ быть, это и не медвѣдь? Вырубивъ длинную

жердь, наши ребята одинъ конецъ жерди впихали въ яму, подъ бокъ медвѣдя, сами на другомъ концѣ ея начали скакать, т. е. устроили въ родѣ отвѣса, чтобы поднять звѣря съ логовища — хоть соннаго. Недолго пришлось имъ трудиться: Мишка наконецъ почувствовалъ, что съ нимъ обращаются до такой степени неприлично, что даже его выводятъ изъ терпѣнія. Онъ изъ опочивальни бросается прямо на своихъ враговъ—нарушителей его сладкаго, спокойнаго сна; одного схватилъ за плечо, такъ что изорвалъ кафтанъ [1]), шубу и рубашонку и немного царапнулъ кожицы; потомъ, бросившись на другого, схватилъ его пониже колѣна за ногу, рветъ голенище сапога, чулокъ, порты, даже часть кожи и мяса. Въ этотъ самый моментъ первый изъ нападающихъ, высвободившись изъ-подъ снѣга и почувствовавъ, что медвѣдь въ самомъ дѣлѣ больно царапнулъ его плечо, хватилъ по мордѣ медвѣдя топоромъ такъ сильно, что вышибъ у медвѣдя самый главный зубъ [2]). Медвѣдь, какъ современный цивилизованный дуэлистъ, видя, что обѣ стороны ранены до крови, значитъ и довольно драться, оставилъ своихъ враговъ въ покоѣ и побрелъ въ лѣсъ. Парни, въ свою очередь, испытавъ свою

---

[1]) Къ счастію, у корельскихъ крестьянъ домашняго тканья сукно чрезвычайно толстое, въ палецъ толщины.

[2]) Послѣ, когда убили звѣря, замѣтили это.

силу, не нашли нужнымъ болѣе состязаться. Какъ говорится: „Филатъ тому и радъ“ — такъ и наши бойцы тому были рады, что медвѣдь ихъ оставилъ въ покоѣ. Они, дай Богъ ноги, пустились бѣжать туда, откуда пришли. Потомъ между собою уговорились, чтобы никому не говорить о такомъ срамѣ, что медвѣдь ихъ побѣдилъ и что они дали тягу.

Вечеромъ пришли въ станъ, но, безъ сомнѣнія, не могли скрыть медвѣдемъ накусанныхъ ранъ, особенно въ ногѣ, да также и разорванной одежды. Взяли, да точь въ точь все и пересказали. Тутъ случился одинъ изъ смотряковъ, крестьянинъ Ребольскаго погоста, Тергѣевъ. Выслушавъ разсказъ и ничего не говоря, втихомолку, послалъ онъ ночью человѣка за 20 верстъ въ деревню за двумя винтовками. На другой день, съ другими смотряками, вчетверомъ, пошли по слѣдамъ и верстахъ въ 6-ти отъ того мѣста нашли медвѣдя запрятавшимся подъ корнемъ низкосучной ели. Между частыми сучьями трудно было различить, въ какомъ положеніи находится Мишка, гдѣ голова и гдѣ остальная часть его мохнатой шкуры. Смотрякъ Тергѣевъ послѣ тщетныхъ усилій разглядѣть звѣря хорошенько, поставивъ дуло винтовки между сучьями, дѣлаетъ выстрѣлъ наугадъ. Выстрѣлъ грянулъ, а медвѣдь не трогается. Тергѣевъ беретъ рогатину и между сучьями щекочетъ бока Мишки. Мишкѣ

это очень не понравилось: онъ выскочилъ изъ-подъ защиты сучьевъ, хотѣлъ броситься на Тергѣева, но тотъ опередилъ его, схвативъ у товарища другую заряженную винтовку, спустилъ пулю—въ самое сердце. Мишка повалился—и больше не вставалъ, только немного поднялъ голову и оглянулся кругомъ, въ знакъ послѣдняго прощанія со своими родными дремучими лѣсами.

Другой случай охоты на медвѣдя.

(Въ границахъ Финляндіи.)

Почти подобная сцена охоты на медвѣдя, но только въ другомъ родѣ, происходила на границѣ Финляндіи, въ какихъ нибудь верстахъ 50 отъ вышеописаннаго мѣста. Года три назадъ, одному финляндскому домовитому крестьянину пришлось по какимъ-то хозяйственнымъ потребностямъ вояжировать въ лѣсу довольно далеко отъ дому. Это было также среди зимы. Когда онъ возвращался домой по болѣе низменной мѣстности, то замѣтилъ на пути также вѣтромъ поваленное дерево съ большимъ корнемъ. Большіе снѣга обыкновенно покрываютъ отовсюду здѣшнія лѣсныя захолустья болѣе чѣмъ двухъ-аршиннымъ слоемъ. Но на грѣхъ

или, такъ сказать, для возбужденія воображенія, нужно было случиться, что крестьянинъ, проходя мимо корня свалившагося дерева, увидѣлъ, что не все тутъ покрыто снѣжной пеленой, а есть замѣтное отверстіе у самаго корня. Пылкому воображенію его моментально представилось, что тутъ медвѣжья берлога; онъ издали устремляетъ взоръ чрезъ небольшое отверстіе въ полутора-саженную глубину воображаемаго логовища и, твердо заключивъ, что видитъ спящаго медвѣдя, по обширности пространства между устьемъ и дномъ берлоги приходитъ къ убѣжденію, что тамъ навѣрное былъ не одинъ звѣрюга. Тогда, не теряя присутствія духа, онъ заговорилъ это мѣсто, чтобы никто его не замѣтилъ (мужичокъ нашъ смекалъ кое-что и въ чародѣйской наукѣ) и поспѣшилъ домой, да все оглядываясь назадъ, не поднялись ли звѣри и не погнались ли за нимъ или не разбрелись ли по лѣсу. Прибывъ домой, онъ поторопился разсказать своей женѣ, что нашелъ кладъ. Та отъ радости чуть въ обморокъ не упала. „Разсказывай же скорѣе, гдѣ кладъ и какой кладъ?“—„Я нашелъ медвѣжью берлогу, гдѣ по крайней мѣрѣ три медвѣдя, а можетъ быть и больше“. Жена и голову повѣсила: „Какой же это кладъ!“—„Какъ какой кладъ?“ отвѣчаетъ мужъ:—положимъ, хоть три медвѣдя; убьемъ ихъ, такъ земство заплатитъ за истребленіе хищнаго звѣря, мед-

вѣдя или волка, 200 марокъ за голову, т.-е. 50 р. звонкою монетою; это значитъ 150 р.; три шкуры по средней цѣнѣ—60 руб., жиръ, мясо на 90 руб., всего 300 р. Развѣ это не кладъ?" —Такъ-то такъ,— отвѣчаетъ жена,—да Богъ вѣсть, какъ это удастся". Мужъ осерчалъ: „Оставь эти бабьи мысли. Это дѣло вѣрно, какъ за замкомъ въ клѣти. Только ты посовѣтуй мнѣ, кого пригласить намъ на пиръ". — Женскій умъ податливъ; баба во всемъ согласилась съ мужемъ, повѣривъ въ богатую и вѣрную добычу. Начали судить, кого взять, кого пригласить. Хозяинъ указалъ на домовитыхъ сосѣдей; жена опять поднялась-было на дыбы: „Нѣтъ, нѣтъ! зачѣмъ ихъ, богачей? имъ надо отдать пай; а лучше возьмемъ-ка одного своего работника, да двухъ бобылей; имъ сколько хотимъ, столько и дадимъ". Но мужъ не рѣшается.—„Нѣтъ, жена,—говоритъ онъ:— сосѣдей нельзя оставить; если, въ свою очередь, они найдутъ медвѣжью берлогу, тогда и насъ пригласятъ. Съ сосѣдями надо жить по-сосѣдски". Нечего дѣлать, жена и тутъ согласилась.

Послѣ такой бесѣды они сряду извѣстили сосѣдей о богатой добычѣ. Тѣ сильно были обрадованы пріятною вѣстью. Начали приготовляться. Цѣлыхъ 1½ сутокъ прошло въ приготовленіяхъ. Наконецъ на второй день, утромъ рано, отправились впятеромъ на двухъ лошадяхъ, чтобы при-

везти медвѣжьи туши, взяли съ собою 2 ружья да 2 винтовки, да нѣсколько пѣшней и рогатинъ. Приближаются къ мѣсту берлоги, которое было въ 8 верстахъ отъ деревни. Лошадей оставили за полверсты, чтобы не испугать звѣрей, а сами понеслись на лыжахъ, всѣ вооруженные, къ мѣсту добычи. Очевидно, и сосѣдямъ, прибывшимъ вмѣстѣ съ нашимъ мужикомъ, эта мѣстность представилась пригодною для зимовокъ медвѣдей. Стали промежъ себя перешептываться: „Тутъ должно быть не одна берлога, а побольше". Подошли къ корню дерева. „Посмотрите,— говоритъ одинъ:—какъ изъ отверстія поднимается испарина: тамъ должно быть больше трехъ медвѣдей". Товарищи подтверждаютъ то же самое. По тщательномъ обзорѣ, насколько осмѣлились приблизиться, они наглядно убѣдились, что яма глубокая. „Пока звѣри оттуда поднимутся, мы ихъ на мѣстѣ всѣхъ перестрѣляемъ". Наконецъ охотники осторожно на лыжахъ подходятъ къ отверстію, направляютъ дула ружей и винтовокъ въ глубину и, сдѣлавъ разомъ четыре выстрѣла, спѣшатъ на лыжахъ подальше; въ суматохѣ даже двое упали. Отошли на извѣстное разстояніе, смотрятъ, сколько медвѣдей оттуда поднимется; но, кромѣ порохового дыму, ничего незамѣтно. Стали спрашивать другъ у друга: „не слышалъ ли кто чего?" Товарищъ, стоящій съ пѣшнею подальше,

кричитъ: „Я слышалъ ревъ двухъ медвѣдей!“ Одинъ изъ стрѣлявшихъ подтверждаетъ то же самое. Охотники, поспѣшно зарядивъ во второй разъ ружья, пустили одновременный залпъ, потомъ выстрѣлили каждый по одиночкѣ, наконецъ пошли на штыки, въ рукопашную, и принялись тыкать въ яму, рогатиною и пѣшнями. Когда оружіе попадало во что нибудь мягкое (талую землю), охотники думали, что это мясо; въ крѣпкое (въ камень)—кость; а если попадало такъ, что трудно было выдернуть, такъ это значило въ зубы или когти косолапаго (тогда какъ просто рогатина зацѣплялась за толстые корни дерева). У одного изъ нападавшихъ пѣшня такъ крѣпко увязла въ ямѣ, что, силясь ее вытащить, онъ и самъ туда свалился за нею. Товарищи ахнули: „Погибъ! погибъ!“ Упавшій же, придя въ себя, увидѣлъ, что тамъ не только нѣтъ медвѣдей, но и медвѣжьяго хвоста; земля талая, камни исцарапаны, корни деревъ расколоты—усиліями охотниковъ за воображаемыми медвѣдями; а между камнями и корнями струится чуть замѣтный родничокъ.

Нашимъ охотникамъ стало досадно и стыдно. „Что теперь будемъ дѣлать? какъ глаза покажемъ? не только-что окружные засмѣютъ, но и свои бабы корить всю жизнь не перестануть“ восклицали они. Однакожъ дѣлать было нечего; надо же было вернуться домой. Нарочно промедлили до сумерекъ,

чтобы хотя сколько-нибудь скрыть свое положеніе, нарубили хворосту, навалили на дровни, покрыли попонами и одеждою—будто медвѣжьи трупы—и отправились во-свояси.

Медвѣжьи охоты, особенно въ Финляндіи, празднуются большимъ пиромъ. Къ охотникамъ собрались не только сосѣди изъ своей деревни, но и изъ окрестныхъ деревень; а такъ какъ эта деревня отъ погоста Піелисьярви отстоитъ въ 8 верстахъ, то наѣхали оттуда и нѣкоторые изъ господъ. Въ концѣ концовъ, понявъ въ чемъ дѣло, поднялся общій хохотъ; смѣялись, какъ говорится, до положенія ризъ. До того времени деревня эта называлась Taimio vaara (Разсадникова-гора): а тутъ ее переименовали въ Hölmölän kylä (деревня Простофиль). Такъ она и нынѣ зовется.

Гибель парохода «Царь».

Бѣдственный случай въ нашей мирной Олоніи—столкновеніе двухъ величественныхъ, великолѣпно построенныхъ, пассажирскихъ пароходовъ „Царь“ и „Царица“ такъ сильно взволновалъ сѣверную окраину нашей Имперіи, что и по настоящее время населеніе ея не можетъ успокоиться. Даже совершенно

неприкосновенные къ этой бѣдѣ, и тѣ душевно соболѣзнуютъ о такомъ несчастіи.

Да, въ самомъ дѣлѣ, есть о чемъ призадуматься: не говоря о потерѣ товаровъ и денегъ, — сколько человѣческихъ жертвъ поглощено этимъ бѣдствіемъ! Сколько семействъ понесло тяжелую утрату! А тѣ, которые пострадали матеріально и физически, долго будутъ тужить и горевать, благодаря оплошности командира парохода и безтолковости рулевого.

Но надо еще Бога благодарить за то, что тишь была на водѣ—а то бы оба парохода и всѣ до одного пассажиры могли сдѣлаться жертвою моря. Тогда бы о гибели какихъ-нибудь 700—800 человѣкъ не дошла никакая вѣсть ни до чужихъ, ни до родныхъ; одно лишь бурливое Ладожское озеро знало бы страшную тайну, и слѣдъ несчастія былъ бы сокрытъ въ волнахъ его, которыя, конечно, ничего не могли бы сообщить намъ, — развѣ выбросить на берега свои трупы утонувшихъ людей вмѣстѣ съ ихъ пожитками...

А вѣдь какъ были восхищены и заинтересованы всѣ жители сѣвернаго края устройствомъ такого пароходнаго сообщенія отъ отдаленнаго угла Олоніи къ самой столицѣ! Всѣ питали надежду, что, благодаря сообщенію и скорости доставки товаровъ къ мѣсту назначенія, оживится и разовьется торговая и промышленная дѣятельность. Помимо

такихъ чисто-коммерческихъ разсчетовъ, и для каждаго мѣстнаго обывателя важно не тратить при провозѣ или проѣздѣ лишняго дня и лишняго рубля, что особенно чувствительно для рабочаго люда и мелкихъ торговцевъ.

До сего каждый житель глухой Олоніи съ какою-то гордостью смотрѣлъ на этихъ великановъ, бороздившихъ прѣсныя воды Олоніи. Многимъ казалось даже, что своимъ появленіемъ они дали какой-то магическій толчокъ всѣмъ классамъ народа къ прогрессивному развитію общежитейскихъ условій и къ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня всего Олонецкаго края. Здѣсь болѣе или менѣе сталкивались и группировались всѣ народности; сближались и ознакомлялись съ бытомъ и характеромъ другого. Вмѣстѣ съ среднимъ и низшимъ классами тутъ же ѣхали люди лучшаго образованія и высшаго общественнаго положенія. При такомъ смѣшеніи классовъ перевѣсъ всегда оказывается на сторонѣ высшаго. Ибо очевидно, что всякому пріятнѣе пользоваться удобствами пароходнаго сообщенія, среди опрятныхъ, вѣжливыхъ людей, нежели тащиться — какъ бывало прежде — на трешкотахъ, посреди всякаго рода нечистоты и грубыхъ и нахальныхъ спутниковъ. Такимъ образомъ отъ улучшенія путей сообщенія сами собой измѣнялись

и улучшались нравы и даже манеры средняго и низшаго классовъ Олонецкаго населенія.

Даже я, живущій съ малолѣтства на отдаленномъ западѣ, въ средѣ народностей болѣе развитыхъ, какъ въ промышленномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи, сравнительно съ нашими олончанами, хоть и считаю себя природнымъ олончаниномъ, будучи по дѣламъ въ столицѣ и видя, какъ эти крылатые метеоры олонецкихъ водъ—пароходы „Царь" и „Царица"—мчались по невскимъ волнамъ, приходили и отходили у Литейнаго моста,—и я съ какою-то гордостью смотрѣлъ на нихъ и указывалъ людямъ цивилизованнаго запада: „Вотъ, молъ, зачатки современной культуры, цивилизованнаго развитія торговопромышленности моей родины — Олоніи!"

Но, не смотря на постигшій насъ вышеописанный несчастный случай, я прошу моихъ соотчичей, олончанъ, не унывать и не приходить въ отчаяніе отъ этого одного случайнаго бѣдственнаго происшествія. То же самое могло случиться на сушѣ, на собственныхъ поляхъ, въ своемъ собственномъ домѣ. Это — Божіе попущеніе... Въ такомъ несчастномъ случаѣ наша братско-христіанская обязанность и долгъ каждаго—по мѣрѣ силъ и возможности помочь наиболѣе пострадавшимъ семействамъ.

Что же касается опасенія, какъ бы публика не

потеряла довѣрія къ такому пути сообщенія на будущее время, то я узналъ изъ вѣрнаго источника слѣдующее. Вмѣсто погибшаго парохода „Царь“ тѣмъ же обществомъ сдѣланъ уже заказъ въ Англіи другого парохода, который будетъ гораздо лучше погибшаго парохода „Царь“, какъ внѣшней отдѣлкой, такъ и комфортомъ; самая конструкція будетъ 5 ф. длиннѣе, 2 ф. шире. Сейчасъ же по открытіи навигаціи онъ будетъ дѣлать регулярные рейсы.

Вмѣстѣ съ симъ да позволено будетъ мнѣ подѣлиться собранными тогда же на мѣстѣ свѣдѣніями о несчастномъ крушеніи только-что упомянутаго парохода „Царь“.

Такъ какъ мнѣ предстояла поѣздка по дѣламъ изъ С.-Петербурга въ Петрозаводскъ въ концѣ октября, то, чтобы не колесить кругомъ или, такъ сказать, сухимъ путемъ въ непроходимую распуту, я рѣшилъ хотя недѣлею раньше, но ѣхать на пароходѣ, гдѣ, конечно, удобнѣе и спокойнѣе, не смотря на осеннюю опасность Ладожскаго озера. Въ расписаніяхъ стояло, что послѣдній пароходъ „Александръ Свирскій“ отправляется 14-го октября. Изъ Финляндіи, по необходимымъ дѣламъ, я прибылъ въ Петербургъ 10-го, и сейчасъ же пошелъ освѣдомляться, будутъ ли отходить пароходы послѣ 14 числа, чтобы заблаговременно распорядиться дѣлами. Пріѣзжаю къ пристани, вижу — стоитъ пароходъ; не обративъ внима-

нія, который изъ нихъ, „Царь“ или „Царица“, спрашиваю у служащихъ на пароходной пристани: будутъ ли послѣ 14-го числа еще отходить пароходы? Они отвѣчали мнѣ: „Подите, спросите капитана парохода“. Капитанъ въ то время расхаживалъ по палубѣ и только-что я взошелъ на пароходъ,—замѣтилъ меня и подошелъ ко мнѣ, поздороваться. Я обратился съ вопросомъ:—Скажите пожалуйста, Николай Ивановичъ, послѣ 14-го будутъ ли еще ходить пароходы? — „Не могу знать“. Я тутъ же замѣтилъ его тревожное состояніе, но ничего еще не зналъ о случившемся. (А между тѣмъ они только-что привалили къ пристани по случаю аваріи.) Въ свою очередь и капитанъ спросилъ у меня: „Которое сегодня число?“ Я отвѣчаю: 10-е. „А, завтра, значитъ, 11-е; въ такомъ случаѣ приходите завтра узнать“. Послѣ этого я еще обращаюсь къ нему: когда-де такая хорошая, теплая погода и предвидится продолжительная теплая осень, вѣроятно, кромѣ „Александра Свирскаго“, будутъ отправлять и другіе пароходы, напримѣръ хоть вотъ этотъ— „Царица“? Онъ какимъ-то дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ мнѣ: „Нѣтъ, „Царица“ не пойдетъ“. — Въ такомъ случаѣ „Царь“?—„И „Царь“ не пойдетъ“.— Почему-же? — „Царь погибъ!“ — Гдѣ? — „Въ Ладожскомъ“—Какъ?—„Мы столкнулись!“—И народу погибло?—„Погибло!“...

Понявъ все дѣло и кто былъ виновникъ несчастія, я считалъ неумѣстнымъ долѣе обременять его вопросами и, распростившись, ушелъ.

Но не могу передать словами, чтó я перечувствовалъ и какія мысли роились въ моей головѣ, пока я шелъ съ парохода по направленію къ набережной.

Тутъ на панели глазѣла толпа народу. Я все еще никакъ не могъ придти въ себя и, поднявшись на тротуаръ, какъ-то безо всякаго сознанія машинально поворотилъ къ носовой части стоящаго парохода и взглянулъ на нее: хотя парусъ и прикрывалъ ее, но все-таки виденъ былъ большой проломъ, съ самаго верха до горизонта воды. Послѣ узналъ, что и подводная часть носа (fer) была проломлена почти до самаго киля. Въ какомъ-то одурѣніи продолжалъ я стоять и смотрѣть на изуродованный корпусъ нашего красавца-парохода „Царица“. Наконецъ, уже кое-какъ пришелъ въ самосознаніе. Потомъ началъ обращаться къ стоящей толпѣ народа съ вопросомъ: не знаетъ ли кто, какъ это случилось? Человѣкъ пять пустились объяснять, но все какъ-то сбивчиво, неясно. Потомъ одинъ мужичокъ заявилъ свое желаніе разъяснить мнѣ, какъ произошло столкновеніе пароходовъ. Рѣчь свою началъ онъ такъ: „Я ѣхалъ на этомъ же пароходѣ,—вотъ только пристали, еще не

всѣ пары успѣли выпустить. Погода была тихая; когда капитанъ вышелъ съ рулевой площадки, сказалъ рулевымъ: „какъ увидите пароходъ „Царь“, держите ближе“. И при рулѣ остались двое, шкиперъ и его братъ. Какъ верхній компасъ невѣрно показывалъ, то самъ штурманъ постоянно ходилъ справляться на нону, гдѣ компасъ былъ болѣе вѣрный. Вотъ изъ этихъ-то разовъ, когда „Царь“ приближался, а штурмана братъ былъ одинъ на рулѣ, и онъ человѣкъ близорукій, —вѣрно ошибся: надо было взять руля, положимъ — въ правую, а онъ — въ лѣвую сторону. Вотъ и вся штука“. Я замѣтилъ мужику:—Видишь, какъ изуродованъ корпусъ.— „Это что вы видите!—подхватилъ онъ.—Пошли бы посмотрѣли внутри, какъ его изуродовало и исковеркало; подите взгляните, сколько пошло на укупорку пролома армяковъ и кафтановъ нашего брата—мужиковъ! И то не удалось бы, если бы не догадались накрыть проломъ парусомъ. А все-таки пришлось отливать воду ведрами, и то кое-какъ, благодаря Всевышнему, дотащились до Шлиссельбурга. Пароходная команда такъ растерялась, что почти ничего не могла сдѣлать; хорошо, что наши свиряне принялись — помогли въ этомъ дѣлѣ, а то оплошай какихъ-нибудь полчаса—пароходъ могъ бы уйти ко дну, и тогда поминай какъ звали! „Царь“ видѣлъ эту бѣду—отворотилъ, а „Царица“—будто какъ ему въ

погоню—въ заднюю часть и въѣхала! А тутъ ужъ что было—трудно передать, да и гдѣ все вспомнить! Боже, Боже мой! что за суматоха, что за страсть была! Когда люди съ „Царя“ лѣзли на „Царицу“, я видѣлъ и очень хорошо помню, какъ многіе при переходѣ падали въ воду. Какъ сейчасъ помню, трое бравыхъ олончанъ и четвертый Савушкинъ стояли на краю и помогали болѣе слабымъ перейти—вдругъ, какъ народъ прижалъ, и они, несчастные, вмѣстѣ съ кучей народа рухнули въ воду... поминай какъ звали! Одинъ молодецъ долго бился на водѣ и придерживалъ сперва двоихъ, потомъ троихъ и наконецъ успѣлъ ухватиться за канатъ; но тутъ уже за него стали цѣпляться, больше да больше—всѣ и пошли ко дну! Отъ такого страха—не выдержалъ, отвернулся... Глаза бы не смотрѣли, какъ люди погибаютъ!“

Ровно черезъ недѣлю послѣ этой катастрофы мнѣ пришлось ѣхать изъ Петербурга въ Петрозаводскъ на пароходѣ „Повѣнецъ“, который былъ вытребованъ изъ Петрозаводска для поисковъ затонувшаго и только-что возвратился. Пароходъ „Царь“ искали нѣсколько сутокъ, но напрасно. На этомъ пароходѣ „Повѣнецъ“ велъ и управлялъ тотъ же штурманъ, который правилъ утонувшимъ

пароходомъ „Царь“. Разсказъ этого шкипера былъ короткій и односложный, потому что многое уже забылось въ такой страшной суматохѣ.

„Помню—говорилъ онъ—лишь то, что когда я еще за милю увидалъ огонекъ парохода „Царица“, будто всего меня какой-то невольный страхъ обнялъ... Стали мы приближаться, видимъ, что будто какъ на насъ мѣтитъ. Мы начали кричать, а онъ еще пуще на насъ.. Помню, я, сколько могъ, круто повернулъ,—сзади затрещало... Тутъ ужъ ничего не помню... Поднялась такая сумятица!“...

Когда мы выѣхали уже къ ночи изъ Шлиссельбурга на Ладожское озеро, я просилъ штурмана чтобы онъ указалъ мнѣ, когда мы будемъ проѣзжать то мѣсто, гдѣ утонулъ пароходъ „Царь“. Погода была такъ себѣ: волненіе было, но небольшое; вѣтеръ дулъ на половину попутный. Подъѣзжая ближе къ тому мѣсту, луна только-что успѣла подняться на горизонтъ; хотя облака изрѣдка двигались по небу, но не мѣшали лунѣ освѣщать своимъ тусклымъ свѣтомъ поверхность моря и ту мѣстность, гдѣ совершалось — еще такъ недавно!—неслыханное дотолѣ на олонецкихъ прѣсныхъ водахъ страшное бѣдствіе, гдѣ отъ удара парохода „Царица“ пароходъ „Царь“ погрузился со всѣмъ своимъ богатствомъ и сотнею пассажировъ на морское дно. Неоспоримо, такое несчастное происшествіе зани-

мало не одну Олонію и Архангельскую губернію, но большую часть Россіи.

Хотя я уже заранѣе приготовился къ встрѣчѣ съ этой мѣстностью, гдѣ произошло столкновеніе—картина гибельнаго воспоминанія!—но когда шкиперъ мнѣ сказалъ: „вотъ около этихъ мѣстъ случилась бѣда—видите, тамъ далеко огонь маяка, не доѣзжая въ ровень съ маячнымъ огнемъ, вотъ какъ теперь мы идемъ",—меня охватила какая-то необъяснимая сила: мнѣ сдѣлалось такъ жутко и тяжело, что я самъ себѣ не могъ дать отчета... А это было въ самую полночь; кучка пассажировъ, всего 6 человѣкъ, спокойно спала. Но не смотря на это, сильное любопытство удерживало меня на палубѣ. Я присѣлъ на прилавочку, прислонился къ борту и съ сильно гнетущимъ сердцемъ сталъ озирать видимую площадь играющихъ волнъ, освѣщенную тусклымъ сіяніемъ мѣсяца. Прошла минута, часъ или болѣе. Мысли мои блуждали невыносимо тревожно, наконецъ остановились на гибельной сценѣ. Я мысленно представлялъ себѣ, что, можетъ быть, въ ту же самую секунду нашъ пароходъ проходитъ черезъ остовъ утонувшаго парохода и своею подводною частью задѣваетъ за трубу лежащаго на днѣ озера парохода „Царь"... И въ ночной темнотѣ десятки труповъ утонувшихъ людей, впослѣдствіи уже выброшенныхъ поверхъ воды, быть можетъ, но-

сятся теперь между волнами, цѣпляясь за колеса нашего парохода... Поэтому очень понятно, какія мысли и фантазіи роились въ моей головѣ и какой оборотъ онѣ приняли... Дальше... помню, только что чувствовалъ себя какъ-то нехорошо... И что со мною потомъ было? и какой духъ тогда во мнѣ дѣйствовалъ? духъ воображенія, духъ сна или сила иллюзіи? — Не сознавалъ, но видѣлъ, и видѣлъ явственно: въ недальнемъ разстояніи отъ парохода, куда еще блѣдный лучъ луны бросалъ свѣтъ, барахтались между волнами множество человѣческихъ фигуръ, протягивая вверхъ руки, и также явственно доносились до слуха голоса, раздиравшіе сердце: „Спасите! спасите! у меня остались отецъ, мать, сестра! По мнѣ тужитъ жена и куча дѣтей останутся сиротами, плакать по мнѣ и жаловаться на сиротскую долю“... Я не выдержалъ, бросился между волнъ спасать утопающихъ, но въ свою очередь очутился между спасаемыхъ, посреди опасности, кричу о помощи—но никто не идетъ, никто не слышитъ, никто не видитъ. Наконецъ схватился за канатъ, слышу людской голосъ: „влѣво, право, румбъ!“... Открываю глаза—темно, ни зги не видать; идетъ дождикъ, дрожу отъ холода, самъ мокрый, слышу разговоръ на верхней площадкѣ капитана съ рулевымъ, нахожу себя на томъ же мѣстѣ, куда присѣлъ на прилавочкѣ, рукою придерживаясь за

вантъ. Перекрестясь, всталъ и пошелъ ощупью внизъ, гдѣ спали богатырскимъ сномъ прочіе пассажиры и гдѣ горѣла лампа. Смотрю на часы—уже третій часъ. Съ великимъ трудомъ обогрѣлся я и пришелъ въ себя, долго не понимая, на яву или во снѣ это мнѣ представилось. Наконецъ кстати вспомнилъ арабскую легенду, что будто бы еще нынѣ порою слышатся въ Красномъ или Чермномъ морѣ голоса погибшаго фараоновскаго воинства, выкрикивающіе слова мщенія и проклятія—не Моисею и не израильтянамъ, а ихъ царю. Но тамъ дѣло шло о спасеніи цѣлаго народа отъ иноземнаго ига, тамъ погибали угнетатели Израиля, а здѣсь несчастные гибли отъ оплошности командира парохода и отъ глупости рулевого...

Пускай однако все мной испытанное и разсказанное здѣсь—сонъ или иллюзія. Но вотъ чтб передавали мнѣ уже очевидцы за бывшее достовѣрно въ дѣйствительности. Въ тотъ самый роковой день на пароходѣ „Царь“ ѣхала одна старуха въ 3-мъ классѣ (нѣкоторые говорили, что она слабоумная—пусть такъ!). За часъ до страшнаго столкновенія пароходовъ она стала кричать и будить всѣхъ пассажировъ 3-го класса: „Вставайте, вставайте, крещоные! Видите—на насъ идетъ змѣя шипучая! слышите—плачъ и вопль на морѣ!“ Конечно, никто ея не послушался; стали

ее унимать и бранить. — Фактъ этотъ подтверждали мнѣ штурманъ, самъ капитанъ и многіе изъ пассажировъ.

Изъ быта кореловъ [1]).

I.

Пространство земли, занимаемое корельскимъ племенемъ, въ нѣсколько разъ больше всей Бельгіи. Оно начинается отъ рѣки Свири и идетъ вплоть до Лапландіи. Западная сторона Корелiи граничитъ съ великимъ княжествомъ Финляндскимъ. Самая граница проходитъ болѣе по твердому материку, мѣстами касаясь маленькихъ рѣчекъ и небольшихъ озеръ. Въ южной оконечности народная граница не сходится съ правительственною: корелы углубляются отъ границы внутрь Финляндiи верстъ на полтораста и столько же въ ширину.

Сѣверная часть этой границы идетъ параллельно съ народною, такъ что по одной сторонѣ живутъ финляндцы, а по другой — корелы; но восточная окраина имѣетъ совсѣмъ другой характеръ. Она

---

[1]) Эта статья была напечатана въ газетѣ „Сынъ Отечества" января 21, 22, 1870 г., №№ 16 и 17.

граничитъ съ западными берегами Онежскаго озера, съ Выгскою системою до Бѣлаго моря и по берегу этого моря до Кандалаксы. Съ исторической и промышленной точки зрѣнія она имѣетъ совершенно другія условія, чѣмъ западная окраина. Здѣсь по всему почти тысячеверстному разстоянію идетъ естественная граница. Далекое преданіе, которому нельзя не вѣрить, говоритъ, что первобытные обитатели этого края были финны или корелы. Впослѣдствіи русскіе вытѣснили ихъ отъ береговъ въ лѣса, безъ сомнѣнія—въ тѣ времена непроходимые, доказательствомъ чему служитъ то, что по всему этому прибрежью стоятъ большія русскія селенія, которыя носятъ однако корельскія названія. Но по всей вѣроятности корелы уступили свои первобытныя жилища русскимъ пришельцамъ не силою, а болѣе съ обоюднаго согласія, потому что и теперь русскія селенія перемѣшаны здѣсь съ корельскими деревнями, хотя большая часть послѣднихъ удалены отъ береговъ на 5, 10, 15 и даже на 20 верстъ. Историческіе факты указываютъ, что финны когда-то обитали гораздо юго-восточнѣе: въ Каргопольскомъ, Бѣлозерскомъ, Вытегорскомъ, Холмогорскомъ и Архангельскомъ уѣздахъ. Но вопросъ: удалились ли они, или незамѣтно слились съ русскими? Это остается рѣшить ученымъ. Мы только укажемъ на то, что и теперь между озерами Онегою и Ла-

дожскимъ по Свири живутъ русскіе, а въ обѣ стороны отъ береговъ ея видна уже чудь, т. е. тѣ же корелы, которые углубляются на югъ, къ верховьямъ рѣки Ояти и дальше до города Тихвина. Эти — всѣ чудской вѣтви, финскаго дерева. Даже на границѣ Новгородской и Тверской губерній есть нѣсколько чисто корельскихъ селеній, но они образовались въ недавнее время отъ переселеній изъ Повѣнецкаго уѣзда въ неурожайные годы.

На южной оконечности Кореліи, въ Петрозаводскомъ, Олонецкомъ и частью Лодейнопольскомъ уѣздахъ есть мѣстности, довольно густо населенныя зажиточными корельскими деревнями. За то на сѣверной оконечности, въ Кемскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, и Повѣнецкомъ — Олонецкой, на болѣе или менѣе огромномъ пространствѣ между непроходимыхъ лѣсовъ, озеръ и болотъ, разбросаны большею частью мелкія деревушки, и только изрѣдка между ними попадаются порядочныя селенія, съ довольно богатыми избами промышленниковъ или торговцевъ.

Здѣсь, въ крайнемъ захолустьѣ сѣвера, бѣдность даровъ природы и затруднительность путей сообщенія прямо заставляютъ бѣднаго кореляка отказаться отъ всѣхъ удобствъ жизни и намекаютъ на переселеніе въ Россію, гдѣ есть и мѣста свободныя, и климатъ благопріятный, и почва съ чер-

ноземомъ. Но родина дорога всякому, и корелы сильно привязаны къ своимъ лѣсамъ и болотамъ и, не смотря на суровость климата, не думаютъ отказаться отъ труда въ неблагодарной мѣстности.

Между финляндцами и корелами въ нарѣчіи ихъ нѣтъ большой разницы. Ихъ раздѣляетъ болѣе всего вѣра. Корелы всѣ безъ исключенія православнаго вѣроисповѣданія, а финляндцы—лютеране.

Какъ въ характерѣ и образѣ жизни, такъ и въ хозяйственномъ быту, въ одеждѣ и домостройствѣ между этими племенами мало общаго. Финны всѣ большею частью флегматическаго характера, а корелы слились съ русскими и заимствовали отъ нихъ и нравы, и народный духъ. У корелъ своего ничего нѣтъ —ни преданій, ни пѣсенъ; у нихъ все русское. Кто мало-мальски имѣетъ способность къ развитію, тотъ уже старается говорить по-русски и учиться русской грамотѣ. Изъ нихъ выходятъ бойкіе писаки, которые занимаютъ мѣста сельскихъ писарей. Странно, что тутъ же есть у корелъ одноплеменные братья—финны, у которыхъ много народныхъ пѣсенъ, совершенно понятныхъ для корелъ, а между тѣмъ они не хотятъ ихъ знать и крѣпко держатся за все русское. Это тѣмъ любопытнѣе, что у нихъ ежедневныя сношенія съ финнами, потому что болѣе предпріимчивый молодой народъ ведетъ мелочную торговлю въ Финляндіи, а

финляндцы живутъ подолгу въ южной и средней части Кореліи. Разумѣется, приходятъ сюда болѣе изъ ближайшихъ къ Кореліи приходовъ, и притомъ самыя бѣдныя семейства. Сначала они питаются подаяніемъ, а потомъ совсѣмъ здѣсь уживаются и становятся руссо-корелами.

При этомъ невольно и нашъ братъ, не-ученый, сознается вмѣстѣ съ учеными въ томъ, что волею-неволею большое тѣло притягиваетъ и поглощаетъ малое. Важенъ, конечно, и духъ народности. Истый корелякъ называетъ финляндца не иначе, какъ шведомъ (руоччи). У финляндцевъ же нѣтъ собственнаго названія кореламъ: они называютъ ихъ вообще wenälainen, т. е. русскими. Въ случаѣ только необходимости различить кореляка отъ природнаго русскаго употребляется выраженіе: въ южной Финляндіи—*олончанъ*, а въ сѣверной—*архангельскихъ кореловъ*.

Въ земледѣліи и другихъ отрасляхъ хозяйства финляндцы стоятъ несравненно выше кореловъ и вообще жителей Архангельской, Олонецкой и даже другихъ сѣверныхъ губерній, какъ напр. Псковской, Новгородской и Вологодской. Не взирая на бѣдность почвы и суровость климата, они настойчиво изобрѣтаютъ средства къ улучшенію своего хозяйственнаго быта, какъ въ земледѣліи и скотоводствѣ, такъ и въ разныхъ ремеслахъ и фабричномъ

дѣлѣ. Съ энергіею и практическою опытностію изучаютъ они земледѣліе и мало-по-малу превращаютъ свои дикіе лѣса и болота въ удобренныя поля и луга. Въ этомъ финляндцы несомнѣнно достойны полнаго уваженія. Особенно развито у финляндцевъ скотоводство, отчего такъ и славится давно чухонское масло. Это, безъ сомнѣнія, одинъ изъ главнѣйшихъ продуктовъ Финляндіи. Несмотря на восьмилѣтній неурожай, одна Куопіоская губернія, въ которой считается съ небольшимъ 200 тысячъ населенія, въ 1868 году приготовила и отпустила въ Россію, а частію за границу, лучшаго коровьяго масла до 100 тыс. пудовъ, по 10 и болѣе рублей за пудъ. Одинъ этотъ фактъ краснорѣчиво подкрѣпляетъ то, что мы сказали.

II.

Первымъ шагомъ всякаго народа на пути къ образованію было всегда земледѣліе. Этимъ же путемъ начали выходить и корелы изъ дикаго состоянія. Хлѣбопашество было основнымъ вопросомъ въ борьбѣ ихъ съ суровой природой. Затѣмъ слѣдовали: рыболовство, охота за звѣрьми и дичью, а въ южной оконечности страны образовались и нѣкоторые другіе промыслы, какъ напримѣръ зимою рубка лѣсовъ для пильныхъ мельницъ и чугунно-

желѣзныхъ заводовъ, заготовленіе дровъ и древеснаго угля, а лѣтомъ — сплавъ руды и лѣса. Наконецъ мало-по-малу источникомъ ихъ благосостоянія явилась и торговля. Корелы начали понемногу сбывать свои сырые продукты и съ теченіемъ времени торгъ этотъ увеличивался, такъ что промышленность и торговля утвердились уже на раціональныхъ основаніяхъ. Мы уже упоминали, что соотечественники наши переняли весь строй жизненнаго быта у русскихъ, почему съ давнихъ временъ стоятъ выше своихъ единоплеменниковъ финновъ и въ торговлѣ, и въ предпріимчивости. Постоянныя сношенія съ Швеціею, Финляндіею, Норвегіею и Россіею развили до значительной степени ихъ предпріимчивость, хотя и въ небольшихъ оборотахъ; они поддерживаютъ въ глуши непроходимыхъ сѣверныхъ лѣсовъ богатыя и красиво построенныя деревни. Этому благосостоянію удивляются и корелы южной оконечности края.

Представьте сѣверную оконечность Кореліи въ 300 верстъ ширины и въ 600 длины. При малолюдствѣ населенія, въ зимнее время всѣ дороги занесены снѣгами и единственнымъ средствомъ сообщенія служатъ лыжи.

Не говоря о мужчинахъ или взрослыхъ женщинахъ, но мальчики и дѣвочки 13—14 лѣтъ, отъ деревни до деревни, на разстояніи 30—40 верстъ

сплошь и рядомъ бѣгаютъ на лыжахъ. Въ лѣтнюю пору въ странѣ, можно сказать, совершенно не существуетъ дорогъ; кое-гдѣ только попадаются едва примѣтныя тропы съ прорубленной просѣкой для верховой ѣзды, но и тутъ придется мѣстами переправляться черезъ озеро въ лодкѣ, а мѣстами идти пѣшкомъ. Отъ одной волости къ другой, иногда болѣе чѣмъ на половину дороги, приходится отъ прямого направленія далеко уклоняться въ стороны. Безспорно, чиновный людъ не жалѣетъ казеннаго времени, но каково при этомъ бѣдному крестьянину, который живетъ трудами рукъ и долженъ дорожить каждымъ часомъ!

Конечно и вообще у насъ въ Россіи дороги незавидны. И что значитъ Корелія передъ тѣми громадными пространствами, гдѣ протекаютъ Лена и Енисей? Но тамъ иныя условія въ бытѣ населенія и народномъ развитіи. Тамъ, въ какой-нибудь Якутской области, вы ѣдете тысячу верстъ по открытой тундрѣ, а здѣсь пробиваетесь сквозь дѣвственные лѣса — чуть замѣтными тропами, а нерѣдко и по такимъ мѣстамъ, гдѣ нѣтъ даже и признаковъ дороги. Разстояніе между деревнями въ Кореліи нерѣдко бываетъ 50—60 верстъ, а если держаться тропинокъ, то приходится часто исколесить и вдвое болѣе. Не желая терять времени, вы рѣшаетесь, конечно, идти кратчайшимъ

путемъ. И вотъ какъ у насъ ходятъ. Въ деревушкѣ мужиковъ нѣтъ дома, а остаются только бабы. Вы берете въ проводники какого-нибудь мальчугана, и онъ несетъ поклажу. Баба растолкуетъ, по какому направленію должны вы идти, да и мальчикъ, охотясь осенью за дичью и бѣлками, а зимой за оленями, знакомъ съ частью мѣстности. Вы отправляетесь. Сначала тянется видная тропа, но верстахъ въ двухъ-трехъ отъ деревни она начинаетъ расходиться на разныя вѣтви и наконецъ совсѣмъ теряется изъ виду. Но вы держитесь указаннаго направленія, помня, какъ въ деревнѣ бабы размахивали руками и объясняли разныя примѣты— такое-то урочище, озеро, лѣсную поляну, рѣчку или болото. Однако, не успѣли вы отойти отъ деревни семи или восьми верстъ, какъ всѣ эти наставленія перепутались у васъ въ головѣ. Хотя бы вы и дѣйствительно встрѣтили указанныя урочища, но уже навѣрное забыли, въ какую сторону слѣдуетъ идти, налѣво или направо. Мальчикъ и помнитъ кое-что, но не твердо. Вы положительно отдаетесь во власть Божію. Хорошо еще, если день ясный: тогда вы наблюдаете по солнцу или по сучьямъ деревьевъ, которые съ сѣверной стороны бываютъ обыкновенно мельче и рѣже. Это для сѣверныхъ полѣсниковъ замѣняетъ компасъ. Вы продолжаете идти; но вотъ стало вечерѣть, и одинъ Богъ знаетъ,

сколько вы миновали указанныхъ мѣстъ, сколько огибали озеръ и переходили болотъ: передъ вами все еще тотъ же безпредѣльный лѣсъ, та же нѣмая тишина пустыни, порою только нарушаемая тяжелымъ полетомъ глухаря. Въ чащѣ быстро пробѣжитъ легкій звѣрекъ или стадо быстроногихъ оленей, а иной разъ случается натолкнуться и на хозяина этой дремучей глуши—косолапаго медвѣдя, встрѣчи съ которымъ имѣютъ то трагическій, то комическій характеръ. Иногда случается отдѣлаться отъ него шуткою, но бываютъ и непріятныя столкновенія, особенно когда онъ попадется вмѣстѣ съ молодыми медвѣжатами. Вы однако чувствуете себя совершенно изнуреннымъ и охотно желали бы присѣсть поотдохнуть—но этого не позволяютъ комары. Сѣверные лѣса, въ извѣстное время лѣта, полны этими надоѣдливыми насѣкомыми, которыя кишатъ около васъ цѣлыми миріадами. Но что здѣсь въ лѣтнюю пору пріятно и утѣшительно — это свѣтлыя ночи и непрестанное щебетаніе прилетныхъ птичекъ, которое по временамъ покрывается монотоннымъ крикомъ кукушки. Отъ сильной усталости вы приходите въ отчаяніе, но вдругъ передъ глазами у васъ мелькнула какая-то сѣрая полоска, вы всматриваетесь, и что же? Оказывается, что у васъ подъ ногами пролегаетъ тропинка. Вы радуетесь больше, чѣмъ радовался Колумбъ, когда передъ

нимъ показался вожделѣнный берегъ Америки. Вы забываете усталость, удвоиваете шаги, проходите еще нѣсколько верстъ. Тропа становится все шире, слышится лай собакъ, позвонки коровъ, голоса людей и наконецъ глазамъ вашимъ является деревушка, бѣдная по наружности, но она кажется вамъ богатымъ селомъ. Васъ ведутъ въ зажиточный крестьянскій домъ, и хозяинъ, не спрашивая, кто вы — радушно приметъ васъ: баба засуетилась, мужикъ заводитъ съ вами рѣчь, и на первыхъ же порахъ объясняетъ, что у него два сына и четыре работника въ Финляндіи въ разносчикахъ, т. е. занимаются мелочною торговлею. Затѣмъ васъ просятъ въ особую горенку, гдѣ на столѣ уже шумитъ самоваръ, а возлѣ него кофейникъ смотритъ кокетливо на хозяйку. Васъ угостятъ кофеемъ, накормятъ, сдѣлаютъ постель, и вы съ удовольствіемъ проспите до утра. А утромъ опять начинается угощеніе: чай, кофе, горячая стряпня, и за все это съ васъ не возьмутъ ничего. Вы поблагодарите только хозяина и хозяйку, возьмете новаго провожатаго и отправляетесь далѣе. Корельская стряпня далеко выше обыкновенной русской крестьянской ѣды по изобилію и разнообразію.

Въ глуши этихъ сѣверныхъ лѣсовъ встрѣчаются деревни дворовъ въ 40, 50 и 60, и въ нѣкоторыхъ вы найдете десятки домовъ красивой и богатой

постройки, въ которыхъ встрѣтите такое же радушное гостепріимство, со всею роскошью обильнаго крестьянскаго стола, не уступающаго обѣдамъ порядочнаго купца въ уѣздномъ городѣ. Въ домахъ нѣкоторыхъ изъ коренныхъ кореловъ вы найдете на столѣ газеты, и чаще другихъ „Сынъ Отечества". Изъ этого можно составить понятіе о нашемъ отдаленномъ уголкѣ и его неизвѣстныхъ жителяхъ, которыхъ многіе не умѣютъ отличать отъ самоѣдовъ и тунгусовъ. На первый разъ мнѣ — природному корелу и самоучкѣ—хотѣлось хотя нѣсколько ознакомить читателей съ нашимъ краемъ, который мнѣ пришлось по коммерческимъ дѣламъ изъѣздить вдоль и поперекъ по всѣмъ направленіямъ.

Матеріалы для исторіи и этнографіи. Корелы, ея исторія, народный бытъ и корельско-русская грамотность.

(Изъ писемъ самоучки-корела [1])

I.

Тотъ плохой патріотъ и сынъ отечества, кто не любитъ своей родины и чуждается своего родного племени, на какой бы низкой степени образованно-

[1]) Эта статья помѣщена въ „Олонецкихъ Губ. Вѣдом." 1872 г., № 68.

сти онъ ни находился. Многіе народы на земномъ шарѣ прошли различныя фазы бытового и гражданскаго развитія, отъ дикаго состоянія до совершенной образованности, но многіе ведутъ еще первобытный, грубый образъ жизни. Наши корелы давно уже вышли изъ дикаго состоянія, пережили вѣкъ первоначальной культуры и достигли сферы промышленности и земледѣлія; распространеніе между ними грамотности, мало-по-малу подвигающейся впередъ, служитъ началомъ образованія корелъ. Какъ природному русскому корелу, мнѣ, я полагаю, позволено желать распространенія ясныхъ понятій объ этомъ племени и возбужденія въ немъ больше и больше охоты къ грамотности. Въ примѣръ я поставляю г. Тихонова, члена-сотрудника Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, прекрасная статья котораго о корелахъ напечатана была во „Всемірномъ Трудѣ". Г. Тихоновъ, родившись въ средѣ финскихъ кореловъ, въ статьѣ своей цѣлымъ рядомъ историческихъ фактовъ подтверждаетъ давно высказанное мною убѣжденіе, что корелы, если не по племени, то по духу, еще въ до-рюриковскій періодъ русской исторіи были самыми ближайшими братьями коренныхъ великоруссовъ и навсегда остались связанными съ ними неразрывными узами гражданственности и народнаго быта.

Корелы съ самаго начала исторіи Россіи явля-

ются нерѣдко приверженцами ея при нашествіяхъ шведовъ, финновъ, прибалтійскихъ нѣмцевъ, ливонскихъ рыцарей и другихъ ея непріятелей, тогда какъ всѣ прочіе финны, напр. чудь, ямь или емь и др., были большею частію противниками Руси. Съ самаго появленія славянъ на сѣверѣ Европы корелы подружились съ новгородцами и сдѣлались членами ихъ общины, впослѣдствіи же участвовали съ ними въ призваніи Рюрика изъ Варяго-Руссовъ [1]). Чудь и эсты хотя также были участниками Новгородской общины, но вслѣдствіе какихъ-то обстоятельствъ отдѣлились отъ союза и съ тѣхъ поръ, кажется, обратились въ непріятелей новгородцевъ и, слѣдовательно, корелъ, какъ членовъ Новгородской республики, такъ что еще Ярославъ долженъ былъ воевать съ ними. Вообще корелы всегда принимали горячее участіе въ судьбахъ русскаго народа и русской земли; за нее они нерѣдко вели кровопролитныя войны не только съ иноземными народами, но и съ единоплеменными себѣ тавастами, ямью, чудью и другими финнами, не смотря на то, что эти послѣдніе по происхожденію были съ ними почти родные братья. Съ какой бы стороны ни являлся непріятель въ предѣлы Новгородской обла-

---

[1]) Объ этомъ высказано въ статьѣ г. Логуса въ „Вѣстникѣ Европы" 1828 г. (май и іюнь, № 11, стр. 90).

сти, новгородцы всегда обращались за помощью къ кореламъ; ударяли въ вѣчевой колоколъ, и корелы дружно становились въ ряды русскихъ войскъ. Если бы и въ другихъ, находившихся подъ владычествомъ Руси, племенахъ замѣтно было что-нибудь подобное, то такому сочувствію кореловъ къ славянамъ и ко всему русскому нельзя было бы приписать особенно важнаго значенія; но намъ изъ исторіи русскаго народа извѣстно, что всѣ прочія финскія племена были противниками Новгорода. Ямь находилась въ союзѣ со шведами, чудь—съ нѣмцами, и какъ тѣ, такъ и другіе часто дѣлали нападенія на Новгородскую область.

Карамзинъ говоритъ, что ливонскіе рыцари, финны и шведы были непріятелями новгородскими [1]); „однажды король шведскій, досадуя на россіянъ за частыя опустошенія Финляндіи, послалъ зятя своего Биргера на ладьяхъ въ Неву къ устью Ижоры, съ великимъ числомъ шведовъ, норвежцевъ и финновъ“; или, по новгородской лѣтописи, „пріидоша свеи въ силѣ велицѣ, и мурмане, и сумь, и ямь“ [2]). Нашествіе Биргера было, какъ извѣстно, отражено новгородскимъ княземъ Александромъ, получившимъ за побѣду названіе Невскаго [3]). Александръ Нев-

[1]) Историческій атласъ, Павлишева.
[2]) Сумь и ямь, или емь—два финскія племени въ Финляндіи.
[3]) Исторія Гос. Росс., т. IV, стр. 16.

скій „велѣлъ укрѣпить берега Шелони, чтобы защитить Новгородскую область отъ внезапнаго нападенія чуди и старался окружить себя храбрыми витязями“ [1]). Во время нахожденія Александра въ походѣ противъ Биргера нѣмцы, по словамъ Карамзина, „вступили въ область Новгородскую, обложили данью вожанъ и построили крѣпость на берегу Финскаго залива, въ Копорьѣ, чтобы утвердить свое господство въ нынѣшнемъ Ораніенбаумскомъ уѣздѣ; взяли на границахъ Эстоніи русскій городъ Тесовъ и грабили нашихъ купцовъ. Народъ, видя бѣду, требовалъ себѣ защиты отъ Ярослава Всеволодовича и призналъ второго сына его, Андрея, своимъ княземъ; но зло не миновалось: литва, нѣмцы и чудь опустошали берега Луги, увозили скотъ, лошадей, и земледѣльцы не могли обрабатывать полей. Надлежало прибѣгнуть къ герою Невскому“... „Александръ прибылъ—и все измѣнилось (это было въ 1241 году); немедленно собралось войско: новгородцы, ладожане, корелы и ижерцы весело шли подъ его знаменами къ заливу Финскому“ [2]). „У князя Александра,—говоритъ лѣтопись,—бѣ множество храбрыхъ, якоже древле у Давида царя; бяху бо сердца ихъ яко сердца львовъ; и

---

[1]) Ист. Гос. Росс., т. IV, стр. 14.
[2]) Ист. Гос. Росс., т. IV, стр. 14.

рѣша: о, княже нашъ честный! нынѣ приспѣ время намъ положити главы своя за тя. Князь же воздѣвъ руце на небо и рече: суди ми, Боже... и помози якоже Моусею и прадѣду нашему Ярославу на окаяннаго Святополка" [1]). Притомъ новгородцы, корелы и другіе „взяли Копорье и плѣнили многихъ нѣмцевъ"... „Вожане и чудскіе измѣнники, служившіе непріятелю, въ страхъ другимъ были повѣшены"... „Александръ взялъ Псковъ, возвратилъ ему независимость и прислалъ въ Новгородъ скованныхъ нѣмцевъ и чуди"... „Истреблялъ нѣмцевъ и гналъ чудь до самаго вечера. 400 рыцарей пали отъ нашихъ мечей, 50 были взяты въ плѣнъ"... „тѣла чуди лежали на 7 верстахъ". По новгородской лѣтописи, „нѣмцы ту падоша, а чудь даша плеще и биша на 7 верстъ по леду до суболическаго берега, и паде чуди безъ числа, а нѣмцевъ 400" [2]). Кромѣ упомянутой выше войны, корелы приняли участіе и въ другихъ новгородскихъ дѣлахъ. Описаніе ихъ потребовало бы слишкомъ много мѣста, а потому скажемъ здѣсь только о главнѣйшихъ. Такъ, еще гораздо ранѣе описанной войны, именно въ 1149 году, на призывъ великаго князя Изяслава, приказывавшаго ударить въ вѣчевой ко-

---

[1]) Тамъ же. Т. IV, прим. 31, стр. 13.

[2]) Тамъ же. Ист. Гос. Рос., т. IV, прим. 31, стр. 13.

локолъ, явились, между прочимъ, корелы и, соединившись съ новгородцами и псковичами, двинулись на Суздальскую область для войны съ тамошнимъ княземъ Георгіемъ за то, что послѣдній раззорилъ городъ Торжокъ, принадлежащій къ Новгородской области: „и поидоша по немъ вси новгородцы, и псковичи и корела“ [1]).

Въ 1188 году, по словамъ шведскихъ лѣтописей, корелы, соединившись съ русскими, пріѣзжали на судахъ въ окрестности Стокгольма и 14 іюня взяли шведскій городъ Сигтуну. Далѣе, въ 1253 г., корелы вмѣстѣ съ новгородцами опустошили часть Ливоніи, разбили нѣмцевъ въ окрестностяхъ Нарвы. „Въ то же лѣто (1293) приходиша свея воевать въ 800; 400 иде на корелу и 400 на ижору, и избиша своихъ, а иныхъ руками взимаша“. Въ 1228 г. финское племя емь приходило въ Корелію для войны съ корелами и, испугавшись послѣднихъ, бросило свои лодки и „бѣжало въ густые лѣса, но было истреблено корелами и ижорами“. Въ 1240 г. новгородцы собрали многочисленное войско, въ которомъ были и корелы, для защиты отъ изгнаннаго ими великаго князя Ярослава Ярославича. Въ 1316 г. новгородцы, опасаясь великаго князя Михаила Твер-

---

[1]) Воен. событ. въ Тверск. губ. См. въ Воен. Стат. Обозр. Твер. губ.; Русск. Лѣт. съ Воскресенскаго списка и Ист. Госуд. Росс., т. IV, стр. 138, прим. 318.

ского, укрѣпили столицу и призвали на помощь между прочимъ кореловъ. Въ 1444 году „корела ходиша на мурманы и избиша ихъ много и пріидоша здравіи“ [1]).

Участвуя такимъ образомъ въ судьбахъ русской земли, корелы не могли не занять мѣста въ русской исторіи; и дѣйствительно, имя ихъ встрѣчается на многихъ страницахъ ея, въ лѣтописяхъ и даже во многихъ государственныхъ актахъ того времени, нынѣ вошедшихъ въ „Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи“.

II.

Кареллія и Корелія (Корела)—это два различныя названія, присвоенныя финляндскимъ и корельскимъ поселеніямъ. Корелія или Корела означаетъ православное корельское населеніе внутри и внѣ финляндской границы, а Кареллія занимаетъ область, граничащую съ Олонецкою и Архангельскою губерніями и занимающую Выборгскую губернію, половину Куопіоской и части С.-Михельской, Улеоборгской и Вазаской губерній.

---

[1]) Ист. Гос. Рос., т. III, стр. 52, пр. 85; т. IV, стр. 71, пр. 173, т. I, стр. 73 и 42; т. IV, стр. 67, 177 и пр. 223; т. V, стр. 215, пр. 388.

Пространство территоріи, занимаемое нынѣшними корелами, довольно обширно. Хотя страна эта въ отношеніи почвы для земледѣлія и имѣетъ неблагопріятныя климатическія условія, но она представляетъ выгоды въ промышленномъ отношеніи, прилегая къ берегамъ Свири, озеръ Ладожскаго и Онежскаго и Бѣлаго моря. Во времена Рюрика и Ярослава Корелія была вдвое обширнѣе, а теперь она занимаетъ Олонецкій, Петрозаводскій и Повѣнецкій уѣзды Олонецкой губерніи, Кемскій уѣздъ Архангельской и часть Великаго Княжества Финляндскаго. Но и эта сплошная площадь—обширнѣе Бельгійскаго королевства. Отпрыски повѣнецкихъ корелъ находятся въ губерніяхъ Новгородской, Ярославской и Тверской, куда они переселились во время неурожаевъ изъ суроваго и нехлѣбороднаго Повѣнецкаго края. Значительная часть древняго корельскаго племени давно обрусѣла, слившись съ господствующимъ племенемъ со времени Владиміра Мономаха, съ проявленіемъ первыхъ лучей христіанской вѣры. Всѣ нынѣшніе русскіе корелы нисколько не отличаются отъ русскихъ внутреннимъ домашнимъ бытомъ и обычаями; окончательному обрусѣнію ихъ препятствуетъ только языкъ, отличающійся, впрочемъ, множествомъ словъ, заимствованныхъ изъ русскаго нарѣчія. И въ этомъ отношеніи всѣ они давно желаютъ слиться съ коренною Русью и получить

русскую грамотность. Какъ природному корелу, родившемуся въ центрѣ русской Кореліи (Сямозерѣ) и изучившему бытъ какъ русскихъ, такъ и финляндскихъ корелъ и разныхъ другихъ племенъ финляндскаго происхожденія, мнѣ хорошо извѣстны образъ жизни и народный духъ, внутреннія, духовныя стремленія моихъ собратьевъ. Г. Тихановъ, посвятившій много трудовъ изученію корелъ, между прочимъ, издалъ корельско-русскій молитвенникъ, съ чисто филантропическою цѣлью—для распространенія между корелами русской грамотности. Безспорно, это цѣль высокая, но она, какъ и всѣ дѣла человѣческія, имѣетъ свою свѣтлую и темную стороны. Насколько современно и практично въ настоящее время изданіе корельско-русскаго перевода молитвъ и какую пользу оно принесетъ утвержденію въ корелахъ русской грамотности--вотъ вопросъ, для разрѣшенія котораго, по моимъ практическимъ знаніямъ и опытамъ, должно указать способъ распространенія между корелами русскаго языка и образованія. Корельское племя въ русскихъ губерніяхъ, давно уже принявшее въ свой народный бытъ кровные русскіе элементы — вѣру, гражданственность, народные обычаи, -- достаточно подготовлено къ непосредственному воспріятію русской рѣчи, которую большинство понимаетъ вполнѣ хорошо. Среди великихъ реформъ настоящаго царствованія, обра-

щено вниманіе на духовно-нравственное и умственное воспитаніе народа, въ которомъ такое живое участіе принимаетъ наше духовенство. При распространеніи школъ въ селеніяхъ, безъ всякаго сомнѣнія, корелы воспользуются случаемъ учиться грамотѣ на русскомъ языкѣ и въ скоромъ времени положительно сдѣлаются настоящими русскими. Хотя г. Тихановъ, въ своей статьѣ о корелахъ, говоритъ о большомъ между ними невѣжествѣ, но я могу сказать утвердительно, что корелы вообще нисколько не грубѣе многихъ русскихъ, какъ мнѣ удалось видѣть въ нѣсколькихъ губерніяхъ средней полосы Россіи. Въ домашнемъ быту корелы гораздо чистоплотнѣе и болѣе радушны и развиты, чѣмъ многіе русскіе.

Относительно корельской грамоты я могу привести слѣдующіе факты, почерпнутые мною изъ самой жизни. Уже десятки лѣтъ печатно и изустно разбирается вопросъ о мѣрахъ распространенія грамотности между корелами, но пока еще ни въ Финляндіи, ни въ Россіи различныя мѣры не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ. Хотя для финскихъ кареловъ перепечатана на карельско-финскомъ языкѣ, латинскими буквами, вся православная церковная служба, но за всѣмъ тѣмъ финскіе кареллы неохотно за нее принимаются; ближе къ русской границѣ всѣ они придерживаются рус-

ской печати, а дальше въ Финляндіи пользуются финской грамотой. Что касается русской Кореліи, то вводить между корелами грамотность на туземномъ корельскомъ нарѣчіи—положительно напрасный трудъ. Это было бы противно географическимъ, политическимъ, промышленнымъ и этнографическимъ условіямъ, въ которыхъ находится это племя въ настоящее время. Достаточно обратить вниманіе на узкую полосу, занимаемую корельской народностью отъ рѣки Свири до Кандалаксы, почти на тысячеверстномъ протяженіи, въ пограничномъ сосѣдствѣ съ русскимъ промышленнымъ населеніемъ. Почва и климатъ этой полосы служатъ причинами разныхъ промысловъ, для замѣны или подспорья скудному земледѣлію. Населеніе этой полосы представляетъ три слѣдующія категоріи экономическаго развитія: промышленную, самобѣднѣйшую и посредственную (земледѣльцы): 35% этого населенія, по торговопромышленнымъ занятіямъ съ русскими, настолько въ состояніи говорить по-русски, насколько это необходимо, а многіе знаютъ также и русскую грамоту; 35% составляютъ самобѣднѣйшіе жители сѣверной Кореліи (Кемскій и Повѣнецкій уѣзды), которые отвозятъ дѣтей своихъ съ малолѣтства въ русскія губерніи, гдѣ они знакомятся съ русскимъ языкомъ сами собою; наконецъ, остается какихъ-нибудь 30% корелъ, принадлежащихъ къ посред-

ственному развитію въ экономическомъ отношеніи, занимающихся хлѣбопашествомъ и домашними промыслами, но и тѣ кое-какъ умѣютъ читать по-русски (изустно) краткія молитвы; между ними не найдется не только парня, но даже дѣвушки, которые не спѣли бы полдюжины русскихъ пѣсенъ, — конечно, съ искаженіемъ нѣкоторыхъ словъ. Однимъ словомъ, корелы съ молокомъ матери, чрезъ цѣлыя сотни лѣтъ, всосали въ себя русскій духъ, привыкли думать по-русски, усвоили русскіе обычаи и народный русскій бытъ; только необходимые между собою разговоры они ведутъ по своему, на своемъ языкѣ, въ которомъ найдется до 20% русскихъ словъ и выраженій, хотя отчасти и съ корельскимъ произношеніемъ. Ко всему этому въ центрѣ узкой полосы, занимаемой корельскимъ племенемъ, годъ отъ году развивается чугунно-желѣзная промышленность и лѣсныя разработки, которыя вносятъ въ эту среду русскую грамотность, русское нарѣчіе. На что намъ печатная корельская рѣчь, составленіе корельской грамматики, когда всѣ мы—корелы—признаемъ себя душою и тѣломъ истинно-русскими?!

Русскіе корелы желаютъ учиться грамотѣ не на своемъ, а на русскомъ языкѣ. Мнѣ кажется, я могу быть въ этомъ дѣлѣ судьею, какъ природный корелъ, болѣе 30 лѣтъ проведшій въ центрѣ Финляндіи, на границѣ Саволаксы съ Кореліей. Въ по-

слѣдніе десять лѣтъ по лѣсопромышленнымъ дѣламъ мнѣ пришлось изъѣздить крестъ-на-крестъ всю русскую Корелію, начиная отъ рѣки Свири до Кандалаксы; по дѣламъ коммерческимъ мнѣ знакомы и другія разноплеменныя окраины Россіи. Привыкнувъ наблюдать все окружающее, я интересовался грамотностью моего родного племени, и особенно желалъ узнать, какъ прививается въ корелахъ корельско-русскій молитвенникъ г. Тиханова и недавно изданныя на корельско-русскомъ языкѣ „наставленія и приказы сотскимъ и десятскимъ". Послѣднія написаны чисто-корельскимъ языкомъ, вполнѣ понятнымъ для здѣшнихъ корелъ; между тѣмъ мнѣ не случилось встрѣтить ни одного корела-грамотѣя, который читалъ бы эти наставленія по-корельски; какъ бы мало ни зналъ онъ русскій языкъ и русскую грамоту, а непремѣнно изучалъ наставленія въ русскомъ переводѣ. Что же касается корельско-русскаго молитвенника г. Тиханова, то въ его корельскомъ переводѣ очень много корельско-финскихъ словъ, которыя и подавно будутъ неохотно разбираться русскими корелами. Для финляндскихъ кареловъ эта книга дѣйствительно пригодна. Еслибы она была настолько распространена въ Финляндіи, подъ руководствомъ православнаго духовенства, что сдѣлалась бы обыденною молитвенною книгою финскихъ карелъ, то скоро сбли-

зила бы ихъ по языку съ русскими ихъ собратьями; а затѣмъ уже потребовался бы для финскихъ кареллъ молитвенникъ на русско-корельскомъ нарѣчіи, имѣющемъ много русскихъ словъ,—и это былъ бы уже второй шагъ къ распространенію русскаго языка и русской грамотности въ корельско-финскомъ племени. Привожу изъ молитвослова г. Тиханова слѣдующій сравнительный словарь выраженій русскихъ кореловъ и финскихъ карелловъ, изъ котораго будутъ видны сродство и разность между двумя послѣдними нарѣчіями:

Русскія:	Русскихъ кореловъ:	Финскихъ карелловъ:
Во имя Отца *	Нимохъ Таатанъ	Нимени Ижанъ.
Слава Тебѣ *	Чести Синулъ	Кунивосъ Синулъ.
Царю Небесный *	Цаари Таиваасъ оліа	Кунингасъ Тайвалине.
Сокровище *	Сокровищу	Калансъ хувіа.
Помилуй насъ *	Помилуйче мейдю	Армахта мейдю.
Слава Отцу *	Чести (слава) Таатанъ	Кунивосъ Ижалъ.
Владыко прости *	Владыко, прости	Валдая,анна айдейкси.
Господи, помилуй *	Господи, помилуй	Господи, армахта.
Царство Твое	Синунъ царство	Сынунъ валдакунду.
Богородице *	Богородичу (Юмаланъ сая маамо)	Юмаланъ саалине маамо.
Благословенна *	Благословитту	Риститту.
Отца Вседержителя.	Таатанъ кайкенъ владѣтелянъ	Ижанъ кайкенъ валдаянъ.
Отъ Отца рожденнаго	Таатаста родинухъ	Ижасъ сундунухъ.

---

*) Всѣ русскіе корелы отъ млада до стара также говорятъ и понимаютъ лучше русскій текстъ, чѣмъ свой природный.

Русскія:	Русскихъ кореловъ:	Финскихъ кареловъ:
Молю тя усердно	Молинъ сину усердно	Минія рукойленъ сувемести.
Молюся *	Молимось	Рукойленъ.
Прости *	Прости	Анна андыэксе.
Во царствіи	Омахъ царствась	Куннингастуксесъ.
Счастія *	Счастіи (озаа)	Луккуу.
Почитай Государя	Почитай Цаари	КуншістаКуннингаста.

Грамотность, по моему мнѣнію, въ сельскомъ сословіи должна быть дѣломъ обязательнымъ какъ для русскихъ, такъ и для корельскихъ дѣтей обоего пола; они должны непремѣнно умѣть читать славянско-русскую печать. Еще нужнѣе выучить дѣвушекъ читать и понимать прочитанное, потому что онѣ, сдѣлавшись матерями, легко могутъ передать, среди домашнихъ занятій, первоначальную, сознательную грамоту своимъ дѣтямъ и могутъ сдѣлаться учительницами въ сельскихъ школахъ; знаніе чтенія и молитвъ для нихъ должно быть поставлено непремѣннымъ условіемъ, какъ это вообще введено у лютеранъ. Но недостаточно выучить малютокъ грамотѣ и потомъ оставить ихъ на произволъ; чтобы они не забывали грамоты и всего выученнаго, слѣдовало бы хоть разъ въ году производить въ каждомъ селеніи экзаменъ взрослымъ. Это дѣло и обязанность просвѣщеннаго нашего духовенства. Нужно разъ правильно устроить дѣло распространенія грамотности, привить ее къ новому поколѣнію, а тамъ

она пойдетъ своей дорогой; явится соревнованіе между дѣтьми, и грамотность выведетъ ихъ изъ той одичалости и невѣжества, которыя теперь присущи большинству нашего народа.

Петрозаводскъ и мои впечатлѣнія [1]).

Неоспоримо, что изъ моихъ родичей—жителей Олонецкой губерніи—немногіе знаютъ грамоту; да и тѣ, которые знаютъ, совсѣмъ не занимаются чтеніемъ общеполезныхъ произведеній новѣйшей литературы, а особенно газетъ. Этотъ упрекъ можно отнести не къ одному сельскому населенію, но и къ большинству горожанъ. Такое впечатлѣніе произвело на меня посѣщеніе Петрозаводска—родного моего города, послѣ 25-ти-лѣтняго отсутствія. Это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Дѣла заставили меня пробыть болѣе двухъ мѣсяцевъ въ глуши сѣверной Кореліи, гдѣ, кромѣ губернскихъ вѣдомостей не встрѣтишь ни одной печатной строки о томъ, что происходитъ въ ученомъ, промышленномъ и политическомъ мірѣ; да и эта единственная газета въ отдаленную Корелію—эту Олонецкую Камчатку—

---

[1]) Напечатано въ „Олонецк. Губернск. Вѣдом." 1871 г., №№ 64 и 65.

приходитъ довольно поздно. Наконецъ, высвободившись изъ захолустья Ребольскихъ лѣсовъ и подъѣзжая къ Петрозаводску, я думалъ, что здѣсь получу двѣ радости вдругъ. Какъ уроженцу селенія Сямозера, съ малолѣтства странствовавшему по цѣлой Россіи, мнѣ пріятно было увидѣть послѣ долгаго отсутствія главный городъ моей родины. Къ этому чувству присоединилось другое — насладиться чтеніемъ давно невиданныхъ мною газетъ, узнать, что̀ дѣлаетъ Луи-Наполеонъ, въ то время еще игравшій главную роль въ политическомъ мірѣ; какъ идетъ у Бисмарка объединеніе Германіи; кого въ соединенныхъ штатахъ Америки избрали президентомъ; какіе успѣхи дѣлаетъ наша дипломатія; не перешли ли уже наши туркестанскія войска чрезъ Гималай, въ гости къ потомкамъ великаго Могола, и т. п. Съ такими упоительными мечтами въѣхалъ я въ Петрозаводскъ. Переодѣвшись, бросился осматривать городъ, а сердце такъ и стучитъ, требуя свѣжихъ газетныхъ новостей. Подзываю извозчика, спрашиваю, гдѣ здѣсь кафе-ресторанъ? Онъ смотритъ мнѣ въ глаза и молчитъ. Спрашиваю: есть ли здѣсь трактиръ, гостинница, или что-нибудь подобное? — „Есть, сколько угодно“. —Ну, вези меня въ первый трактиръ.—Это было лѣтомъ. Дрожки были порядочныя, лошадь хорошая, — какъ разъ подвезъ. „Вотъ здѣсь“, говоритъ. Вхожу;

дѣйствительно, мнѣ приглянулось: двѣ порядочныя комнаты; въ первой—буфетъ, во второй—бильярдъ; послѣднему я душевно обрадовался; думаю себѣ: значитъ и у насъ, дескать, прогрессъ, цивилизація! Но главное — поскорѣе газетъ! На шумъ бывшей тамъ публики я не обратилъ вниманія, подсѣлъ къ особому столу и потребовалъ газетъ и чаю. Чай подали, а газетъ не принесли. Думаю, вѣрно заняты посѣтителями; обвелъ глазами комнаты—ни у кого изъ посѣтителей газетъ нѣтъ. „А, вѣроятно, есть особая газетная комната". Обращаюсь въ буфетъ, спрашиваю у буфетчика, могу ли получить газеты? Онъ даже едва понялъ мое требованіе и наконецъ отвѣтилъ, что газетъ нѣтъ. При этомъ нѣсколько посѣтителей, вставъ съ своихъ мѣстъ, окружили меня со словами: „Какія тутъ газеты! Благо, что водка есть". Я смутился при такой сценѣ, сѣлъ къ столу и, болѣе внимательно взглянувъ на толпившихся около бильярда, убѣдился, что почти всѣ они принадлежатъ къ поклонникамъ Бахуса. Не оставалось ничего болѣе какъ выйти изъ веселой компаніи. У воротъ стоялъ тотъ же извозчикъ и отвезъ меня въ другую гостинницу, гдѣ я встрѣтилъ такую же картину, какъ и въ первой. Наконецъ, мой возничій привезъ меня въ третью гостинницу, по его словамъ—лучшую. Хотя и здѣсь я встрѣтилъ такія же сцены, какія пора-

зили меня въ двухъ первыхъ трактирахъ, но въ буфетѣ было менѣе людно и шумно. На вопросъ, есть ли газеты, буфетчикъ опять отвѣчаетъ: „нѣтъ“. Я выразилъ удивленіе, что при значительности населенія города и порядочной обстановкѣ заведеній въ нихъ нѣтъ газетъ. Пожавъ плечами, буфетчикъ отвѣтилъ мнѣ на это: „Что же дѣлать, когда ихъ никто не спрашиваетъ и не читаетъ! Получаемъ свои губернскія вѣдомости, но такъ какъ ихъ никто не проситъ и не читаетъ, то мы сряду употребляемъ ихъ на обертку“. Въ концѣ концовъ и здѣсь не оставалось ничего другого, какъ уйти. Еще разъ обращаюсь къ извозчику:—Неужели въ Петрозаводскѣ, кромѣ общенародныхъ гостинницъ и трактировъ, нѣтъ особеннаго кофейнаго дома, куда господа ходятъ пить кофе и читать газеты?—Немного подумавъ, онъ отвѣтилъ: „Есть“.—Вези меня туда. — Подъѣзжаемъ къ какому-то дому: „Вотъ здѣсь“, говоритъ.—Что же здѣсь нѣтъ вывѣски? Куда пройти мнѣ?—„На дворъ, вотъ въ тѣ двери, потомъ налѣво“.—Вхожу въ небольшую комнату, съ чуть замѣтною буфетною обстановкою, и встрѣчаю господина довольно солидной наружности, съ германскимъ типомъ лица. Обращаюсь къ нему съ вопросомъ, могу ли получить стаканъ кофе? Онъ съ тевтонскимъ хладнокровіемъ отвѣчаетъ: „да“, и проситъ войти въ другую комнату, обстановка которой по-

казывала, что она болѣе семейная, чѣмъ предназначенная для публики; но и здѣсь не видать газетъ на столѣ. Получивъ и отъ хозяина отрицательный отвѣтъ, я расплатился и вышелъ. Къ довершенію моей неудачи въ поискахъ за газетами, извозчикъ содралъ съ меня втрое дороже, чѣмъ пришлось бы заплатить въ Петербургѣ или въ другомъ городѣ за коляску парой.

Не меньше газетъ, занималъ меня самый городъ, въ которомъ я бывалъ нѣсколько разъ еще въ малолѣтствѣ; но эти воспоминанія представлялись мнѣ въ какомъ-то густомъ туманѣ. Общая физіономія Петрозаводска мнѣ чрезвычайно понравилась; улицы прямыя и широкія, много красивыхъ домовъ. Окрестности города довольно живописны, особенно на сѣверъ, чрезъ заливъ. Тамъ на дикой скалѣ бѣлѣются Соломенскія церкви; на другой сторонѣ пролива — лѣсная биржа г. Лачинова, съ огромными штабелями досокъ, которыя отсюда на мореходныхъ судахъ отправляются по озеру въ рѣку Свирь. Къ югу возвышается большая гора, покрытая сосновымъ и еловымъ лѣсомъ. Къ западу виднѣется Сулажгора, съ небольшею рощею у сельской церкви. Къ востоку разстилается Онежская губа съ островами, за которыми Онежское озеро сливается уже съ горизонтомъ. Рѣчка Лососинка раздѣляетъ городъ на двѣ почти равныя половины.

На лѣвой сторонѣ, по теченію рѣки, на равной площади гостиный дворъ; далѣе при спускѣ къ Онежскому заливу два собора—одинъ со временъ Петра Великаго; возлѣ него строится новый соборъ; противъ церквей — зданія двухъ гимназій. Вверхъ отъ гостинаго двора Англійская улица, съ домами горнаго вѣдомства, присутственныхъ мѣстъ и начальника губерніи; между двумя послѣдними зданіями расположенъ большой скверъ, обсаженный акаціями. Въ котловинѣ Лососинки, къ юго-востоку отъ присутственныхъ мѣстъ, находится Александровскій пушечный заводъ, на которомъ отливаются орудія, по своей величинѣ не уступающія американскимъ. Правый берегъ Лососинки, сначала низменный, начинаетъ возвышаться къ югу, въ одну сторону по Вознесенскому тракту, въ другую къ упомянутой выше горѣ. На этой сторонѣ города горнозаводская каменная церковь и двѣ кладбищенскія, одна каменная, другая деревянная.

Изъ частныхъ зданій, по величинѣ и красивой архитектурѣ, здѣсь замѣчателенъ домъ купца Е. Г. Пименова. Если смотрѣть на эту часть города со стороны гостинаго двора, то за кварталами зарѣцкой стороны, на постепенно возвышающейся къ югу мѣстности виднѣются огороды и поля и лентою извивается почтовая дорога. При устьѣ Лососинки съ одной стороны горнозаводская,

съ другой—общественная пристань; отъ послѣдней набережная озера застроена болѣе чѣмъ на версту къ сѣверо-западу. Между соборами и устьемъ Лососинки красуется Петровскій общественный садъ, разведенный собственными руками основателя города—Петра Великаго и украшенный весьма скромнымъ памятникомъ ему — небольшимъ бюстомъ въ греческой тогѣ.

Вообще городъ раскинутъ на большомъ пространствѣ. Торговля и промышленное движеніе въ немъ, благодаря еженедѣльному пароходному сообщенію съ Петербургомъ, довольно порядочныя. Но, несмотря на это, развитіе въ Петрозаводскѣ общественной жизни далеко не удовлетворяетъ желаній заѣзжаго съ запада. Въ этомъ отношеніи Петрозаводскъ далеко отсталъ отъ другихъ, болѣе развитыхъ и образованныхъ городовъ. Здѣсь мало стремленія къ изящному и полезному, напримѣръ къ чтенію, которое въ большихъ городахъ составляетъ необходимую потребность разныхъ классовъ общества, гдѣ каждое сословіе почерпаетъ для себя изъ газетъ и журналовъ необходимыя свѣдѣнія — юридическія, коммерческія, ремесленныя и т. д. Съ цѣлью слѣдить за новостями литературы, можно съ удобствомъ посѣщать многочисленныя общественныя заведенія, — какъ то: трактиры, кафе-ресто-

раны, портерныя, чайныя и пр., изъ которыхъ въ каждомъ найдется нѣсколько газетъ, а въ видахъ соблюденія экономіи 5—6 человѣкъ соединяются обыкновенно въ артель: сегодняшній вечеръ одинъ поставитъ порцію чаю для всѣхъ, на завтра—другой и т. д. Между тѣмъ какъ грамотный читаетъ, прочіе слушаютъ; затѣмъ слѣдуютъ неизбѣжныя при этомъ разсужденія и объясненія, развивающія человѣка. Въ особенности это дѣлается между мѣщанами и ремесленниками. Здѣсь этого совсѣмъ нѣтъ. Бильярдная игра тоже хороша для любителей, понимающихъ ее; но если видишь съ кіемъ въ рукѣ такія личности, на какія мнѣ привелось посмотрѣть въ петрозаводскихъ трактирахъ, вовсе ни на что въ это время не похожія, то, право, становится грустно; изъ игры такихъ бильярдныхъ героевъ не выходитъ ничего, кромѣ проигрыша, за который нужно платить деньги; для выигравшаго же обязательное угощеніе часто бываетъ нездорово и въ нравственномъ, и въ физическомъ отношеніи.

Много разъ мнѣ случалось бесѣдовать съ людьми грамотными изъ простого класса мѣстныхъ жителей о нерадѣніи ихъ учить дѣтей и самимъ совершенствовать себя постояннымъ чтеніемъ. Обыкновенно на это они отвѣчаютъ, что у нихъ есть славянская книга „Житія Святыхъ“ (нерѣдко расколь-

нической печати). Безспорно, дѣло доброе—читать такую книгу, а тѣмъ болѣе Библію—Ветхій и Новый Завѣтъ. Но нельзя же вѣчно читать одну и ту же книгу! Нѣтъ, мы и для своей, и для общей пользы должны читать не однѣ церковныя книги, но и всѣ полезныя гражданскія; разумно понимая и толкуя послѣднія, мы также можемъ угодить Богу. Нынѣшняя печать то-и-дѣло предлагаетъ всевозможныя улучшенія той или другой отрасли человѣческой дѣятельности. Если мы получаемъ отъ этого пользу, или получитъ ее нашъ ближній, значитъ отъ этого выигрываетъ общество и государство.

Пожелавъ отъ всей души грамотности и образованія моимъ землякамъ, я хотѣлъ осмотрѣть здѣшній пушечно-литейный заводъ, куда и отправился послѣ прогулки по городу. На вопросъ мой объ этомъ, мнѣ съ большою готовностью дали позволеніе и въ проводники молодого человѣка. Онъ провелъ меня по всѣмъ цехамъ, въ которыхъ приготовляются снаряды для пушекъ, сверлятся и обтачиваются орудія большого калибра и т. д. Послѣ мы вышли на внутренній заводскій дворъ, гдѣ лежали и готовыя, и необдѣланыя еще пушки. Съ большимъ удовольствіемъ я осматривалъ все показываемое и любовался 15-ти-дюймовыми пушками, объ отливкѣ которыхъ въ Петрозаводскѣ мнѣ было

извѣстно изъ газетъ еще въ Финляндіи. Видя меня заинтересованнымъ огромными орудіями, изготовленіе которыхъ на здѣшнемъ заводѣ было почти одновременно съ первою отливкою ихъ въ Америкѣ, мой проводникъ предложилъ мнѣ посмотрѣть самый процессъ отливки. Осмотрѣвъ затѣмъ верхнюю часть доменнаго корпуса, мы спустились въ средній этажъ—пушечно-литейный цехъ. Тамъ были уже горные инженеры и самъ г. горный начальникъ, Н. А. Фелькнеръ. Для меня, не имѣвшаго даже понятія о процессѣ отливки пушекъ, зрѣлище было дѣйствительно любопытное. Опока, въ которой заключалась земляная форма орудія, стояла въ нижнемъ этажѣ зданія. Открыли чугунноплавильныя печи, и растопленный металлъ полился по двумъ сдѣланнымъ въ земляномъ полу желобамъ или каналамъ въ отверстіе пушечной формы. При этомъ наблюдалось, чтобы въ извѣстное время пустить извѣстную массу металла изъ той или другой печи, поочередно, такъ какъ руда въ нихъ была взята изъ разныхъ рудниковъ и имѣла разныя качества; требовались особое искусство и особый разсчетъ и навыкъ соединить разнородные элементы чугуна въ такой степени, чтобы орудіе получило требующіяся отъ него достоинства. Ближайшимъ распорядителемъ работы былъ простой мастеръ—русскій мужичокъ съ бородою. И все это совершалось такъ

стройно и такъ просто, что мнѣ казалось, будто отливается сальная свѣча. Въ сущности же этотъ процессъ такъ сложенъ, что я не берусь за описаніе его въ подробностяхъ.

Олонецкіе заводы, какъ и самый Петрозаводскъ, обязаны своимъ существованіемъ великому преобразователю Россіи—Императору Петру 1-му. Какъ русскіе корабли, построенные безсмертнымъ монархомъ на Лодейнопольской верфи, вышли первыми въ Балтійское море подъ императорскимъ флагомъ, такъ и пушки, одновременно съ верфью основаннаго въ Петрозаводскѣ Петровскаго завода, первыя послужили къ вооруженію и защитѣ Петербурга. Устройство заводовъ и кораблестроенія дало жизнь безлюдному дотолѣ Олонецкому краю. И имя Петра Великаго сохраняется въ преданіяхъ олончанъ: здѣсь Онъ трудился и работалъ для блага народа, открывалъ руды, ковалъ желѣзо, разводилъ сады, сближался съ народомъ... Толстый ли стволъ дерева, пень ли старый увидишь, камень ли бросится въ глаза,—невольно скажешь про себя: „Все это—очевидцы трудовъ Великаго Петра!"

Въ пріятный тихій лѣтній вечеръ, при отъѣздѣ на пароходѣ отъ общественной пристани города Петрозаводска, смотря на городъ,—прощаясь взо-

ромъ съ этою великолѣпною картиною природы и твореній рукъ человѣческихъ, невольно предашься поэтическому настроенію... Но, увы! Не всѣмъ дано выражать наши поэтическія ощущенія въ прекрасной, поэтической формѣ!..

Изъ писемъ сѣверяка о соединеніи Бѣлаго моря желѣзною дорогою съ озеромъ Онегою и Петербургомъ [1])

Въ настоящую эпоху, богатую великими изобрѣтеніями и усовершенствованіями по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности, Россія стремится догнать Европу на пути образованности и промышленнаго развитія. Начало этому движенію положилъ Петръ Великій, мощною рукою преобразовавшій полуазіатскую жизнь русскаго народа. Сколько жертвъ онъ принесъ для блага Россіи, сколько осуществилъ или оставилъ потомству геніальныхъ плановъ! Создавъ флотъ и войско и завоевавъ берега Балтійскаго моря, Великій труженикъ заботился объ удобствѣ путей сообщенія, о соединеніи Каспія съ Балтикой, Сѣвернаго моря съ внутренними во-

[1]) Была напечатана въ „Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" 1873 г., № 3.

дяными артеріями Имперіи, Камы съ Печорой и Сѣверною Двиною, южнаго берега Бѣлаго моря съ Онежскимъ озеромъ. Многіе изъ плановъ безсмертнаго преобразователя осуществлены, а многіе еще ждутъ очереди. Такъ какъ русскій сѣверъ, на который Петръ Великій обращалъ свой геніальный взоръ, остается еще въ первобытномъ состояніи, то прогрессъ и цивилизація мало коснулись этого отдаленнаго и суроваго края. Одно только пароходство въ послѣднее время стало развиваться по разнымъ системамъ сѣверныхъ водъ.

Въ „Сынѣ Отечества", 1869 г., № 23, была напечатана моя статья: „О вліяніи пара на сѣверѣ и развитіи пароходства (изъ писемъ Сѣверяка)". На этотъ голосъ тогда откликнулись жители далекаго сѣвера: двое гражданъ города Колы пріѣхали въ Петербургъ покупать два парохода для сообщенія на Печорѣ, увѣряя, что на это навела ихъ названная моя статья. Въ настоящее время пароходы завелись уже на крайнемъ нашемъ сѣверѣ: на Сѣверной Двинѣ, по Мурманскому берегу Бѣлаго моря, въ Печорѣ, Мезени, по рѣкѣ Оби.

Въ торгово-промышленномъ отношеніи на нашемъ сѣверѣ остается еще довольно чувствительное больное мѣсто—это недостатокъ удобныхъ сообщеній Ледовитаго океана и Бѣлаго моря съ внутренними водами Россіи. Хотя верховья Камы съ

верховьями Печоры и Сѣверной Двины и послѣдняя съ Шексною соединены, но эти пути крайне неудовлетворительны и недостаточны для передвиженія продуктовъ сѣвера во внутрь Имперіи и хлѣбныхъ товаровъ въ Поморье. Занимаясь лѣсопромышленностью, я изучилъ сѣверный край во многихъ мѣстахъ: южную и восточную Финляндію и всю площадь, заключающуюся между Финляндіею, рѣкою Свирью, озерами Ладожскимъ и Онежскимъ и берегомъ Бѣлаго моря. Здѣсь въ пустыняхъ лѣсовъ и болотъ я видѣлъ слѣды Петра Великаго, перетащившаго съ Бѣлаго моря въ озеро Онегу двѣ яхты. На низменныхъ мѣстахъ еще хорошо сохранились перекладины, по которымъ сопровождавшія царя войска и народъ тащили суда. Много великихъ воспоминаній тѣснилось у меня въ головѣ при видѣ этой „Царской дороги", проложенной по мановенію безсмертнаго государя. Царь спѣшилъ съ войскомъ и судами изъ Архангельска къ осадѣ шведской крѣпости Орѣшка (Шлиссельбурга), охранявшаго входъ въ Неву изъ Ладожскаго озера и потому названнаго „ключомъ" Петербурга, основаніе котораго уже созрѣло въ геніальныхъ планахъ Петра. И вотъ яхты были протащены чрезъ новую дорогу, проложенную чрезъ лѣса и болота отъ Нюхоцкой пристани на Бѣломъ морѣ до нашего Повѣнца; отсюда царь поплылъ на

нихъ съ войскомъ по озеру Онегѣ, рѣкѣ Свири и озеру Ладожскому, взялъ Орѣшекъ, завоевалъ невское устье—и при Финскомъ заливѣ какъ бы волшебствомъ мгновенно выросла русская морская столица. Не указуетъ ли этотъ дивный путь Петра Великаго чрезъ повѣнецкіе лѣса и тундры на геніальную мысль Преобразователя о необходимости соединенія Бѣломорскаго и Балтійскаго бассейновъ?...

Въ вышеприведенной статьѣ моей о развитіи пара на сѣверѣ я указывалъ на необходимость сообщенія сѣвернаго поморья съ внутренними рынками Имперіи. Съ этою цѣлью проектировались Вятско-Двинская желѣзная дорога, Онежско-Бѣломорскій каналъ; наконецъ произведены изысканія для желѣзной дороги отъ Вытегры къ Онежскому порту Бѣлаго моря. На осуществленіе послѣдней возлагаются уже надежды; но отъ этого намъ, олончанамъ, не легче,—въ сущности нашъ край мало выиграетъ отъ онежско-вытегорской желѣзной дороги, а напротивъ будетъ терять очень много въ перевозкѣ продуктовъ Поморья.

Сѣверные промышленники обыкновенно съ ранней весны на все лѣто съѣзжаются на Кольскій полуостровъ и разсыпаются по Терскому и Мурманскому берегамъ, отъ Кандалаксы до Нордъ-

капа; нѣкоторые стремятся на сѣверо-востокъ, въ Новую Землю, съ сотнями промысловыхъ морскихъ судовъ. Морской промыселъ, правда, очень рискованный, смѣлый и трудный, но за то очень богатый. Какъ вообще у насъ все дѣлается съ недостаточнымъ умѣньемъ, такъ и въ промыслахъ поморовъ многое еще не усовершенствовано; но, слава Богу, хоть и медленно, но мы и здѣсь подвигаемся впередъ. Вотъ завелось уже въ Поморьѣ и пароходство. При отсутствіи удобныхъ путей съ Поморья во внутрь Россіи, конечно, Архангельскъ составляетъ главный и ближайшій пунктъ для сбыта поморскихъ произведеній изъ первыхъ рукъ. До сихъ поръ поморы по крайней мѣрѣ половину своей добычи обыкновенно сбывали въ Архангельскѣ; малая часть доставлялась моремъ, кругомъ Норвегіи, въ Петербургъ и другіе порты; полагаю, что не болѣе 30% этой добычи зимнимъ путемъ доставляется на шунгскую Богоявленскую ярмарку и прямо въ Петербургъ; изъ Архангельска же бѣломорскіе продукты идутъ лѣтнимъ и зимнимъ путями на внутренніе рынки чрезъ Каргополь, Вытегру и Пудожъ къ озеру Онегѣ и рѣкѣ Свири. Если же осуществится соединеніе системы Сѣверной Двины рельсовымъ путемъ съ внутренними рынками, провозъ бѣломорскихъ продуктовъ чрезъ сѣверную половину Олонецкаго края значительно уменьшится и олончане

безвозвратно потеряютъ промыселъ извоза. Вотъ, по моему мнѣнію, жизненный вопросъ для сѣверной и сѣверо-западной части Олонецкаго края! Но какъ помочь этому дѣлу?..

Давнымъ давно говорятъ и пишутъ о проведеніи водяного искусственнаго пути отъ южнаго берега Бѣлаго моря къ сѣверной оконечности Онежскаго озера. Этимъ путемъ соединилось бы Бѣлое море съ Финскимъ заливомъ Балтійскаго, у самой столицы. Мысль объ этомъ соединеніи зрѣла еще въ геніальныхъ соображеніяхъ Петра Великаго. Въ 1870 году Государь Великій Князь Алексѣй Александровичъ посѣтилъ малолюдный край сѣвера Олонецкой и Архангельской губерній, именно въ тѣхъ пунктахъ, чрезъ которые проектирована линія искусственнаго водяного сообщенія. Безспорно, это дѣло, кромѣ торгово-промышленнаго значенія, имѣетъ огромную государственную важность. Но позволяю спросить: современно ли столь громадное предпріятіе, т. е. насталъ или упущенъ для него благопріятный исходъ? Не пропустили ли мы въ томъ районѣ, гдѣ долженъ проходить искусственный водяной путь, главныхъ доходовъ эксплуатаціи лѣса—строевого и пильнаго?.. Во всякомъ случаѣ, если не каналъ, то желѣзная дорога должна быть проведена въ этомъ направленіи къ центру бѣломорскихъ промысловъ. Съ своей стороны, бу-

дучи вполнѣ знакомъ съ положеніемъ сѣвернаго края и его естественными богатствами, въ торгово-промышленномъ отношеніи, я отдаю преимущество желѣзнодорожному пути предъ водянымъ, но только въ совершенно другомъ направленіи, чѣмъ проектируемыя нынѣ линіи. Водяное сообщеніе, кромѣ торгово-промышленныхъ видовъ, важно въ политическомъ отношеніи. Коммерческая сторона предпріятія канализаціи основывается на эксплуатаціи лѣсовъ, годныхъ на судостроеніе. Многіе воображаютъ, что нашъ край богатъ этого рода лѣсами. На нашемъ сѣверѣ, конечно, изобиліе сосны, но ея въ предполагаемомъ районѣ канала немного,—развѣ только для постройки судовъ, необходимыхъ для движенія по каналу. Въ системѣ рѣки Выга были и теперь еще есть строевые лѣса, но значительная часть ихъ уже пошла на лѣсопильные заводы, а если и остались еще невырубленные, то имъ выгоднѣе слѣдовать на тѣ же заводы, находящіеся при озерѣ Онегѣ и въ Сорокѣ, на устьѣ Выга. Съ послѣдняго завода доски идутъ моремъ, за-границу. Понятно, что не разсчетъ будетъ отправлять доски съ береговъ Бѣлаго моря къ Петербургскому порту для отправки въ Западную Европу. Главный доходъ канала поэтому будетъ отъ рыбныхъ грузовъ въ такомъ случаѣ, если они совсѣмъ не будутъ слѣдовать чрезъ Архангельскъ, а пойдутъ во-

дянымъ путемъ во внутрь Имперіи. Печерскій край могъ бы доставить для постройки кораблей лиственницу, но эти лѣса, вслѣдствіе неоднократныхъ перегрузокъ по каналу и по озерамъ, едва-ли будетъ выгодно доставлять водянымъ путемъ въ Петербургъ. Положимъ, что на сѣверѣ возникнутъ желѣзные заводы, которые дадутъ судамъ значительный грузъ; но въ сѣверномъ краѣ навигація такъ кратковременна, что движеніе по каналу будетъ останавливаться болѣе чѣмъ на полгода.

Желѣзная дорога имѣетъ то преимущество передъ воднымъ путемъ, что будетъ дѣйствовать круглый годъ и съ большею скоростью движенія. Если она соединитъ при этомъ безъ перерыва два морскіе берега — Бѣлаго моря и Финскаго залива, то въ этомъ случаѣ она поставитъ сѣверъ въ прямое сообщеніе съ желѣзными путями Финляндіи, внутренней Россіи и западной Европы. На берегу Финскаго залива конечнымъ пунктомъ этой дороги долженъ быть Выборгъ, соединяющійся желѣзными путями со всей Имперіей; отсюда линія пойдетъ чрезъ Финляндію, Олонецкую и Архангельскую губерніи до корельскаго берега Бѣлаго моря; на пути она будетъ касаться и Онежскаго озера.

Мѣстность въ этомъ направленіи довольно населенная; грунтъ земли удобный, поверхность ровная; только на границахъ Финляндіи встрѣчаются

небольшія горы, но ихъ немного, и при томъ онѣ не составляютъ горной цѣпи, а стоятъ отдѣльными холмами, которые не трудно обойти. Болотъ очень мало, развѣ только по близости береговъ Бѣлаго моря, да и тѣ не топкія. Озерами этотъ край богатъ, но ихъ также не трудно обойти; при этомъ озера, соединяясь другъ съ другомъ рѣками и рѣчками, будутъ побочными водяными путями для доставленія промысловыхъ грузовъ къ желѣзно-дорожной линіи. На всемъ пути ростутъ богатые сплошные лѣса; нѣдра земли изобилуютъ желѣзными рудами и другими цѣнными минеральными продуктами. Въ районѣ первой половины этого пути, между Выборгомъ и прибрежьями озера Онеги, въ настоящее время уже дѣйствуетъ пять чугунно-желѣзныхъ заводовъ: три казенныхъ—Суоярвскій, Кончезерскій и Валазминскій—и два завода наслѣдниковъ Арппе, одинъ желѣзодѣлательный въ большихъ размѣрахъ—Вяртциля, на самой линіи, другой чугунно-литейный—Мохкэ, немного въ сторонѣ, но соединяется съ линіей водянымъ путемъ. По близости этой линіи находятся Тивдійскія мраморныя ломки. Вотъ главные пункты, чрезъ которые должна пройти линія предлагаемой мною желѣзной дороги: Выборгъ—водопадъ Иматра—приходы Парикала и Угуніеми съ близлежащими Рускольскими мраморными ломками—заводъ Вяртциля въ Суоярви;

между заводами Валазма и Кончезеро; мимо Тивдійскихъ мраморныхъ ломокъ и далѣе къ сѣверной оконечности Онежскаго озера, а оттуда прямо къ корельскому берегу Бѣлаго моря.

Не хуже цѣнныхъ продуктовъ Бѣлаго моря, въ Сумѣ и Сорокѣ каждую зиму ловится огромное количество сельдей, за которыми ѣздятъ тысячи подводъ изъ Олонца, Петрозаводска, Каргополя и Финляндіи, но вслѣдствіе огромности и затруднительности провоза, а также вслѣдствіе недостатка покупщиковъ, цѣна сельдей на морскомъ берегу часто упадаетъ до 50 к. за цѣлый возъ. Очевидно, желѣзнодорожный путь дастъ совершенно иное значеніе морскимъ промысламъ, открывъ имъ для сбыта всѣ внутренніе рынки Россіи.

Вотъ, по моему мнѣнію, наиболѣе выгодный во всѣхъ отношеніяхъ путь для соединенія русскаго сѣвера съ внутренними артеріями Имперіи, Бѣлаго моря и Ледовитаго океана съ Балтійскимъ моремъ. И путь этотъ не будетъ длиннѣе 500 верстъ. Онъ соединитъ Онежское озеро и Свирь съ Бѣлымъ моремъ; съ другой стороны, очень легко соединить съ предлагаемою линіею и озеро Ладожское у кирки Якимвара, а озеро Сайму—въ приходѣ Кезялаксы или Кидсисъ. Такимъ образомъ къ желѣзной дорогѣ въ этомъ направленіи примкнутъ всѣ главнѣйшіе внутренніе водяные пути сѣверной Россіи. Для

самого Архангельска откроется другое сообщеніе съ Петербургомъ: стоитъ только прокатиться верстъ 300 по онежской почтовой дорогѣ до того пункта, гдѣ окончится желѣзно-дорожная линія на бѣломорскомъ прибрежьѣ, а оттуда до столицы останется просто руку подать чрезъ чугунку; лѣтомъ-же почтовый онежскій трактъ можетъ быть замѣненъ прогулкой на пароходѣ. Точно также желѣзная дорога доставитъ скорое и дешевое путешествіе для двадцати тысячъ богомольцевъ, ежегодно отправляющихся въ Соловецкій монастырь, а при такомъ удобномъ пути число ихъ увеличится по крайней мѣрѣ втрое.

Картинка изъ быта кореловъ.

Ночь 19 августа 1867 года.

У всѣхъ осѣдлыхъ народовъ, подъ какимъ созвѣздіемъ ни родились бы они, подъ какими градусами ни находилась бы ихъ страна, гдѣ только климатическія условія мало-мальски позволяютъ и почва доступна къ воздѣлыванію, у нихъ первымъ жизненнымъ дѣломъ является землепашество. Къ

числу такихъ первоначальныхъ воздѣлывателей земли принадлежатъ и мною описываемые корелы сѣверныхъ окраинъ. При самой неблагодарной, бѣдной дарами природѣ мѣстности — трудятся, работаютъ они день и ночь, лѣто и зиму надъ хлѣбопашествомъ. Но какъ тщательно и усердно они ни стараются удобрить близъ своей хаты поля, а въ глуши лѣсовъ раздѣлать почву подъ нивы, всѣ ихъ труды сопряжены съ большимъ рискомъ: во-первыхъ надо слишкомъ осторожно производить работы, чтобы не попортить ростущаго строеваго лѣсу и не навлечь на себя обвиненій со стороны лѣсного начальства. Во-вторыхъ, самое дѣло стóитъ не малаго труда: въ этомъ году онъ вырубитъ лѣсъ, въ слѣдующемъ выжжетъ его, очиститъ, спашетъ—приготовитъ подъ хлѣбъ. При этомъ главная его забота,— предохранить отъ лѣсныхъ пожаровъ, укрыть дымъ отъ глазъ лѣсного сторожа,—для чего и выбираютъ подъ нивы мѣста какъ можно подальше отъ своего жилья—въ глуши лѣсовъ, верстъ за 15—20.

У сѣверныхъ кореловъ рѣдкіе годы удается отъ своихъ зеренъ получать сѣмена для посѣвовъ. Въ сильно неурожайные годы уже само правительство заблаговременно заготовляетъ и доставляетъ въ каждую волость какъ сѣмена, такъ и ржаную муку для раздачи самымъ бѣднымъ жителямъ.

Въ такое время самаго вопіющаго голода до-

велось мнѣ однажды по коммерческимъ дѣламъ объѣзжать эту отдаленную страну и быть очевидцемъ во многихъ мѣстахъ раздачи нуждающимся муки и сѣмянъ. Правильность и добросовѣстность, съ какими исполнялось это дѣло въ отдаленной глуши нашего сѣвера, производили на меня особенно отрадное впечатлѣніе. Въ жизни никогда не забуду этихъ бѣдныхъ корелъ и корелокъ,—ни того, какъ ихъ пустые мѣшки наполнялись мукой и зерномъ, ни того, какъ они, съ радостными слезами на глазахъ, молились Богу и благодарили Государя и Царственнаго Наслѣдника за отеческое попеченіе о далекихъ жителяхъ сѣвера.

Само собою разумѣется, при посредственно урожайныхъ годахъ каждый долженъ заботиться о себѣ. Для этого имъ придется зимой, при хорошемъ санномъ пути, запастись всѣми жизненными продуктами на весь годъ. Есть мѣста, гдѣ изъ-за 300—400 верстъ придется добывать и везти какъ сѣмена, такъ и прочіе съѣстные припасы. А между тѣмъ я уже въ предъидущихъ моихъ письмахъ о сѣверной Кореліи вкратцѣ упомянулъ о непроходимыхъ, превосходящихъ всякое описаніе по своей трудности, путяхъ сообщенія и зимою, и лѣтомъ.

Въ сѣверной Кореліи только и сѣется рожь да ячмень; прочія произрастенія не успѣваютъ дозрѣвать отъ раннихъ осеннихъ холодовъ; эти ранніе

морозы вообще печально отзываются на всемъ бытѣ сѣвернаго края. Благодаря всему этому получается довольно неутѣшительная картина.

Если не соскучится читатель, то я могу описать одну изъ тѣхъ грустныхъ картинъ, которой я былъ очевидцемъ. Если картина эта будетъ немного растянута, за то она будетъ болѣе или менѣе подробна и понятна для читателя. Чтобы лучше и правдивѣе, и нагляднѣе представить всю картину здѣшняго крестьянскаго быта, начнемъ съ того, о чемъ я уже выше упомянулъ: съ обработки лѣсныхъ полей. Представимъ себѣ, что лѣтомъ мужичокъ сыщетъ мѣсто, слѣдующею весною вырубитъ лѣсъ, зимою добудетъ сѣмянъ и только на слѣдующее лѣто приступитъ къ обдѣлкѣ лѣсного поля. Тутъ прежде всего онъ выжжетъ поваленный лѣсъ, — и хорошо еще если онъ удачно и ровно сгоритъ, — опалитъ всю поверхность этой нивы, а въ случаѣ неудачи, когда останутся мѣста неопаленныя пламенемъ, придется вновь обжигать (надо при этомъ сказать, что это такая адская работа, что трудно представить другому); затѣмъ, послѣ обжиганія, онъ приступаетъ къ очисткѣ, засѣетъ и тщательно вспашетъ, т. е. вполнѣ приготовитъ новую пашню. Но ему придется еще цѣлый годъ ожидать, что̀ Богъ дастъ: удачно ли имъ выбрана почва, хорошо ли вышли сѣмена, какіе всходы у озимей, какъ бы ихъ

засуха не испортила, какъ бы сильные дожди не попортили. Наконецъ, мужичокъ видитъ, что все удалось какъ нельзя лучше: сѣмена удались добрыя, всходы озимей хороши; однимъ словомъ, урожай предвидится на славу. Но еще остается самое главное: какъ-то все это доспѣетъ? Эта забота не покидаетъ землепашца ни на минуту — вплоть до самаго августа.

Вотъ наконецъ ужъ и августъ на дворѣ: рожь колосится—цвѣтетъ, отцвѣла хорошо. Земледѣлецъ не нарадуется; со своею бабою и ребятишками, которыхъ больше полудюжины, ходитъ полюбоваться на поля; всѣ умиляются, что Богъ не пренебрегъ ихъ трудами, и назначаютъ ужъ время, когда начнутъ жатву. Но вотъ что бываетъ потомъ зачастую.

Въ одинъ прекрасный день, примѣрно скажемъ— около половины августа 1867 года—одно мнѣ извѣстное такое же трудящееся семейство работало съ веселымъ сердцемъ и съ удвоенною силою новое поле въ лѣсу, далеко отъ жилья. Окончивъ посѣвъ лѣсной нивы, мужикъ съ женою и тремя старшими дѣтьми всѣ вмѣстѣ набожно преклонили колѣни, усердно помолились Богу и, благословивъ новый посѣвъ, пошли домой. Идучи дорогою и видя, что солнце еще довольно высоко на небѣ, не утерпѣли—

своротили отъ своего прямого пути въ сторону версты двѣ, гдѣ была ихъ лучшая лѣсная нива, чтобы еще на нее полюбоваться. Приблизившись къ дозрѣвающему полю, на которомъ такъ красиво дозрѣвала густая рожь, волновавшаяся какъ золотое озеро подъ дуновеньемъ тихаго вечерняго вѣтра, они долго наслаждались отраднымъ зрѣлищемъ, обѣщавшимъ драгоцѣнный для скуднаго хозяйства прибытокъ. Постояли, поглядѣли, еще посудили-порядили о томъ, о семъ, потомъ общимъ совѣтомъ порѣшили, что черезъ недѣлю можно и жать. Набожно помолившись Творцу и душевно возблагодаривъ Создателя за богатый даръ, пошли себѣ домой. Дорога имъ была черезъ широкій лѣсъ, безъ малѣйшаго признака тропинки. Какъ я упоминалъ уже не разъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ—даже между деревнями—на открытыхъ борахъ и по болотистымъ равнинамъ тропа теряетъ свой слѣдъ. Дорога нашихъ возвращающихся тружениковъ привела къ берегу небольшого озера, гдѣ у нихъ была оставлена лодочка. На противоположномъ берегу этого озера, шириной верстъ 5, стояла ихъ деревушка и въ ней полдесятка дворовъ. Одинъ изъ ребятишекъ съ лошадью пошелъ въ обходъ озера, а самъ мужикъ съ женою и съ двумя другими дѣтьми поѣхали въ лодочкѣ. По пути между островами они осмотрѣли рыбные промыслы—рыбы оказалось много; дѣти весело

гребли, разговаривая и шутя между собою; самъ мужичокъ сидѣлъ на кормѣ, правилъ лодочкою, а жена сидѣла посреди лодки, вынимая изъ сѣтей рыбу и поправляя сѣти. Между тѣмъ солнце уже начинало спускаться въ ровень съ вершинами высокихъ сосенъ, а лодочка приближалась къ деревушкѣ. Мужикъ съ бабою между разговорами постоянно поглядывали на небо, мѣняясь замѣчаніями насчетъ того, какая будетъ ночь: облачная или ясная? Послѣднее что-то ихъ очень тревожило, такъ что и разговоръ ихъ замолкъ, и лица нахмурились. Но дѣти, не обращая ни малѣйшаго вниманія на душевную тревогу родителей, своими шутками и болтовней перебивали ихъ серьезныя рѣчи. Одинъ показывалъ руками на берегъ, гдѣ была деревушка, съ словами: „Вотъ у насъ уже баня топится! Видите—ребята собрались на берегъ—ждутъ теперь насъ“. Лодочка причалила къ берегу. Съ десятокъ ребятишекъ малъ-мала меньше тѣснились вокругъ нихъ, и каждый торопился раньше другого броситься въ объятія отца и матери. Отъ радости кто кричалъ, кто смѣялся, кто плакалъ. Не успѣли отецъ съ матерью выйти изъ лодки на берегъ, какъ вся эта шумная орава бросилась съ поднятыми ручонками обнимать ихъ; повисли—кто на рукахъ, кто на шеѣ. Кто можетъ описать эту усладу родительскаго сердца при встрѣчѣ послѣ пятидневнаго от-

сутствія съ дѣтьми, которыхъ они нашли здоровыми и веселыми? Ощущать и оцѣнить ее можетъ только тотъ, кто самъ не утратилъ простоты патріархальнаго быта; люди свѣтскіе, ведущіе аристократическій образъ жизни, ея не поймутъ.

Счастливые родители безъ счету наговорили ласковыхъ словъ, а дѣти въ отвѣтъналепетали имъ до сыта; потомъ всѣ съ веселымъ шумомъ скрылись въ избушку. Тамъ всякій занялся своимъ дѣломъ. Малютки съ матерью чистили рыбу, а прочія дѣти постарше занялись остальнымъ хозяйствомъ; тутъ же въ скорости и баня поспѣла (у сѣверныхъ народовъ единственное удовольствіе — каждый вечеръ париться въ банѣ; особенно это принято въ Финляндіи). На ужинъ рыбы наварили вдоволь, накрыли на столъ и по обычаю еще не испорченной простоты—всѣ, одновременно помолившись Богу, смиренно сѣли за столъ, потомъ, сытно поужинавъ, всѣ одновременно встали и поблагодарили Бога.—Послѣ ужина что же остается дѣлать, какъ не ложиться спать? Пока на полу избы стелютъ постель, дѣти шумятъ, рѣзвятся и играютъ; отецъ съ матерью смотрятъ любовно на веселыя игры дѣтей. Наконецъ передъ сномъ заставляютъ ихъ снова молится Богу, кто какъ умѣетъ,—и дѣти сейчасъ же засыпаютъ сладкимъ сномъ, а мать и отецъ не разъ между тѣмъ заглянули въ окошко, и ви-

дятъ, что воздухъ дѣлается свѣжѣе, а небо яснѣе. Усыпивъ дѣтей и въ свою очередь усердно помолясь Богу, они готовятся тоже ко сну. Но все что-то удерживаетъ ихъ: какъ ни стараются они показать другъ другу, что ложатся спать въ спокойномъ расположеніи духа, но тяжелые вздохи выдаютъ ихъ грустныя предчувствія. Они украдкою другъ отъ друга стараются взглянуть въ окошко, причемъ уста ихъ снова шепчутъ тихую молитву. Наконецъ все затихаетъ въ избѣ. Повидимому ночь успокоила всѣ дневныя тревоги.

А небо и воздухъ между тѣмъ дѣлаютъ свое дѣло, не обращая ни малѣйшаго вниманія на обитателей этой хижины: воздухъ свѣжѣетъ, небо яснѣетъ и все усыпано блестящими звѣздами, которыя такъ и заглядываютъ въ окошко хаты, какъ бы желая яркимъ блескомъ своего свѣта усыпить и усладить сонъ бѣдныхъ тружениковъ. Но увы! Выходитъ наоборотъ: ясность неба, яркость блестящихъ звѣздъ живущимъ въ хижинѣ спать не даютъ.

То мужъ украдкою, тихо, выйдетъ на улицу посмотрѣть на погоду; то жена, чуть дыша, поднимется тихонько, чтобы мужъ не услышалъ.

Такъ проходитъ вся ночь. Вотъ начало и разсвѣтать. Воздухъ все болѣе свѣжѣетъ... А вѣдь достаточно нѣсколькихъ часовъ, даже одного часа, чтобы холодъ взмахнулъ своими крыльями въ видѣ легкаго

морозика—и все готово! И вотъ и мужъ, и жена уже замѣтили слѣды его посѣщенія: легкій, чуть видный, но для нихъ роковой и зловѣщій иней. Инстинктивно, въ одинъ моментъ, оба заговорили—не могли удержаться; оба навзрыдъ зарыдали—такъ сильно, что цѣлый рядъ спавшихъ на полу ребятишекъ проснулся и какъ бы по инстинкту заревѣлъ въ свою очередь. Старшія дѣти плакали, понимая, въ чемъ дѣло; а младшія плакали потому, что видѣли, какъ плачутъ ихъ мать и отецъ. Дѣти пристали съ разспросами; мать прижала къ груди двухъ малолѣтокъ-близнецовъ, другою рукою держала грудное дитя, еще неспособное принять участіе въ общемъ горѣ, а четвертый ребенокъ—уже на пятомъ годку — поднявъ ручонки, невиннымъ и непонятнымъ дѣтскимъ лепетомъ, заглядывая матери въ лицо, спрашивалъ: „о чемъ мама плачетъ?"... Бѣдная мать отъ слезъ и отъ душевной боли силилась отвѣтить ребенку, но рыданія заглушали слова, и она сильнѣе начала прижимать эту груду дѣтей къ груди своей и, съ материнскою нѣжностью цѣлуя малютокъ, повторяла имъ только: „Милыя крошки! Богъ насъ оставилъ безъ хлѣба!!!"

Почтенный читатель! не подумайте, что въ такихъ случаяхъ подобная сцена происходитъ только въ одной этой, мною описанной, хатѣ. Нѣтъ,—при

подобныхъ явленіяхъ повсюду на сѣверѣ повторяется то же самое. Не въ лачужкахъ и хижинахъ, а въ десяткахъ тысячъ порядочныхъ домовъ — и въ Финляндіи, и въ Олонецкой, и въ Архангельской губерніяхъ. Неурожаи послѣднихъ шести лѣтъ и особливо 1867 года окончательно подорвали благосостояніе крестьянскаго хозяйства. Въ сѣверной Финляндіи подобнаго рода сцены происходили даже на зажиточныхъ мызахъ.

Съ дальняго Сѣвера.

(Изъ писемъ сѣверяка [1]).

Простите меня великодушно за долгое мое молчаніе и медленный отвѣтъ на ваше письмо. Все дѣла, дѣла и суета суетъ сего міра тому причиною. Да впрочемъ не скоро и не легко доходятъ сюда до меня, гдѣ я въ настоящее время обрѣтаюсь, а равно и отсюда до васъ, письма и вѣсточки. Но прошу напередъ не пугаться здѣшнихъ пустынь, которыхъ я слегка коснусь въ этомъ письмѣ. Мо-

---

[1]) Было напечатано въ „Олонецк. Губ. Вѣдом.“ 1873 г., № 77.

жетъ быть скоро увидимся; какъ-нибудь выберусь и я изъ здѣшняго захолустья.

А въ самомъ дѣлѣ, куда какъ жалко разстаться съ здѣшними мѣстами! Представьте здѣшнія живописныя окрестности: взглянешь въ одну сторону— лѣса да озера, въ другую—лѣса да болота; въ третью сторону обратишь свои взоры — лѣса да глушь, а въ четвертую—неизмѣримая даль пустыни. И хотя въ зимнее время, какъ я писалъ вамъ, я нахожусь здѣсь въ царствѣ оленей, которыхъ здѣсь больше, чѣмъ у васъ на Невскомъ лошадей, а лисицъ здѣсь больше, чѣмъ у васъ собакъ по улицамъ бѣгаетъ, но зато вѣчно нѣмая пустыня, сугробы снѣга и отсутствіе солнца, которое покажется всего на нѣсколько часовъ надъ вершинами деревъ, обогнетъ сводъ неба и скроется; однимъ словомъ, — мракъ вьюги, стужи и трескучіе морозы. Однако теперь здѣсь въ самомъ дѣлѣ хорошо. Не даромъ простой народъ говоритъ: солнце праведное одинаково свѣтитъ бѣднымъ и богатымъ. Вотъ на самомъ дѣлѣ и въ настоящее время оно какъ будто платитъ намъ за свое отсутствіе въ зимнюю пору болѣе чѣмъ двадцати-часовымъ свѣтомъ и тепломъ въ сутки, и только на нѣсколько часовъ скрывается съ нашего горизонта на покой. Но въ этой короткой здѣшней лѣтней ночи такъ свѣтло, что я своими плохими глазами въ состояніи за версту узнать человѣка по

лицу. А озера, — коихъ въ это время здѣсь безчисленное множество, — одѣвшись въ лѣтній праздничный нарядъ, со своими мысками, заливами, островами, окаймленными лѣсомъ, отражаютъ въ зеркальныхъ лонахъ своихъ великолѣпныя картины, болѣе величественныя, чѣмъ позлащенныя зеркала свѣтскихъ салоновъ. Такимъ образомъ и на нашей улицѣ вышелъ праздникъ, и мы вступили въ фазисъ лѣтняго сезона и наслаждаемся ландшафтами сѣверной природы.

Какъ бы ни старались туристы представить роскошь тропическихъ странъ и описать красоту сѣверной лѣтней ночи, но описаніе ихъ все же будетъ слабо. Только истинный любитель природы, будучи здѣсь на сѣверѣ, въ состояніи оцѣнить красоту здѣшней лѣтней ночи,—этого не потухающаго свѣта солнечной зари. Стройный концертъ птичекъ куда какъ далеко превосходитъ концерты многихъ увеселительныхъ заведеній столицы. Здѣсь лѣса наполнены этими пѣвчими больше, чѣмъ у васъ въ столицѣ, зимнею ночью, воронъ и галокъ въ Лѣтнемъ саду, или голубей—около хлѣбныхъ складовъ Невской лавры. А рѣчки и озера оживляются у насъ лѣтомъ прилетными пернатыми: гусями, лебедями и множествомъ разнородныхъ породъ утокъ. Кукушка въ сыромъ бору монотоннымъ своимъ на-

пѣвомъ располагаетъ одинокаго путника къ мечтательности.

Тутъ же, невдалекѣ отъ большого озера, отдыхаетъ огромное топкое болото, предательски покрытое зеленью, и, удаляясь въ безпредѣльную даль пустыни, гордится своимъ многоплодіемъ болѣе нашего прадѣда Авраама: на его обширной поверхности въ теченіе одного мѣсяца зарождаются милліоны существъ, скачущихъ, ползающихъ и летающихъ. Кое-гдѣ на неизмѣримой глади болота чернѣютъ изрѣдка пятна: это—небольшіе острова, съ болѣе твердымъ грунтомъ почвы и полузасохшими деревцами; они уподобляются оазисамъ песчаной пустыни, съ ихъ финиковыми пальмами и ключевою водой, на которыхъ изнуренные путешественники находятъ себѣ тѣнь и прохладу отъ палящаго зноя и утоляютъ смертельную жажду. Здѣсь, на этихъ островкахъ, нѣкоторые экземпляры изъ царства пернатыхъ вьютъ себѣ гнѣзда, внѣ опасности отъ враждебнаго имъ звѣря либо охотника. Тутъ же эти пернатыя своими пѣснями и криками, словно при вавилонскомъ столпотвореніи, инстинктивно передаютъ другъ другу разными голосами свои радости и печали, перелетая безпрестанно съ озера на болото и съ болота на озеро, гдѣ, рѣзвясь межъ собою, ныряютъ и гоняются за рыбою, чтобы полакомиться потомъ за обѣдомъ. А въ здѣшнихъ озерахъ, за-

мѣчу мимоходомъ, рыбы больше, чѣмъ у васъ на Фонтанкѣ въ рыбныхъ садкахъ.

Право, не знаю, угодилъ ли я вашему вкусу настоящимъ моимъ письмомъ,—но чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Всякъ куликъ свое болото хвалитъ и бываетъ своимъ доволенъ. Здѣсь же богатствъ южныхъ тропическихъ странъ нѣтъ и въ заводѣ. Въ нашихъ лѣсахъ вмѣсто лимоновъ, апельсиновъ и ананасовъ валяются сосновыя шишки и еловые желуди; о столичныхъ увеселеніяхъ и понятія не имѣемъ: ни театровъ, ни театральныхъ представленій, ни народныхъ гуляній, ни майскихъ парадовъ и различнаго рода овацій при встрѣчѣ знаменитыхъ гостей мы не знаемъ. У насъ—лѣса да болота, и по нимъ вьется чуть лишь замѣтная тропа, по которой мы держимъ путь свой; вмѣстѣ съ нами, по этимъ же тропамъ, разгуливаютъ и здѣшніе олени, медвѣди; нерѣдко между ними встрѣтишь также и гуляющаго съ аристократическимъ достоинствомъ быстроногаго лося, украшеннаго тяжелыми рогами, красивою гривою и съ гордою величественною осанкой.

Виноватъ, о зайцахъ-то я и позабылъ: ихъ здѣсь меньше, чѣмъ лисицъ и оленей, но все же будетъ столько, пожалуй, сколько у васъ въ столицѣ кошекъ, и они здѣсь такіе смирные, что такъ и увиваются около ногъ; едва присядешь въ какомъ-нибудь углу лѣсной трущобы отдохнуть, какъ они уже лѣзутъ

на колѣни; или приляжешь на бору и видишь вдругъ, какъ зайченокъ карабкается на грудь. Конечно, погладишь, поласкаешь его,—и въ самомъ дѣлѣ вѣдь достойны сожалѣнія эти звѣрьки, круглыя сироты: мать выброситъ ихъ изъ своей родительской утробы куда попало—весною, во время наста, даже прямо на снѣгъ, какъ будто хочетъ сказать: у васъ такіе же большіе глаза, какъ у меня; идите куда знаете, міръ Божій да питаетъ васъ! Вотъ такихъ-то крошечныхъ маленькихъ звѣрьковъ наберешь другой разъ до полудюжины въ карманы, принесешь домой, погрѣешь ихъ, поласкаешь и дашь имъ молочка. Но въ концѣ концовъ какъ подумаешь, что у этого отъ природы апатичнаго звѣреныша нѣтъ ни филантропическихъ, ни родственныхъ чувствъ состраданія и сочувствія, невольно потеряешь всякое сочувствіе къ нимъ,—возьмешь да и пустишь ихъ въ лѣсъ. Много такихъ, я думаю, и у васъ въ столицѣ имѣется, даже умныхъ существъ, облеченныхъ въ образъ человѣка, которые гораздо холоднѣе обращаются съ своимъ плодомъ, чѣмъ наши сѣверные зайцы. Впрочемъ изъ царства четвероногихъ только одни зайцы такъ холодно обращаются съ своими дѣтенышами; изъ царства пернатыхъ только одна кукушка до того жестока и немилосердна, что кладетъ свои яйца въ чужія гнѣзда, а послѣ и знать не хочетъ о своихъ птенцахъ.

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

(Письма къ пріятелю).

I.

Варшава.

9/21 іюня 1867 г.

Любезный другъ Я. П. Дѣла увлекли меня до Бѣлостока, откуда до Варшавы—по желѣзной дорогѣ—нѣсколько часовъ пути. Не утерпѣлъ—пріѣхалъ взглянуть на этотъ историческій городъ. Меня болѣе всего привлекло сюда то обстоятельство, что въ эти дни совершился пріѣздъ Царя и Царицы нашего сѣвера въ ихъ западную столицу—Варшаву. Безъ сомнѣнія все это тебѣ извѣстно и будетъ гораздо лучше и умнѣе моего описано въ газетахъ. Но позволь и мнѣ, высокоуважаемый другъ, подѣлиться съ тобою моими впечатлѣніями, описать тебѣ нѣкую толику изъ моихъ ощущеній и лично сдѣланныхъ наблюденій.

Да, Онъ—нашъ Августѣйшій Отецъ—изъ опаснаго дальняго путешествія возвращается во-свояси, на землю своего Царства, въ западную свою столицу. О, эта столица, эта столица! Я думаю, у нашего Августѣйшаго Монарха первый и послѣдній вздохъ объ этой землѣ и объ этой столицѣ,—пи-

тающихъ и образующихъ хотя по племени намъ и братьевъ, но въ сущности искони заклятыхъ антипатріотическихъ подданныхъ. Это гнѣздо сбродныхъ мечтателей, не повинующихся порядкамъ правительства, гдѣ все постоянно дышетъ враждою и кипитъ измѣною. Еще не успѣла послѣ недавней кровавой драмы кровь остынуть, какъ обожаемыя Царственныя Особы въѣзжаютъ въ эту страну и въ эту столицу... И я—одинъ изъ числа ничтожныхъ смертныхъ, одна семидесятимилліонная частица русскаго семейства,—и я удвоилъ мою усердную мольбу къ Богу о благоденствіи Августѣйшихъ Посѣтителей здѣшней страны и столицы...

Встрѣча, пріемъ Государя были такъ торжественны, что торжество это не моему уму выражать, не моему перу описывать. Не смотря на то, что я—житель дальняго сѣвера, судьба удостоила меня быть очевидцемъ подобнаго рода торжествъ: такъ напр., во время коронаціи въ 1856 году въ Петроградѣ—куда было богато и великолѣпно, но это было только на главныхъ улицахъ, а въ отдаленныхъ переулкахъ мало и примѣтно было; великолѣпно праздновалось также совершеннолѣтіе покойнаго Наслѣдника Цесаревича или встрѣча Высоконарѣченной Невѣсты Наслѣдника русскаго престола, Принцессы Дагмары; или торжества, бывшія

по поводу событія 4-го апрѣля, послѣдняго на этихъ дняхъ событія въ Парижѣ. Но что здѣсь, въ Варшавѣ, въ эти дни происходило, это превосходитъ всякое описаніе.

Вотъ уже пятый вечеръ весь городъ такъ и облитъ огнями. Такъ какъ у меня есть достаточно досуга, и притомъ собственное мое любопытство побуждало меня осмотрѣть этотъ историческій городъ во всѣхъ подробностяхъ, то я рѣшилъ за-одно осмотрѣть какъ все относящееся до историческихъ преданій, древностей, такъ равно и обстановку этого торжества. Что касается перваго, то въ этомъ многое успѣло измѣнить время и событія. А послѣднее такъ и бросается въ глаза: глухой переулокъ хочетъ перещеголять главную улицу. Жидовская лачуга, неимовѣрно грязная внутри, теперь, по причинѣ этого праздества, наружною обстановкою хочетъ перещеголять палаццо ясновельможнаго пана или отель знаменитаго магната. Словомъ, вездѣ въ разныхъ затѣйливыхъ видоизмѣненіяхъ—разныхъ родовъ декораціи, транспаранты, вензеля, букеты, щиты съ газовыми и бенгальскими огнями, зеленью и, живыми цвѣтами. Весь городъ увѣшенъ флагами, драгоцѣнными коврами и шалями. И бѣдный, не отставая отъ богатаго, обвѣсилъ свой домикъ старыми платками.

Объ Императорской торжественной встрѣчѣ и

говорить нечего, это одно доказываетъ — воздвигнутая изящнымъ искусствомъ колоссальнаго размѣра тріумфальная арка съ портиками, которая не мало стоитъ и не мало времени требовалось воздвигнуть такой колоссъ, да наружное убранство ея гирляндами, зеленью, живыми цвѣтами—тоже не малаго стоило; наверху—огромный вензель, надъ вензелемъ — корона, и все это украшено великолѣпно живыми цвѣтами.

Что въ этомъ торжествѣ болѣе всего интересовало меня, такъ это цехи и ихъ великолѣпныя цеховыя знамена огромной величины, съ которыми они проходили отдѣльными группами по порядку, чинно — во фракахъ, въ бѣлыхъ жилетахъ и въ перчаткахъ. Уже наканунѣ изготовлены были маленькіе столбики съ нумерами, гдѣ какому цеху стоять. Ихъ было много; я насчиталъ до 50-ти, но кажется было больше. И они первые были отъ вокзальной площади (бангофа) желѣзной дороги до тріумфальной арки поставлены по обѣимъ сторонамъ на Іерусалимскомъ бульварѣ, гдѣ устроена арка. Отъ арки впередъ на довольно длинное разстояніе устроены мѣста, гдѣ сидѣла высшая аристократія и почетные члены города, т.-е. ихъ семейства, а сами они встрѣчали Государя въ вокзалѣ. Потомъ далѣе отъ эстрады стояли евреи со своимъ ковчегомъ и высшею гла-

вою левитовъ, съ псалмопѣніемъ во время проѣзда Ихъ Императорскихъ Величествъ. Когда Императорскій кортежъ проѣзжалъ мимо цеховъ, стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ съ распущенными знаменами, тогда они преклонили знамена. Это была такая картина, которой я въ жизни не забуду. Самое небо этому торжеству благопріятствовало—погода была превосходная: ясно и тихо.

Все это было безподобно хорошо и торжественно; но пріѣздъ Императрицы своимъ эффектомъ превосходитъ все остальное. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова сюрпризъ отъ Императрицы для города Варшавы. Въ понедѣльникъ, наканунѣ Императорскаго въѣзда, еще около полудня ничего не было извѣстно, да и въ часъ пополудни еще ничто не выходило изъ обыкновенной колеи; видно было только по мѣстамъ торопливое приготовленіе иллюминаціи къ завтрашнему дню, къ пріѣзду Государя. Потому что пріѣздъ Государыни былъ совершенно съ противоположной стороны города, откуда ожидали Государя, и дворецъ, куда Ея Величеству пришлось ѣхать, былъ въ другомъ концѣ города, вслѣдствіе чего экипажу Императрицы пришлось проѣзжать почти весь городъ въ длину по главнымъ его улицамъ.

Представь себѣ: въ два часа дня еще положительно ничего не слышно и не видно было. Но

только-что разнесся слухъ, что графъ Бергъ отправился по желѣзной дорогѣ встрѣчать Государыню, какъ уже между 4—5 часами это трехъ-четырехъ-верстное разстояніе было биткомъ набито зрителями. Дома обвѣсились разноцвѣтными флагами и драгоцѣнными коврами, и шалями и, сколько успѣли, зеленью, живыми цвѣтами, не только на главныхъ, но даже и на боковыхъ улицахъ.

Это было совершено какъ бы волшебнымъ мановеніемъ: въ нѣсколько часовъ превратили столицу изъ обыкновеннаго положенія въ торжественное празднество.

Ровно въ 8 часовъ вечера, при благопріятной тихой погодѣ, изволила проѣхать Царица Сѣвера со своими Августѣйшими Дѣтьми мимо нетерпѣливо ожидавшей Ее восторженной публики. Восторгу, казалось, не было предѣловъ. Въ тотъ же вечеръ весь городъ былъ иллюминованъ... Самый дворецъ, куда Императрица изволила ѣхать, отстоялъ отъ города по аллеямъ верстахъ въ двухъ; на полпути, въ сторонѣ аллеи, находилось довольно большое увеселительное мѣсто, куда публика по вечерамъ собирается слушать музыку. Узнавъ о пріѣздѣ Государыни, многіе вѣрили, многіе —нѣтъ. Вдругъ раздалось: „Императрица ѣдетъ!“—и будто мановеніемъ волшебнаго жезла музыканты и вся публика бросились на аллеи; музыканты заиграли русскій на-

родный гимнъ, а публика кричала „ура"!.. Послѣ сами себѣ удивлялись, не могли дать себѣ отчета, какимъ родомъ они и музыканты очутились на шоссе?..

Еще одно мною видѣнное обстоятельство тронуло меня до глубины души. Какъ мнѣ разсказывали наканунѣ Императорскаго въѣзда, по пріѣздѣ Государя будетъ большой парадъ войскамъ, и мнѣ указали, гдѣ онъ будетъ.

Государыня, переночевавъ въ Бельведерскомъ дворцѣ, утромъ рано, часовъ въ 7, изволила отправиться по вѣнско-варшавской желѣзной дорогѣ на встрѣчу Государю. О пріѣздѣ самого Государя уже давно знали всѣ, въ какой день, какой часъ—пріѣдетъ (вторникъ, 11 часовъ утра). Какъ только въѣздъ Государя совершился (о чемъ уже сказано было выше), я сейчасъ же отправился по указанному направленію—къ мѣсту парада; по Маршальской улицѣ,—прямою линіею отъ города пришлось съ версту пройти по аллеямъ, гдѣ справа открылась огромная гладь, — чуть виденъ другой край. Съ городской стороны это огромное поле было обнесено землянымъ валомъ; это шоссе идетъ параллельно съ валомъ на разстояніи полъ-версты, потомъ упирается въ небольшую площадь; слѣва перпендикулярно еще двѣ аллеи или шоссе соединяются въ эту же площадь. Въ противоположномъ

концѣ площади находится нѣчто въ родѣ старой заставы съ шлагбаумомъ. Пройдя заставу тутъ же направо—поворотъ или въѣздъ на парадное поле, куда входили и строились войска. Сюда, на эту площадь передъ заставой, оживленно сходилась публика; пѣшеходовъ останавливали здѣсь, а экипажи въѣзжали за земляной валъ на парадное поле, гдѣ образовался изъ экипажей огромный полукругъ. Въ Варшавѣ легковыхъ извозчиковъ вродѣ дружекъ или линеекъ вовсе нѣтъ, а все коляски, запряженныя парой. Тутъ ихъ набралось тысячи: кто въ своихъ, кто въ извозчичьихъ. Войско построилось отъ зрителей въ полуверстѣ — посреди огромной глади; помню, мѣсто это называлось „Мокотонное поле". Войска было очень много: говорили, 80—100 тысячъ человѣкъ.

Эта вышеупомянутая передъ заставою площадь, земляной валъ и продолженіе вала были такъ переполнены зрителями, что полиція, какъ ни старалась охранять порядокъ, но отъ сильнаго напора стѣснившейся публики, не въ силахъ была ничего сдѣлать. Съ добрый часъ прошло въ мучительной тѣснотѣ и ожиданіи. Вдругъ раздались голоса: „Ѣдетъ! ѣдетъ!.." Въ глубинѣ одной аллеи быстро неслась верхами кавалькада. Впереди ѣхалъ самъ Императоръ, сзади Великій Князь Владиміръ Александровичъ,—много-много принцевъ и герцоговъ,—

сотня генераловъ. Какъ только Государь сталъ въѣзжать на эту биткомъ набитую зрителями площадь, такъ сейчасъ же пустилъ свою лошадь шагомъ... Ну, другъ! не знаю, какъ у прочихъ, но что было въ эту секунду у меня на душѣ, что чувствовало мое сердце, того не въ состояніи выразить; перо становится слабымъ передать что-нибудь вещественно; только то помню, что отъ душевнаго умиленія и трогательной любви къ нашему Государю крупныя слезы брызнули у меня изъ очей! И уста мои шептали какую-то высокую молитву...

И такъ, онъ—нашъ Надежда-Царь—пустилъ свою лошадь шажкомъ среди площади, буквально унизанной разнообразными зрителями — вплоть до заставы, гдѣ при поворотѣ на парадное поле къ стѣснившейся публикѣ пригнѣздилась партикулярно одѣтая труппа музыкантовъ, внезапно заигравшая „Боже, Царя Храни!“.. Вотъ была минута душевнаго восторга!... Но не мнѣ, корелу, или какому другому, матерью рожденному, земному существу витійствовать. Скажу только, что меня — да и всякаго — всего болѣе приводило въ восторгъ то, что вѣдь Царь-Освободитель, по воцареніи своемъ, еще первый разъ въѣзжалъ въ эту западную столицу. И когда же? О, ужасъ!—послѣ той безпримѣрной въ исторіи кровавой драмы,—мятежа 1863 года, отъ котораго еще не успѣла кровь остывуть. Оттого я

говорю: „безпримѣрной“, что въ этой драмѣ принимали живѣйшее участіе женщины!.. И въѣзжалъ прямо изъ Парижа послѣ событія 25 мая (выстрѣла Березовскаго). Такой историческій фактъ на кого бы не подѣйствовалъ!

Выѣхавъ изъ толпы зрителей на парадное поле, Государь пустилъ свою лошадь шибкою рысью; вся свита помчалась сзади Него. Не мало времени потребовалось объѣхать эти величественные ряды войска. Черезъ ³/₄ часа изволила прибыть Императрица съ своими Царственными Дѣтьми и въ открытой коляскѣ прослѣдовала черезъ всю площадь, при громкихъ, восторженныхъ крикахъ народа и подъ звуки торжественной музыки.

Коляска Государыни остановилась на парадномъ полѣ за четверть версты отъ зрителей въ экипажахъ.

Послѣ проѣзда Государыни всѣ зрители-пѣшеходы хлынули на парадное поле. Большая часть устремилась черезъ заставу, многіе —черезъ земляной валъ. Перейти валъ легко, но тутъ рядомъ съ валомъ былъ ровъ, который невозможно было перескочить, въ который трудно спуститься и еще труднѣе подниматься; и не смотря на запрещеніе и караулъ полиціи, они успѣвали ускользнуть отъ ея надзора и пытались перейти эту траншею—мужчины, женщины и много молоденькихъ барышенъ. И здѣсь не обошлось,

разумѣется, безъ курьезныхъ сценъ: при неудачномъ прыжкѣ или неловкомъ шагѣ, всѣ катились на дно канавы... Общій хохотъ. Умора да и только!.. Хорошо еще, что дно канавы было сухо и поросло травою, а то еще бы вышло забавнѣе.

Всѣ зрители—и пѣшіе, и въ экипажахъ—рвались впередъ, чтобы пробраться какъ можно поближе къ тому мѣсту, гдѣ находилась Государыня и вся царская свита. И тутъ ужъ началось между ними такое энергичное соревнованіе, съ которымъ не въ силахъ были совладать ни полиція, ни жандармы. Наконецъ имъ въ подмогу явились казаки, употреблявшіе достаточно грубые, даже жестокіе пріемы усмиренія и приведенія въ порядокъ,—но ничто не помогало: то пѣшіе опередили, то экипажи перешли линію пѣшеходовъ и встали впередъ. Такимъ образомъ публика все ближе и ближе пододвигалась къ царской свитѣ. И по мѣрѣ приближенія массы зрителей къ Царскимъ Особамъ становилась и полиція мягче и уступчивѣе. Грозные казаки исчезли. Не прошло и пяти минутъ, какъ я очутился совершенно вплотную прижатымъ къ царской свитѣ. Вижу—тутъ же вмѣстѣ, рядомъ со мною и сзади, въ экипажахъ, верхами—утонченная аристократія въ перемежку съ простыми зрителями оспариваютъ между собою преимущество быть ближе къ Августѣйшимъ Особамъ. Всѣ смѣшались: ляхъ,

простой полякъ, литвинъ. великороссъ, малороссъ, бѣлорусъ, латышъ, эстонецъ, нѣмецъ, еврей и я — корела съ отдаленнаго сѣвера,—и на всѣхъ лицахъ ясно изображалась любовь и высокопочитаніе къ Царственнымъ Особамъ.

По моему умозаключенію, всѣ вообще безъ изъятія упоены были чувствомъ восторга предъ этимъ высокоторжественнымъ зрѣлищемъ. Я еще нѣсколько минутъ восхищался этою картиною общаго ликованія. Такое многочисленное войско не скоро успѣло пройти церемоніальнымъ маршемъ мимо царской свиты. Наконецъ, досыта насладившись этою процессіею, всѣмъ этимъ истинно царскимъ праздникомъ, я перекрестился и пошелъ домой. Съ великимъ трудомъ удалось мнѣ протискаться сквозь плотную массу безчисленныхъ зрителей, изъ которыхъ большая часть осталась еще наслаждаться столь рѣдко представляющимся зрѣлищемъ. Придя домой, я невольно задумался надъ всѣмъ только-что видѣннымъ и мысленно возносилъ горячія молитвы къ Богу, дабы Всевышній Творецъ ниспослалъ это единственное для рода человѣческаго благое призваніе къ единенію народовъ и къ повиновенію законамъ Правительства, чтобы вдохнулъ онъ въ сердца польскаго народа то сознаніе, что единственное благо для нихъ — въ со-

единенія тѣломъ и душою со своими единоплеменными старыми братьями руссами (москвичами).

Вѣдь даже отдаленные братья—первоначальнаго корня великаго славянскаго дерева, чехи и хорваты—протягиваютъ руку соединенія общей славянской народности!

Это кто говоритъ и пишетъ эти строки?—Самый младшій изъ собратій великаго русскаго отечества—отдаленнаго сѣвера корелякъ.

II.

Карлсбадъ и Рига.

Вотъ и я возвратился изъ вояжа по восточной Европѣ. Конечно, мой вояжъ далеко не чета твоему. Что же, я только краешекъ захватилъ. Былъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, въ Карлсбадѣ, — гдѣ провелъ три недѣли, пользуясь минеральными водами. Какъ мнѣ довелось первый разъ быть въ этомъ городишкѣ, то и показалось довольно страннымъ, что у насъ вода снаружи впивается въ почву и постоянно холодная, а тамъ изъ грунта земли бьетъ вверхъ фонтаномъ горячая какъ кипятокъ вода, хотя и не въ такомъ изобиліи, какъ въ Исландіи.

Положимъ, что это игра природы или естественное явленіе натуры, которымъ медицинская наука и воспользовалась для гигіеническихъ цѣлей — ради укрѣпленія рода человѣческаго; но тамъ еще есть и въ житейско-хозяйственномъ быту свои особенности,—напр. у насъ въ Россіи спать ложатся на перины, а тамъ подъ перины, т. е. перины служатъ вмѣсто одѣяла.

Изъ Карлсбада я поѣхалъ въ столицу Богеміи — Прагу; этотъ городъ мнѣ очень приглянулся, какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ видомъ; изъ второстепенныхъ столицъ гораздо лучше по моему Дрездена, Будапешта и Варшавы, тѣмъ болѣе для русскаго: слышишь хотя не вполнѣ, но все же понятную славянскую рѣчь. Какъ только выѣхалъ изъ Дрездена,—не помню хорошенько, на второй или третьей станціи желѣзной дороги смѣнились уже объявленія и надписи съ нѣмецкаго (Herren, Dame) на чешскій языкъ (pro Muschin, pro Shenschin); хотя латинскими буквами, но хорошо понятно. Потомъ проѣхалъ я въ столицу Моравіи — Бруннъ и въ пресловутую древнюю столицу римскихъ императоровъ — Вѣну. Изъ Вѣны—по Дунаю въ Будапештъ. Оттуда обратно черезъ Вѣну и Варшаву въ свою Сѣверную Пальмиру, во градъ Великаго Петра, и далѣе во-свояси.

По пріѣздѣ домой, получилъ твое письмо, которое лежало нѣсколько недѣль въ ожиданіи меня

и въ которомъ ты пишешь вкратцѣ о своемъ путешествіи въ юго-западную Европу.

И такъ, любезный другъ, тебѣ удалось объѣхать почти всю Европу и видѣть часть Новаго Свѣта—Америку. А главное, ты побывалъ въ европейскомъ парадизѣ — въ Италіи, ты видѣлъ вѣчный городъ Римъ, съ его болѣе чѣмъ 20-вѣковыми историческими воспоминаніями, и всѣми восхваляемую живую панораму Неаполя (выраженіе итальянца: „увидѣть Неаполь, и потомъ умереть“); наконецъ—Парижъ эту модную столицу, ярмарку выдумокъ не то что всей Европы, но и всего свѣта, это чудо-юдо, невообразимое зрѣлище, тѣмъ болѣе теперь — во время всемірной выставки. Положимъ, какъ ты самъ пишешь, что твои дѣла заставили быть на этой выставкѣ немного раньше своего времени, когда еще не все прибрано, не все сложено, не все установлено. Да, полагаю, ежели бы всѣ тамъ находящіяся диковинныя штукенціи спеціально осмотрѣть до подробнѣйшей мелочи, тогда не мало бы времени потребовалось. А гдѣ же тутъ разсмотрѣть въ такомъ хаосѣ, при общей толкотнѣ и сумятицѣ. Я вполнѣ увѣренъ, что тамъ народу было гораздо больше, чѣмъ мнѣ удалось видѣть въ Бѣломъ морѣ сельдей.

О Лондонѣ же и говорить нечего: въ немъ ежедневно океанъ народу. Но ты, счастливецъ, вла-

дѣешь почти всѣми европейскими языками, и потому тебѣ легче было и наблюдать, и наслаждаться лицезрѣніемъ всѣхъ заморскихъ диковинокъ.

Въ свою очередь, и я теперь, только-что возвратясь, немедленно отдаю отчетъ въ моихъ поѣздкахъ.

Я теперь здѣсь, въ этомъ старомъ историческомъ городѣ—въ Ригѣ: онъ знаменитъ, какъ въ торговомъ отношеніи, такъ и историческими событіями, еще въ средніе вѣка.

Вотъ, кажется, просто сказать: по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Псковъ, Динабургъ, Вильно, Варшаву; изъ Варшавы обратно — въ Гродно, Вильно, Динабургъ и въ Ригу. Легко и написать эти слова на бумагѣ, скоро и незамѣтно проѣхать по рельсамъ это пространство. Но попробуй-ка взять Русскую исторію въ руки, тогда и узнаешь, какимъ тяжелымъ гнетомъ легло на нашу отечественную исторію присоединеніе этой западной окраины къ обширной Русской Имперіи, сколько событій пробѣжитъ въ головѣ! Начну со стараго Пскова, гдѣ я, будучи еще въ первый разъ, какъ маленькое дитя бѣгалъ по обширнымъ каменнымъ стѣнамъ псковской твердыни, когда-то—въ былыя времена—куда важнаго значенія! Весь городъ обнесенъ этими каменными стѣнами, мѣстами еще сохранившими свою первоначальную вышину; на углахъ—полуразвалившіеся бастіончики. Въ эту груду камней

съ какою-то жадностью вперялъ я взоры, мысленно спрашивая каждый камень и камешекъ, —и невольно казалось, что еслибы эти камни могли заговорить то они навѣрное разсказали бы о преданіяхъ старины, о нашихъ средневѣковыхъ битвахъ и о томъ, какъ отстаивала наша русская грудь непріятельскія нападенія.

Вѣришь ли,—всякій разъ, когда мнѣ приходится мѣнять желѣзную дорогу на шоссейную и ѣхать вглубь по разнымъ направленіямъ западной окраины нашей Имперіи, мысли мои невыразимо работаютъ и воспоминаніямъ нѣтъ конца. Вспомнишь невольно и отважнаго Ольгерда, и храбраго воина Карла XII, и еще свѣжей памяти нашествіе двунадесяти языковъ, съ первымъ полководцемъ военнаго генія — Наполеономъ I-мъ... Глаза постоянно ищутъ слѣдовъ минувшихъ временъ и не отрываются отъ какого-нибудь холмика, небольшого кургана, малозамѣтнаго бугорка. Невольно вздохнешь и мысленно скажешь: можетъ быть, тамъ лежатъ, зарыты кости нашихъ собратьевъ, которые сражались за отечество, бились на полѣ чести, какъ древніе герои. Миръ праху павшимъ героямъ! Особенно чувства мои подавлялись при проѣздѣ или проходѣ черезъ или мимо какого-нибудь урочища или другого тому подобнаго природнаго пункта, рѣки или рѣчки, нѣкогда служившихъ переправою или наскоро сдѣланной обо-

роной и, несмотря на давность, все еще замѣтныхъ. Невольно восклицаешь тогда про себя: вотъ здѣсь проливалась русская кровь! и невольно ищешь глазами, не замѣтны ли пятна этой пролитой крови?

Тутъ же рядомъ или вблизи, обращаясь мыслью къ сосѣднему лѣсу, я думалъ о былыхъ временахъ, когда на корняхъ этихъ толстыхъ деревъ, разставаясь съ этимъ непостояннымъ міромъ, испускалъ послѣднее дыханіе сражавшійся геройски за отечество русскій воинъ. Тутъ же—болѣе счастливый военною своею карьерою русскій герой, облитый кровью, рвалъ побѣды—посреди града пуль, гика и шума битвы... И можетъ быть еще въ пылу боя онъ мечталъ именно здѣсь о томъ, что ждетъ его впереди: какъ будетъ онъ осыпанъ лаврами побѣдъ, грудь—орденами, о томъ, какъ будетъ отрадно тогда встрѣтиться съ идеальнымъ существомъ—по сердцу!..

Остзейскій край, съ своими памятниками средневѣковой старины, невольно создавалъ въ моемъ воображеніи цѣлый романъ—съ этими рыцарскими замками, гдѣ нѣкогда за какую-нибудь улыбку милой красавицы рыцарь бросалъ перчатку сопернику и бился на жизнь или смерть.

Будучи въ Варшавѣ, какъ я въ первомъ письмѣ оттуда писалъ тебѣ, и присутствуя при томъ торжественномъ празднованіи встрѣчи и пребыванія Августѣйшаго Семейства, я не могъ не оставить

безъ вниманія и интересныхъ для меня памятниковъ историческихъ событій и преданій. Почти ежедневно выходилъ я на розыски и наблюденія въ наиболѣе замѣчательные историческіе пункты; особенно любилъ я выходить куда-нибудь на возвышенное мѣсто, напр. на берегъ рѣки Вислы. Оттуда передо мной на противоположномъ берегу открывалось предмѣстье Прага, гдѣ нашъ знаменитый дѣдушка Суворовъ со своими чудо-богатырями бралъ штурмомъ эти укрѣпленныя—въ тѣ времена—мѣстности; гдѣ вслѣдъ затѣмъ Эриванскій герой громилъ своими храбрыми войсками возставшихъ мятежниковъ.

Что касается самой Праги, то это совершенно ничтожный городишко, на отлогомъ берегу Вислы; окрестность его уже во всемъ измѣнилась: частью срыто до основанія, частью застроено, а частью изгладило время.

Хотя собственныя дѣла мои заставили меня пріѣхать сюда, въ Ригу, но кстати или, такъ сказать, къ моему счастію, здѣсь тоже въ бытность мою совершился пріѣздъ Государя Императора. Государь изволилъ сюда прибыть одинъ на возвратномъ пути изъ Парижа—чрезъ Варшаву.

Здѣсь въ Ригѣ сдѣланная Его Императорскому Величеству встрѣча была торжественна, искренняя; такъ—послѣ долгой разлуки—истинныя дѣти встрѣ-

чаютъ своего любимаго отца. Гдѣ сердечность, гдѣ искренность, тамъ многословія не требуется. Изъ чего я это заключаю—о томъ постараюсь передать тебѣ въ короткихъ словахъ. Были устроены въ трехъ мѣстахъ тріумфальныя ворота, декораціи зеленью; на флаги не жалѣли матеріи. Конечно, здѣсь улицы въ старомъ городѣ очень узкія,—при довольно узкихъ тротуарахъ съ трудностью могутъ разъѣхаться экипажи; я насчиталъ до сотни такихъ флаговъ, которые занимали поперекъ всю улицу; транспаранты съ вензелями величественно пересѣкали улицу во многихъ мѣстахъ.

При встрѣчѣ Императора, у вокзала былъ почетный караулъ изъ молодыхъ людей—высшихъ, почетныхъ гражданъ—и эскадронъ кавалеріи. По обѣимъ сторонамъ отъ вокзала, кромѣ цѣлаго баталіона изъ почетныхъ городскихъ молодыхъ обывателей, поставлена была пожарная команда. Обстановка и выправка послѣднихъ обращала особенное вниманіе. Въ другомъ концѣ города, при въѣздѣ въ замокъ, были цехи со знаменами; я видѣлъ мелькомъ издалека нѣсколько, но рижскія цеховыя знамена гораздо меньшаго размѣра, чѣмъ въ Варшавѣ, зато числомъ ихъ, какъ я слышалъ, не въ примѣръ больше.

Въѣздъ Государя былъ въ 11 часовъ вечера. Пришлось почти весь городъ проѣхать отъ вок-

зала до замка, гдѣ жилъ начальникъ области генералъ-адъютантъ Альбединскій. Богатство иллюминаціи было неописуемо: съ газовыми, бенгальскими огнями и съ фонтанами. Восторгъ и ликованье народа были до высшихъ предѣловъ. По въѣздѣ Государя, черезъ часъ, всѣ улицы до того были полны народомъ, что никакъ невозможно было протискаться. Вдругъ, откуда ни возмись, образовалось факельное шествіе тысячи высшаго круга почетныхъ гражданъ, одѣтыхъ по-бальному; при тихой, прекрасной погодѣ, у каждаго въ рукахъ наикрасивѣйше-обточенныя палочки, съ небольшимъ аршинъ длиною, на верхнемъ концѣ коихъ прикрѣплены прекрасивые фонарики (собственно для этой цѣли за границею заказаны). Шелъ этотъ легіонъ высшаго гражданскаго круга чинно посреди улицы по четыре человѣка въ рядъ; впереди шелъ полный оркестръ полковой музыки; по сторонамъ ихъ съ факелами въ рукахъ шли солдаты. Это своеобразное, чрезвычайно эффектное зрѣлище долго не изгладится изъ памяти.

Всѣхъ деталей овацій не описать. Но нѣкоторыхъ нельзя оставить безъ вниманія. На второй день пребыванія здѣсь Августѣйшаго Монарха около двухъ тысячъ молоденькихъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья, какъ ангельчики, пѣли передъ Государемъ русскій народный гимнъ и что-то

еще —не разслышалъ, потому что не удалось ближе пробраться. Это было что-то сверхъестественное, не земное, а именно ангельское. Потомъ, когда эти милыя созданья пошли домой особыми своими кружками по всѣмъ направленіямъ города—какой земной могъ оцѣнить и описать ихъ восторгъ?! Онѣ стояли передъ Царемъ и пѣли Ему!.. Мнѣ удалось видѣть, какъ нѣкоторыя дѣвицы изъ этихъ кружковъ летѣли будто на крыльяхъ по разнымъ улицамъ и, встрѣчаясь по дорогѣ съ знакомыми и родными, съ восторгомъ лепетали, разсказывая свои ощущенія, и при этомъ какъ у разсказчицъ, такъ и у слушателей отъ умиленія слезы навертывались на глаза.

Въ заключеніе вернусь еще разъ къ этихъ тремъ городамъ: скажу о физіономіи ихъ и характерѣ. Варшава имѣетъ громкое имя въ политической сферѣ, но на мой взглядъ въ торговомъ отношеніи даже ниже посредственнаго, и внѣшняя обстановка города такъ себѣ, — развѣ только въ одномъ можно дать преимущество варшавскимъ обывателямъ: относительно опрятности какъ у дѣтей славянъ, такъ и у сыновей Израиля,—которыхъ тамъ довольно много.

Вильно—эта когда-то столица Литвы—уже снаружи показываетъ свою безхарактерность, по крайней мѣрѣ тому, кто въ первый разъ пріѣдетъ; такъ, мнѣ она показалась совершенно безтолковымъ городомъ. Это скорѣе какой-то отломокъ іудейскаго

царства, гнѣздо жидовъ, ярмарка евреевъ. Этихъ израильскихъ дѣтей обоего пола такъ много и въ такой тѣснотѣ, что положительно можно сказать: больше чѣмъ въ вашемъ городѣ камней въ каменной мостовой. Жидовское факторство здѣсь положительно въ полной прежней силѣ, какъ описывалъ его нашъ знаменитый литераторъ Ѳаддей Булгаринъ. Населенiе вообще смѣшанное: тутъ и коренной литвинъ, и заброшенный полякъ, и русскiй раскольникъ, и латышъ, жмудинъ, эстонецъ, для примѣси есть толстый нѣмецъ, нѣкая доля татаръ, и вѣроятно не безъ цыганъ. Тутъ совершенно ничего не поймешь и невозможно опредѣлить ни физiономiи, ни типическихъ особенностей народнаго духа.

Рига—столица Лифляндiи или, такъ сказать, всего Остзейскаго края. Что касается до торговаго отношенiя, то факты сами за себя говорятъ. А о прочемъ — вполнѣ похвально, что русскимъ языкомъ не гнушаются и отъ его нарѣчiя не отворачиваются,—какъ это дѣлается въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ краѣ нашей Имперiи. Вотъ Ревель, такъ это дѣйствительно родное дѣтище города Риги.

О соединеніи Бѣлаго моря съ Финскимъ заливомъ.

(Проектъ М. Н. Смирнова [1]).

Въ финской газетѣ „Pietârin Lehti"—„Петербургскій Листокъ" (1876 г., №№ 22, 23 и 24), издающейся въ Петербургѣ, напечатанъ мой проектъ о соединеніи Бѣлаго моря съ Финскимъ заливомъ. Считаю небезполезнымъ передать сущность этого проекта читателямъ „Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей", по всей вѣроятности, живо заинтересованнымъ въ настоящемъ вопросѣ, по географическому положенію здѣшняго края между предполагаемыми къ соединенію морскими бассейнами.

Прежде всего, въ настоящемъ предпріятіи представляется вопросъ: соединить ли Бѣлое море съ Финскимъ заливомъ, въ указываемомъ мною направленіи, искусственною канализаціею, или желѣзно-рельсовымъ путемъ?

Въ послѣднее пятилѣтіе неоднократно возбуждался вопросъ о соединеніи прямымъ искусственнымъ путемъ Сѣвернаго Ледовитаго океана съ Балтикой. Объ этомъ говорилось въ періодической печати, раздавались сужденія въ торгово-промыш-

[1]) Было напечатано въ прилож. къ № 29 „Олон. Губ. Вѣд." 1877 г.

ленныхъ и административныхъ сферахъ. Три года тому назадъ, въ „Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (1873 г., № 3) помѣщена была статья моя: „Изъ писемъ сѣверяка, о соединенiи Бѣлаго моря желѣзною дорогою съ Онежскимъ озеромъ и Петербургомъ“. Передъ этимъ года за два былъ въ ходу проектъ частныхъ предпринимателей о прорытiи Бѣломорско-Онежскаго канала, польза котораго, сколько извѣстно, признавалась и администрацiею. Но уже тогда, на вопросы по этому предмету, сдѣланные мнѣ, какъ лицу, хорошо знакомому, по своимъ промышленнымъ операцiямъ, съ географическими, топографическими и экономическими условiями сѣверной части Олонецкой губернiи и прибрежьемъ Бѣлаго моря, я высказывался не въ пользу канализацiи, а былъ сторонникомъ рельсоваго пути, какъ болѣе современнаго и удовлетворяющаго мѣстнымъ торгово-промышленнымъ и общенароднымъ потребностямъ.

Искусственный водяной путь между Онежскимъ озеромъ и Бѣлымъ моремъ (отъ Повѣнца на Сороку, на протяженiи около 200 верстъ) имѣлъ бы свое значенiе лишь въ томъ случаѣ, еслибы на этомъ протяженiи встрѣчались богатые лѣса, эксплуатацiя которыхъ, въ видѣ распиловки теса или рубки бревенъ на вольную продажу и для отпуска за границу, доставила бы значительный доходъ каналу, а глав-

нѣйшимъ образомъ изобиліе лѣсовъ въ этой мѣстности обезпечило бы для компаніи успѣхъ въ постройкѣ большихъ морскихъ судовъ для перевозки грузовъ и пассажировъ по избранной искусственно-водяной линіи. На пути проектированнаго канала, дѣйствительно, находится значительный водный бассейнъ—озеро Выгъ и довольно обширная система сплавныхъ рѣкъ и рѣчекъ, съ нимъ соединяющихся, удобная для сплава бревенъ изъ нѣсколькихъ лѣсныхъ дачъ; но, къ сожалѣнію, главнѣйшія лѣсныя площади этого раіона уже раньше вырублены для довольствія лѣсопильныхъ заводовъ Захарьева и Бѣляева. Первый заготовляетъ лѣса въ окрестностяхъ Сегозера, сплавляя ихъ по рѣкѣ Кумсѣ, впадающей въ Онежское озеро, для своего Кумсинскаго лѣсопильнаго завода, а второй — въ верховьяхъ рѣки Телекиной, для дѣйствія Уницкаго завода, на рѣкѣ Пигмѣ, впадающей также въ озеро Онего. Кромѣ того, у купца Бѣляева находится лѣсопильный заводъ на устьѣ рѣки Выга, при впаденіи ея въ Бѣлое море, въ сел. Сорока. Наибольшая часть лѣсовъ въ казенныхъ дачахъ, прилегающихъ къ сплавнымъ бассейнамъ озера Сегозера и озера Выгъ, уже законтрактована у казны Бѣляевымъ [1]).

[1]) По контракту 11 іюля 1867 года, заключенному съ управленіемъ государственныхъ имуществъ, Бѣляевымъ куплено изъ дачъ

Но, кромѣ экономическихъ, существуютъ и естественныя причины, ограничивающія размѣры судоплаванія по проектированному искусственно-водяному пути и заключающіяся въ климатическихъ условіяхъ. На нашемъ сѣверѣ каналъ не можетъ быть открытымъ для плаванія долѣе $4^1/_2$ мѣсяцевъ въ году. Позднею осенью, когда поморы — жители южнаго берега Бѣлаго моря—возвращаются съ морскихъ промысловъ, на своихъ судахъ, съ добычею предшествовавшей морской промысловой навигаціи, на зимовку во-свояси, — каналъ уже долженъ покрываться льдомъ; слѣдовательно, всякая возможность для перевозки добытыхъ въ это время продуктовъ во внутрь Россіи должна прекратиться.

Единственнымъ аргументомъ въ пользу проведенія, въ сказанномъ направленіи, искусственнаго водяного пути, вмѣстѣ съ политическими интересами, которыя могутъ заключаться въ соединеніи Бѣломорскаго и Балтійскаго бассейновъ, остается возможность постройки большихъ мореходныхъ судовъ — если для этого сохранится достаточное количество лѣсовъ по выгской системѣ и будетъ возможность плаванія ихъ по искусственному соединительному пути, если каналъ будетъ имѣть доста-

---

Олонецкой и Архангельской губерній, прилегающихъ къ бассейну Бѣлаго моря, до 750.000 деревъ, съ правомъ вырубки этого количества въ теченіе 15 лѣтъ.

точную глубину, широкіе и длинные шлюзы. Но и въ этомъ случаѣ, для передвиженія большихъ морскихъ судовъ изъ Балтійскаго моря въ Бѣлое представятся естественныя преграды въ мелководіи, для судовъ большаго ранга, рѣкъ Невы — въ ея верховьѣ и Свири — въ ея порогахъ. Независимо отъ этихъ явныхъ препятствій, проведеніе канала чрезъ высокій, каменистый Бѣломорско-Онежскій водораздѣлъ и устройство искусственнаго водяного пути едвали обойдется дешевле желѣзной паровой дороги, которая поэтому представляется наиболѣе удовлетворяющимъ мѣстнымъ потребностямъ путемъ, какъ открытая во всякое время года. Говоря о предполагаемомъ водяномъ соединительномъ пути, мы имѣли въ виду только лѣтніе морскіе промыслы и движеніе во время навигаціи. Но какъ бы ни были громадны, для сплава водянымъ путемъ, лѣтніе грузы бѣломорскихъ продуктовъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на зимніе промыслы, которые могутъ обезпечить эксплуатацію уже не водяного, а желѣзно-дорожнаго пути. Большею частію вблизи предполагаемой соединительной линіи, на бѣломорскихъ прибрежьяхъ, зимній ловъ сельдей бываетъ иногда такъ великъ, что при возможности удобнаго сбыта во внутрь Россіи онъ можетъ дать желѣзной дорогѣ до 1.000.000 пуд. груза. Бываютъ такія удачныя зимы, что наплывъ

промышленниковъ, пріѣзжающихъ изъ Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерній и изъ части Финляндіи за сельдью, можно считать десятками тысячъ подводъ. Не смотря на такой приливъ покупщиковъ, уловы бываютъ такъ изобильны, такъ громадны, что цѣна за возъ сельдей въ 30 пудовъ вѣсомъ доходитъ до 2 финляндскихъ марокъ, или 60 к. на русскія деньги. Нельзя при этомъ упускать изъ виду другихъ промысловыхъ продуктовъ, добываемыхъ трудолюбивымъ населеніемъ бѣломорскаго прибрежья: независимо отъ морскихъ осеннихъ и зимнихъ промысловъ, поморы занимаются охотою на звѣрей и лѣсную дичь, рыболовствомъ въ прѣсныхъ водахъ, которые тоже могутъ составить немаловажную доходную статью для желѣзной дороги. Всѣ эти промыслы, вмѣстѣ взятые, получивъ съ устройствомъ рельсоваго пути возможность для правильнаго и удобнаго сбыта на ближайшіе русскіе рынки, годъ отъ году будутъ развиваться шире и быстрѣе.

Вопросъ о возможности и необходимости соединенія Бѣлаго моря съ Онежскимъ озеромъ искусственнымъ водянымъ путемъ неоднократно былъ возбуждаемъ, со времени Императора Петра Великаго, въ теченіе конца и первой половины нынѣшняго столѣтія; впрочемъ все дѣло ограничивалось предположеніями частныхъ лицъ, въ которыхъ от-

части принимало участіе правительство и нѣкоторыя ученыя общества; наиболѣе же выдвинулся и получилъ болѣе широкое значеніе только въ теченіе послѣднихъ 5—6 лѣтъ.

Лѣтомъ 1870 года Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Алексѣй Александровичъ, въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Посьета, посѣтивъ городъ Повѣнецъ, откуда предполагалось вести каналъ къ Бѣлому морю, осматривалъ Бѣломорско-Онежскій водораздѣлъ, въ проведеніи чрезъ который шлюзованной части пути представляется главнѣйшая задача; затѣмъ, слѣдуя изъ Архангельска въ океанъ, обозрѣвалъ берега Бѣлаго моря, гдѣ назначенъ исходный путь для искусственной канализаціи. Послѣ того, какъ со стороны правительства, такъ и отъ частныхъ предпринимателей были посылаемы для изслѣдованія мѣстности между Бѣлымъ моремъ и озеромъ Онегомъ геологи, топографы, инженеры, техники и проч. Начальникъ Олонецкой губерніи, Г. Г. Григорьевъ, обратилъ особенное вниманіе на разработку настоящаго вопроса, въ интересахъ осуществленія предполагаемаго пути, какъ для экономической поддержки ввѣреннаго края, такъ и въ видахъ развитія торговли и промышленности вообще на сѣверѣ Россіи. Съ этою цѣлью, по распоряженію г. олонецкаго губернатора, въ минувшемъ 1875 году, составлена и издана бро-

шюра: „Объ устройствѣ между Бѣлымъ моремъ и Онежскимъ озеромъ усовершенствованнаго соединительнаго пути". Въ этой брошюрѣ, между прочимъ, изложены главныя основанія всѣхъ доселѣ существовавшихъ проектовъ частныхъ предпринимателей проведенія въ означенномъ направленіи соединительнаго пути, топографическій очеркъ мѣстности между озеромъ Онегомъ и Бѣлымъ моремъ и сгруппированы данныя о настоящемъ положеніи бѣломорскихъ промысловъ „по временамъ года, и о значеніи, въ морскомъ отношеніи, гаваней Бѣлаго моря, къ которымъ предполагается проведеніе пути. Хотя при южныхъ берегахъ Бѣлаго моря есть много большихъ селеній, изъ коихъ нѣкоторые по числу жителей равняются нашимъ небольшимъ городамъ и хотя каждое изъ нихъ имѣетъ свою морскую гавань, но для большихъ морскихъ судовъ гавань при городѣ Кеми, по своей глубинѣ и другимъ удобствамъ, заслуживаетъ предпочтеніе предъ всѣми прочими.

Однакожъ всѣ составленные въ послѣднее время проекты, обсуждавшіеся въ собраніяхъ олонецкаго земства и бывшіе отчасти въ разсмотрѣніи правительства, не получили осуществленія и отложены на неопредѣленное время.

Выше я сказалъ, что въ административныхъ сферахъ прежде всего разсматривалось предположеніе о проведеніи искусственнаго водяного соеди-

нительнаго пути отъ Онежскаго озера къ Бѣлому морю, въ направленіи же отъ города Повѣнца къ сел. Сорокѣ. Проектъ частныхъ предпринимателей этого соединенія, послѣ всестороннихъ топографическихъ, орографическихъ и статистико-экономическихъ изслѣдованій, уже былъ представленъ правительству, но встрѣтились какія-то затрудненія, вслѣдствіе которыхъ предпріятіе остановилось и о дальнѣйшей судьбѣ его ничего неизвѣстно.

Для соединенія Онежскаго озера съ Бѣлымъ моремъ рельсовымъ, желѣзнодорожнымъ путемъ было составлено два проекта, но направленія были избраны различныя и при томъ путь предполагалось провести по двумъ системамъ: желѣзно-паровой или конно-желѣзной.

Предприниматель желѣзно-паровой дороги г. Воробьевъ избралъ для этого линію между городами Онегою и Вытегрою и уже произвелъ въ этомъ направленіи изысканія. — Какъ тотъ, такъ и другой конечные пункты представляются совершенно неудобными. Гавань при городѣ Онегѣ не имѣетъ достаточной глубины для прихода морскихъ судовъ, которые теперь останавливаются въ 20 верстахъ отъ этого города, а самый Онежскій портъ очень удаленъ отъ главныхъ центровъ бѣломорской промышленности. Вытегра представляется мѣстомъ довольно глухимъ: откуда бы вѣтвь рельсовой линіи

ни брала своего начала, но она тогда только будетъ имѣть значеніе, если будетъ соединена съ одною изъ главныхъ линій общей желѣзно-дорожной сѣти; Вытегра же, находясь при судоходномъ водяномъ пути, удалена отъ ближайшей главной желѣзно-дорожной линіи безъ малаго на 400 верстъ. Другое предпріятіе — проведеніе желѣзно-конной дороги, предлагаемое г. Больманомъ—могло бы еще осуществиться относительно соединенія городовъ Кеми и Повѣнца, а остальная часть его проекта не выдерживаетъ критики. Г. Больманъ, какъ извѣстно, предполагалъ вести линіи отъ этихъ двухъ пунктовъ еще далѣе: отъ Кеми по прибрежью Бѣлаго моря, мимо Кандалаксы, чрезъ всю Лапландію, къ берегамъ Ледовитаго моря близъ Нордъ-Капа, а отъ Повѣнца, по обѣимъ сторонамъ Онежскаго озера, къ Маріинской системѣ и къ Петербургу, и притомъ поставить на рельсы вагоны, движимые конною силою, какъ будто бы на сѣверѣ для паровой силы не могло быть достаточно топлива и воды!

Въ концѣ концовъ оба послѣдніе желѣзнодорожные проекта, обсуждавшіеся въ земскихъ собраніяхъ и въ Обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, остались безъ послѣдствій.

Въ послѣднее время, занимаясь лѣсопромышленными операціями въ Олонецкой губерніи, я имѣлъ

случай, пріѣзжая по нѣскольку разъ въ Петрозаводскъ и Повѣнецъ, слѣдить постоянно за развитіемъ вопроса о соединеніи бѣломорскихъ прибрежій съ внутренними рынками Россіи и часто бесѣдовать, какъ съ представителями земства, такъ и съ другими лицами, въ этомъ дѣлѣ заинтересованными. Съ самаго начала появленія приведенныхъ выше проектовъ, я былъ не на ихъ сторонѣ, о чемъ высказалъ изустно и печатно. Постараюсь болѣе подробно развить мою мысль и указать на болѣе соотвѣтствующее, по моему мнѣнію, направленіе желѣзно-паровой дороги, прилагая при семъ для бóльшаго удобства карту ея.

Неоспоримо, что русскій сѣверъ, подъ вліяніемъ широкаго развитія въ послѣднее время торговли и промышленности въ средней части Россіи, въ южныхъ, западныхъ и восточныхъ ея окраинахъ,—чему громадный толчокъ дали обширныя сѣти рельсовыхъ путей,—нуждается въ удобномъ искусственномъ сообщеніи съ внутренними рынками. Будучи вполнѣ знакомъ съ топографическими условіями территоріи, лежащей между берегами Финскаго залива и Бѣлаго моря, съ экономическимъ бытомъ населенія и съ потребностями торговли и промышленности русскаго сѣвера и прилегающей къ ней части Финляндіи, я имѣлъ случай высказать г. начальнику Олонецкой губерніи мысль о возможности

и пользѣ проведенія желѣзно-паровой дороги отъ Финскаго залива къ Бѣлому морю. Если эта линія и не вполнѣ удовлетворяетъ ожиданіямъ населенія всей Олонецкой губерніи, возбужденнымъ проектами соединенія Онежскаго озера съ Бѣлымъ моремъ, тѣмъ не менѣе она захватываетъ глухую часть Олонецкаго края—Повѣнецкій уѣздъ, обѣщая немалую пользу для мѣстнаго, нынѣ бѣдствующаго населенія. Конечными соединительными пунктами на предлагаемой мною линіи представляется городъ Выборгъ на Финскомъ заливѣ и городъ Кемь на Бѣломъ морѣ. Выборгъ, можно сказать, нынѣ предмѣстіе русской столицы, гдѣ соединяются желѣзныя дороги всего европейскаго континента. Такимъ образомъ, если не вся Олонецкая губернія, то бѣднѣйшая сѣверная часть ея будетъ пользоваться удобствами и выгодами современнаго удобнаго пути, съ одной стороны—къ Бѣлому морю, съ другой—къ Петербургу. Въ этомъ отношеніи и г. начальникъ Олонецкой губерніи выразилъ вниманіе къ моему проекту.

Между городомъ Повѣнцомъ и прибрежьемъ Бѣлаго моря, въ сѣверномъ прямомъ направленіи, разстояніе хотя и не велико, но здѣсь ближайшія прибрежныя селенія Бѣломорья, какъ напр. Нюхча, Сума, Сорока, не имѣютъ удобныхъ гаваней для прихода и стоянки большихъ морскихъ судовъ.

Кемь отстоитъ отъ Повѣнца гораздо дальше, но направленіе желѣзной дороги на этотъ отдаленный городъ вознаградитъ сторицею тѣ затраты, которыя потребуются на удлиненіе рельсоваго пути. Не говоря объ удобствахъ стоянки морскихъ судовъ въ Кемской гавани, гдѣ они совершенно защищены отъ вѣтровъ съ моря, о глубинѣ фарватера, допускающаго приходъ къ самому городу большихъ кораблей, и о большей продолжительности навигаціи въ сравненіи съ портами, лежащими между Кемью и Архангельскомъ, — направленіе желѣзной дороги на Кемь имѣетъ ту выгоду, что проходитъ чрезъ главные пункты бѣломорскихъ рыбныхъ промысловъ—селенія Суму и Сороку, которыя доставятъ для эксплуатаціи этого пути значительные грузы своихъ продуктовъ. Что же касается Кеми, то этотъ городъ представляется центромъ всѣхъ оборотовъ бѣломорской торговли и промышленности, который снабжаетъ продуктами морскихъ промысловъ всю сѣверную Корелію (Повѣнецкую и Кемскую), восточную часть Финляндіи (губернію Улеоборгскую) и часть южной Лапландіи.

Избравъ, такимъ образомъ, конечными соединительными пунктами города Выборгъ и Кемь, я со своей стороны предлагаю слѣдующія направленія желѣзно-паровой дороги.

Первая линія беретъ начало съ главной стан-

ціи Петербурго-Регимастской линіи желѣзной дороги при городѣ Выборгѣ и идетъ на Иматру и далѣе къ южной границѣ прихода Париккала. Здѣсь слѣдуетъ выбрать, по которой сторонѣ озера Пюха-Ярви выгоднѣе вести ее. Если будетъ избрана западная сторона озера (лит. А, см. карту), то линія пойдетъ чрезъ упомянутый приходъ Париккала, сосѣдственный съ нимъ приходъ Кезялаксы, къ селеніямъ Пухоись или Сурія-Салма къ приходу Кидесъ-Тохма-Ярви; отсюда мимо первокласснаго желѣзо-дѣлательнаго завода Вяртсиля прямо къ Суоярви и далѣе въ Повѣнецъ. Но если признано будетъ выгоднѣе вести линію съ южной границы прихода Париккала, по восточной сторонѣ упомянутаго озера Пюха-Ярви (лит. С) и обойдя по сѣверо-западной сторонѣ Янись-Ярви, близъ того же завода Вяртсиля, вести далѣе (лит. Д) мимо Суоярви въ Повѣнецъ. Теперь я беру третью вѣтвь линіи отъ прихода Париккала прямо на востокъ: къ погосту Якимъ-Вари (Яккимо), находящемуся на берегу Ладожскаго озера, которое такимъ образомъ соединится съ этою вѣтвію; отъ кирки (погоста) Яккимо линія развѣтвляется на два направленія: первое — къ сѣверу, по восточной сторонѣ Пюха-Ярви (лит. С) чрезъ приходъ Рускела (гдѣ находятся извѣстныя Рускельскія мраморныя ломки), далѣе по сѣверо-западной сторонѣ озера Янись-

Ярви соединится съ линіею (лит. А) ведущею также чрезъ Суоярви на Повѣнецъ. Другое направленіе можно взять изъ погоста Яккимо прямо на востокъ (лит. Б); здѣсь оно будетъ проходить близъ берега Ладожскаго озера, мимо города Сердоболя, чрезъ приходы Суйстамо и Суоярви къ русской границѣ, оттуда чрезъ селеніе Тивдію, извѣстную своими мраморными ломками въ Повѣнецъ и Кемь [1]).

На этихъ направленіяхъ, кромѣ Тивдійскихъ мраморовъ, разработываемыхъ съ давняго времени, но неимѣющихъ достаточнаго сбыта по отсутствію удобныхъ путей сообщенія, встрѣчаются уже въ настоящее время шесть чугунно-литейныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ; изъ нихъ три казенныхъ: Суоярвскій почти на самой линіи предлагаемаго пути; Кончезерскій и Валазминскій вблизи отъ него; четвертый, частный заводъ, строящійся въ Святнаволокѣ, и два первоклассные завода въ Финляндіи наслѣдниковъ Арппе Мёгкö недалеко отъ линіи и Вяртсиля на самой линіи. Смѣло можно предполагать, что число горныхъ заводовъ и вообще фабричныхъ заведеній съ устройствомъ въ этомъ направленіи желѣзно-дорожнаго пути увеличится.

Если же отъ Тохмоярвинскаго прихода провести линію совершенно по другому направленію,

---

[1]) Эти линіи указаны были въ статьѣ моей въ № 3 „Ол. Губ. Вѣд." 1873 года.

т.-е. на г. Іоенсу, Варгаусъ и С.-Михель (лит. Е), тогда на пути прибавится еще пять заводовъ: два Н. И. Путилова, два Мустонена и одинъ Валя. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта линія обхватитъ двѣ губерніи Куопіоскую и С.-Михельскую, тогда какъ линія (лит. В, С и D) пройдетъ по одной Выборгской.

О народномъ движеніи по проектируемому пути излишне говорить. Число ѣдущихъ въ Петербургъ и обратно пассажировъ и бурлаковъ изъ частей Архангельской и Олонецкой губерній, зимою и лѣтомъ, будетъ весьма значительно. Немалое значеніе будетъ имѣть торговое движеніе между Кемью и Повѣнцомъ. Число поклонниковъ въ Соловецкій монастырь, достигающее нынѣ, при совершенномъ отсутствіи удобныхъ дорогъ, до 20.000 человѣкъ въ годъ, съ устройствомъ рельсоваго пути отъ Петербурга до Повѣнца, можетъ по крайней мѣрѣ удвоиться. Безъ сомнѣнія, какъ финляндское, такъ и русское правительство не откажутъ въ гарантіи столь важному пути на дальнемъ сѣверѣ, на выгодность котораго нѣтъ поводовъ сомнѣваться въ виду тѣхъ грузовъ, ожидаемыхъ для провоза по предлагаемому пути, которые будутъ приблизительно опредѣлены ниже.

Такъ какъ къ предполагавшимся мною вначалѣ тремъ линіямъ (лит. В, С и D), по новымъ моимъ предположеніямъ прибавляются еще двѣ (лит. А

и Е), то, для большаго удобства при ознакомленіи съ этими направленіями по картѣ, я опишу географическое направленіе каждой изъ нихъ въ отдѣльности, съ обозначеніемъ общаго протяженія въ русскихъ верстахъ. Изъ этихъ пяти направленій четыре вѣтви должны проходить въ предѣлахъ Финляндіи (лит. Е, D, С и В) и двѣ вѣтви въ предѣлахъ Олонецкой и Архангельской губерній (лит. А и В).

Лит. А. Самая кратчайшая линія. Она беретъ начало въ городѣ Выборгѣ, или отъ станціи желѣзной дороги Симола, или, наконецъ, изъ г. Вильманстранда, и направляется чрезъ Иматру къ Парикральскому приходу; здѣсь обходитъ озеро Пюха-Ярви по той или другой сторонѣ, которая окажется по изысканіямъ удобнѣе; далѣе, чрезъ приходы Тохма-Ярви и Иломанцы, къ русской границѣ, откуда въ Гимольскій приходъ, Поросъ-озерской волости, Повѣнецкаго уѣзда, мимо деревень Лубосалмы и Соймогоры на протяженіи до 150 верстъ, по трудно-проходимому нынѣ лѣсному пространству къ селенію Ругозеру, отъ котораго до города Кеми считается до 130 верстъ; здѣсь, хотя и рѣдко, встрѣчаются деревушки. Протяженіе линіи лит. А составляетъ: въ предѣлахъ Финляндіи 300 верстъ и въ предѣлахъ Олонецкой и Архангельской губерній 300 верстъ, всего 600 верстъ.

Лит. В. Идетъ въ томъ же направленіи, какъ и линія лит. А до южной границы Париккальскаго прихода; потомъ, оставляя въ лѣвой сторонѣ двѣ вѣтви (лит. D и С), направляется мимо берега Ладожскаго озера, чрезъ приходы Яккимо, Сордавала, Суйстамо и Суоярви, къ русской границѣ и далѣе, чрезъ Тивдію и Повѣнецъ до Кеми. Разстояніе этой линіи: въ предѣлахъ Финляндіи 300 вер., отъ границы до Повѣнца въ прямомъ направленіи 170 вер., отъ Повѣнца до Кеми 230 вер., всего 700 верстъ.

Лит. С. Линія эта, отдѣляясь отъ двухъ предъидущихъ (лит. А и В) въ Яккимварскомъ приходѣ, идетъ по восточной сторонѣ Пюха-Ярви и обойдя съ запада Янись-Ярви, соединяется, близъ Суоярви, со второю линіею (лит. В), по которой продолжается, чрезъ Тивдію и г. Повѣнецъ, до г. Кеми. Длина этой линіи до 730 вер.

Лит. D. Линія эта держится того же общаго направленія, какъ и предъидущая (лит. С), только направляется по западной сторонѣ Пюха-Ярви, чрезъ приходы Париккала, Кезялаксы, Кидесъ, мимо завода Вяртсиля и далѣе идетъ по линіямъ (лит. С и D) на Суоярви, Тивдію и г. Повѣнецъ до г. Кеми. Длина этой линіи до 800 верстъ.

Лит. Е. Беретъ начало со станціи Давидъ-Стадтъ на Петербурго-Ригимяттской желѣзной дорогѣ, проходитъ чрезъ губернскій городъ С.-Ми-

хель, Іоройсъ и Варгаузъ до г. Іоенсу. Отсюда она можетъ быть продолжена по двумъ направленіямъ (лит. А и В): въ первомъ случаѣ, чрезъ Иломанцы, Лубсальму и Ругозеро, на Кемь и будетъ имѣть протяженія до 700 верстъ, а во второмъ—чрезъ Суоярви, Тивдію и г. Повѣнецъ, до г. Кеми, 850 верстъ.

Можетъ быть, многіе изъ читателей найдутъ сооруженіе желѣзно-паровой дороги, по предлагаемымъ мною линіямъ, въ мѣстностяхъ глухихъ, мало извѣстныхъ и рѣдко посѣщаемыхъ людьми, заинтересованными въ устройствѣ современныхъ путей сообщенія на нашемъ сѣверѣ — несбыточнымъ. Но не угодно ли будетъ недовѣрчивому читателю оглянуться назадъ, хотя бы за послѣднее десятилѣтіе. Онъ увидитъ, что сдѣланы важныя открытія и осуществились самыя громадныя и смѣлыя предпріятія даже на нашемъ дальнемъ сѣверѣ. Въ какихъ размѣрахъ развилось, напр., пароходство въ бассейнахъ финляндскихъ озеръ и рѣкъ — съ одной стороны и между устьемъ Невы и прибрежьями Онежскаго озера—съ другой! Вѣроятно подобныя предпріятія также казались въ свое время невозможными. Мы живемъ въ такую эпоху, что въ настоящую минуту не можемъ предвидѣть даже самою проницательною мыслію, какіе успѣхи сдѣлаетъ цивилизація въ нашемъ экономическомъ и

соціальномъ быту чрезъ какихъ-нибудь два, три года. Почему же намъ, жителямъ Саволаксы и Корелы, не питать надежды, что въ близкомъ будущемъ чрезъ нашъ край съ шумомъ и свистомъ помчатся локомотивы, таща за собою вереницы пассажирско-товарныхъ вагоновъ?!...

Вопросъ о возможности соединенія бассейновъ Ледовитаго океана и Балтійскаго моря искусственнымъ водянымъ путемъ настолько же важенъ, какъ и проекты о проложеніи между этими морями рельсовыхъ дорогъ, и былъ бы удобно разрѣшенъ, еслибы противъ канализаціи не стояли естественныя и экономическія преграды. Возможность вести канализацію отъ Балтійскаго къ Бѣлому морю, по моему мнѣнію, представляется всего удобнѣе чрезъ водяную систему Финляндіи, гдѣ уже существуетъ извѣстный Сайминскій каналъ и производится шлюзованіе рѣки Піелисъ-Іоги, которые должны войти въ систему воднаго пути между Балтикой и сѣвернымъ Поморьемъ. Еслибы для осуществленія водяного искусственнаго пути не встрѣчались естественныя препятствія, для преодолѣнія которыхъ необходима постройка значительнаго числа дорого стоющихъ шлюзовъ, и еслибы къ нимъ не присоединялась краткость судоходной навигаціи на сѣверѣ, то искусственное водяное сообщеніе можно бы считать, въ экономическомъ отношеніи, въ оди-

наковой степени полезнымъ и выгоднымъ съ желѣзно-дорожнымъ. Конечно, краткость навигаціоннаго времени могла бы вознаградиться другими выгодами: а) устройствомъ заводовъ для разработки естественныхъ произведеній сѣвера, который, по направленію пути отъ Балтики къ сѣверному Поморью, богатъ желѣзными рудами и другими полезными ископаемыми; б) устройствомъ лѣсопиленъ для распиловки лѣса, и в) развитіемъ, что̀ особенно важно, постройки большихъ мореходныхъ судовъ. Но, къ сожалѣнію, при всемъ добромъ желаніи отдать преимущество искусственно-водяному пути предъ желѣзно-дорожнымъ, канализація не можетъ принести существенной пользы и выгоды: во-первыхъ, потому, что существующія на Сайминскомъ каналѣ и устраиваемыя на рѣкѣ Піелисъ-Іогѣ шлюзовыя камеры мелки, узки и коротки для прохода мореходныхъ судовъ и потребуютъ для передѣлки большого капитала; во-вторыхъ, потому, что для постройки большихъ мореходныхъ судовъ недостанетъ въ районѣ канала годнаго по размѣрамъ лѣса, а постройка небольшихъ рѣчныхъ судовъ, неудобныхъ для дальняго морского плаванія, принесетъ не много выгодъ.

Безспорно, проведеніе соединительнаго воднаго пути между морями Балтійскимъ и Бѣлымъ, кромѣ выгодъ торгово-промышленныхъ и улучшенія быта

бѣднаго населенія сѣвернаго края, имѣетъ весьма важное значеніе въ политическихъ интересахъ государства. Смотря на устройство канала съ этой точки зрѣнія, позволяю себѣ указать на возможность воспользоваться, при проведеніи искусственно-водяного пути, соединеніемъ лежащихъ по его направленію естественныхъ озерныхъ бассейновъ.

Мѣстность между Бѣлымъ моремъ и Финскимъ заливомъ незамѣтно повышается отъ послѣдняго до Балтійско-Бѣломорскаго водоразмѣра — горнаго хребта Маансселькя, а затѣмъ понижается къ Бѣлому морю. Въ этомъ направленіи расположено множество озеръ, соединяющихся между собою болѣе или менѣе быстрыми рѣками и протоками, или расположенныхъ одно отъ другого въ близкомъ разстояніи. Но привести эти протоки въ удобное для прохода большихъ морскихъ судовъ состояніе хотя и возможно, но не легко: на этихъ рѣкахъ постоянно встрѣчаются пороги, то незначительные, то очень быстрые, то положительно кипучіе какъ водопады; незначительные пороги, проходя между невысокими берегами, имѣютъ большое протяженіе. Шлюзованіе ихъ обойдется чрезвычайно дорого.

Въ техническомъ отношеніи соединеніе водъ по обоимъ склонамъ водораздѣла Маанселькя не представляетъ особенныхъ затрудненій и не можетъ потребовать слишкомъ большихъ затратъ въ

тѣхъ мѣстахъ, гдѣ расположены большія озера, которыя могутъ служить запасными резервуарами для питанія канала.

Въ верховьяхъ озернаго бассейна Піелисъ, между приходами Нурмисъ и Соткамо, сходятся на близкое другъ отъ друга разстояніе истоки съ водораздѣла, изливающіеся съ одной стороны въ Финскій, съ другой—въ Ботническій заливъ; но здѣсь не имѣется удобнаго резервуара—большого озера. Почти на половинѣ протяженія озера Піелисъ, при погостѣ Ліекса, впадаетъ въ него рѣчка Ліекса, вытекающая изъ озера Панко-Ярви. Съ сѣверо-запада, въ озеро Панко-Ярви течетъ рѣчка Іонгери, которая беретъ начало изъ озера Іонгеро. Въ 3-хъ верстахъ отъ озера Іонгеро, находится озеро Савно-Ярви, которое выпускаетъ свои воды въ приходъ Кугмо. Кугмоскія воды текутъ мимо Соткамо, г. Каяны и при г. Улеоборгѣ вливаются въ Ботническій заливъ, а верхніе притоки ихъ сходятся съ озеромъ Киви-Ярви (Каменное озеро), находящимся на границѣ Архангельской губерніи. Изъ Киви-Ярви рѣчки текутъ: въ Лувозеро, Кимасъ-озеро, Нюко-озеро и далѣе въ рѣку Кемь, которая изливается въ Бѣлое море, при г. Кеми. Между озерами Іонгеро и Киви-Ярви (Каменнымъ) перешейки встрѣчаются небольшіе и имѣются запасные резервуары. Взамѣнъ этого можно избрать и другое направленіе, которое соеди-

нить три морскихъ залива: Ботническій и Финскій и Бѣлое море — чрезъ Каяну. Самое же удобное и болѣе прямое сообщеніе можетъ быть устроено изъ озера Піелисъ (при погостѣ Піелисъ или Лекса) по рѣкѣ Лексѣ, вытекающей изъ озера Лекша или Ребольскаго (въ Повѣнецкомъ уѣздѣ) и впадающей въ озеро Піелисъ. Изъ озера Ребольскаго есть возможность перейти, чрезъ небольшіе перешейки, на бѣломорскую водяную систему въ трехъ направленіяхъ:

1) Въ озеро Ровкулы, посредствомъ рѣчекъ, вытекающихъ изъ него въ озеро Ребольское.

2) Въ озеро Конгело, соединяющееся съ озеромъ Ребольскимъ. Между озеромъ Конгело и озеромъ Кемели—разстоянія 9 верстъ; оба озера довольно велики: первое — 12, послѣднее — 15 вер. Съ озера Кемели начинается теченіе въ Бѣлое море рѣкою Чиркокемь, которая у озера Ноко-озера соединяется съ рѣкою Кемь. Это направленіе изъ всѣхъ трехъ болѣе удобное и болѣе прямое.

3) Въ рѣку Пенингу, впадающую въ Ребольское озеро и соединяющуюся съ верховьями рѣки Чиркокемь. Но это послѣднее соединеніе гораздо менѣе удобно, чѣмъ между озерами Конгело и Кемели.

Въ заключеніе сообщаю статистическія таблицы: 1) о грузахъ, которые могутъ быть провозимы по

проектируемой мною желѣзно-дорожной линіи, лит. С и D. Числовыя данныя основаны на свѣдѣніяхъ, собранныхъ мною четыре года тому назадъ; 2) о стоимости и расходахъ по эксплоатаціи желѣзно-паровой дороги.

I.

О количествѣ грузовъ, которые могутъ пройти по желѣзно-дорожной линіи лит. С. и D.

а) *Съ Поморья и попутныхъ мѣстъ въ Петербургъ.*

Названіе грузовъ.	Общее число груза.	Провозная плата съ пуда.	Валовой доходъ.
	Пуд.	Коп.	Руб.
Промысловыхъ продуктовъ Бѣлаго Моря, Ледовитаго океана и привозимыхъ изъ Норвегіи въ Петербургъ .	2.000.000	50	1.000.000
Заграничной соли, съ Поморья до Повѣнца	1.000.000	15	150.000
Чугуна, желѣза и металлическихъ издѣлій, съ Олонецкихъ и Финляндскихъ заводовъ въ Петербургъ . . .	800.000	15	120.000
Ископаемыхъ: мраморовъ и проч. въ Петербургъ	100.000	15	15.000
Продуктовъ рыболовства въ прѣсныхъ водахъ и охоты, съ попутныхъ мѣстъ въ Петербургъ	600.000	20	120.000
Сельско-хозяйственныхъ продуктовъ: скота, масла, молока, посуды и пр. съ попутныхъ мѣстъ въ Петербургъ.	200.000	15	30.000
Итого . . .	4.700.000	—	1.435.000

Название грузовъ.	Общее число груза.	Провозная плата съ пуда.	Валовой доходъ.
б) Изъ Петербурга въ Поморье и Кемь.			
По свѣдѣніямъ Архангельской таможни, отпускается въ Норвегію хлѣбныхъ и др. продуктовъ 1.639.457 пуд. Положимъ, изъ этого числа пойдетъ черезъ Кемь	820.000	20	164.000
Для прибрежнаго населенія Поморья, Кемскаго и Повѣнецкаго уѣздовъ и части Финляндіи, хлѣбнаго товара и пр. продуктовъ	2.200.000	10	220.000
Въ сѣверную часть Олонецкой губерніи, колоніальныхъ товаровъ . .	30.000	20	6.000
Для верхней и нижней Кореліи, въ Финляндіи, тѣхъ же товаровъ . . .	30.000	10	3.000
Итого . . .	3.080.000	—	393.000
в) Пассажировъ:			
	Челов.	Коп.	Руб.
Въ одну сторону: Соловецкихъ богомольцевъ 30.000 чел., въ Архангельскую губернію 25.000 чел., Олонецкую губернію 15.000 чел., въ Финляндію 20.000 чел., всего	90.000	5	450.000
Обратно—то же число	90.000	5	450.000
Итого . . .	180.000	—	900.000
Всего вообще { груза .	7.780.000 п.	—	2.728.000
Всего вообще { пас. .	180.000 ч.	—	
Если же взять линію Е, которая соединитъ двѣ губерніи, то валовой доходъ можетъ увеличиться на 25% .			682.000
		Итого . . .	3.410.000

Для сравненія привожу таблицу грузового движенія и валового дохода (напеч. въ брошюрѣ „Объ устройствѣ между Бѣлымъ моремъ и Онежскимъ озеромъ усовершенствованнаго соединительнаго пути“, изд., по распоряженію г. олонецкаго губернатора въ 1875 году), по проектамъ устройства: а) канала отъ г. Повѣнца до сел. Сороки; б) желѣзно-конной дороги изъ г. Повѣнца въ г. Кемь, и в) Вытегорско-Онежской узкоколейной желѣзной дороги.

	Каналъ.		Повѣнецко-Кемская дорога.		Вытегорско-Онежская дорога.	
	Количество груза.	Валовой доходъ.	Количество груза.	Валовой доходъ.	Количество груза.	Валовой доходъ.
	Пуд.	Руб.	Пуд.	Руб.	Пуд.	Руб.
1. Продуктовъ Поморья, слѣдующихъ во внутреннюю Россію	2.000.000	120.000	185.000	—	2.500.000	450.000
2. Продуктовъ внутреннихъ губерній, слѣдующихъ въ Поморье:				460.000		
хлѣбн. и льнян.	Не опр.	110.000			3.000.000	450.000
мануф., зав. и проч.	—				500.000	
3. Пассажир.	32.000 ч.	320.000	60.000 ч.		40.000 ч.	100.000
4. Лѣсн. мат.	20.000.000	100.000	1.500.000	180.000	10.000.000	неисъ.

	Каналъ.		Новѣнецко-Кемская дорога		Вытегорско-Онежская дорога	
	Количество груза.	Валовой доходъ.	Количество груза.	Валовой доходъ.	Количество груза.	Валовой доходъ.
	Пуд.	Руб.	Пуд.	Руб.	Пуд.	Руб.
5. Пр. предм.	—	—	—	22.900	—	—
6. Перевозка грузовъ на собственныхъ судахъ и пароходахъ общества.	3.400.000	3.400.000	—	—	—	—
Итого клади пуд.	25.400.000	990.000	5.017.000	662.900	16.000.000	1.000.000
пассажир.	32.000		60.000		40.000	

II.

Стоимость дороги.

Новгородская желѣзная дорога обошлась по 19.000 р. съ версты, Финляндская—по 23.000 р. со всѣми принадлежностями и администраціею. Если взять линію E (которая, какъ выше сказано въ табл. I, соединитъ двѣ губерніи), то длина будетъ больше линіи C. D. на 50 верстъ, т.-е. всего 900 вер. Оцѣнивая ея устройство по 25.000 р. съ версты, потребуется 22.500.000 р.

Доходъ же ея будетъ какъ показано въ таблицѣ I	3.410.000 руб.
Если правительство гарантируетъ съ суммы 22.500.000 р. 5%	1.250.000 руб.
То за симъ останется на управленіе и ремонтъ	2.160.000 руб.

Я долженъ прибавить, что въ число валового дохода не принята мною весьма важная статья груза—это перевозка лѣсныхъ матеріаловъ. Количество ихъ, по громадности лѣсныхъ заготовокъ на сѣверѣ, въ настоящее время весьма трудно опредѣлить даже съ приблизительною точностію.

Восточная Финляндія и Сѣверная Корелія.

I.

Изъ путевыхъ очерковъ.

Городъ Нейшлотъ, по-фински Savonlinna, знаменитъ своею „крѣпостью Саво", которая въ 1875 году праздновала 400-лѣтній юбилей своего основанія Олафомъ Магнусономъ, почему и называлась „Саволаксы" въ старое время. Эта область занимала пространство, которое въ настоящее время

занимаютъ 1/3 Выборгской губерніи, вся С-тъ-Михельская, 2/3 Куопіоской, часть Вазаской и часть Улеоборгской. Въ финской исторіи и поэзіи выставляются самыми храбрыми саволахтинскіе обитатели; они показывали храбрость свою не только въ своей землѣ, своемъ отечествѣ, но и на поляхъ Люцена въ 1632-мъ году, шведскому королю Густаву-Адольфу, сражавшемуся противъ папства, противъ католицизма, и павшему жертвою борьбы за религію, эти саволахтинцы показывали чудеса храбрости. — Hakkaa! hakkaa Pälle! „руби, руби ихъ!“

Самый городъ Нейшлотъ, особенно крѣпость его въ старое время составила въ стратегическомъ отношеніи весьма важный пунктъ посреди Саймской водяной системы. Городъ построенъ на небольшомъ скалистомъ островѣ, съ версту длины; въ немъ почти всего одна улица. Западный конецъ соединяется мостомъ съ материкомъ, а въ восточномъ находится проливъ, довольно узкій но многоводный и достаточно быстрый. Посреди этого быстро протекающаго пролива устоялъ небольшой скалистый островокъ: вотъ на немъ-то и построена крѣпость, стараго инженернаго искусства, съ высокими башнями весьма величественнаго вида.

Во время прежнихъ битвъ городъ зачастую переходилъ то къ русскимъ, то къ шведамъ, а во

время Екатерининскихъ войнъ и говорить нечего. Я еще многихъ засталъ въ живыхъ, которые хорошо помнили Семилѣтнюю войну, также видѣли и нашего знаменитаго генералиссимуса князя Суворова. Они же разсказывали мнѣ, какъ они въ числѣ осажденныхъ находились въ крѣпости, страдали отъ недостатка воды, ибо хотя вода была вокругъ на 9 саж. глубины, но когда осажденные добывали ее, непріятель стрѣлялъ по нимъ.

Съ прибытіемъ свѣтлѣйшаго князя Суворова все измѣнилось. Взглянувъ на крѣпость, онъ сказалъ:

Городъ Нейшло́тъ
Денегъ не шлетъ.
Кругомъ вода,
Въ серединѣ бѣда.

По взятіи этой крѣпости Суворовъ сдѣлалъ пристройку для безопаснаго пользованія водою.

Въ послѣднюю войну осажденные терпѣли за неимѣніемъ соли. Купецъ Тарасовъ, современникъ этой осады, живъ еще понынѣ, хотя ему уже 96 лѣтъ.

Городъ Іоенсу, Куопіоской губерніи, лежитъ при устьѣ рѣки Піелисіеги. 40 лѣтъ тому назадъ это мѣсто было положительно глухое, называлось Піелисіеги, т. е. при устьѣ падающихъ водъ (изъ бассейна Піелисъ въ воды Саймской системы).

Прежде на мѣстѣ города стоялъ только одинъ

крестьянскій домикъ. Все различіе его отъ совершенно глухой деревни состояло въ томъ, что тутъ пролегала почтовая дорога, и черезъ рѣку Піелисъ — мостъ. У моста стоялъ магазинъ запасного зернового хлѣба и домъ для чиновника-коммисара, гдѣ онъ и жилъ. Самый городъ Куопіо тоже неважный былъ городъ, но все же губернскій. Почта въ то время, т.-е. въ началѣ этого столѣтія, проѣзжала въ двѣ недѣли разъ, и то верхомъ: брошенная черезъ плечо сумка—вотъ и вся почта.

Теперь на этомъ недавно глухомъ мѣстѣ стоитъ городъ съ двумя церквами—лютеранской и православной; имѣется таможня; уже лѣтъ 20—издается газета (одно время издавалось двѣ газеты); три банка, (правительственный и два общественныхъ), телефонъ, а телеграфъ проведенъ уже давно. Не глядя на отдаленность отъ коммерческаго міра, теперь строится желѣзная дорога, а о пароходномъ сообщеніи и движеніи и говорить нечего: нѣтъ того дня, чтобы по нѣскольку пароходовъ не приходило и не отходило; есть дни—по три, по четыре ходятъ. Также и почтовое движеніе, ежедневно приходитъ и отходитъ въ иные дни по три, по четыре раза. Имѣется нѣсколько школъ и училищъ,—въ числѣ ихъ одинъ лицей.—Не прогрессъ ли это? Не похоже ли это на Америку?!

Я еще очень хорошо помню то время, когда въ теченіе навигаціоннаго сезона полдесятокъ грузовъ, кромѣ соли и муки въ куляхъ, доставлялся въ какихъ нибудь 5—6 набойныхъ, гребныхъ лодкахъ – и довольно. Соль и мука доставлялись на парусныхъ судахъ, которыя возили доски отъ пильныхъ заводовъ къ мѣстечку Лауредцало.

Вотъ въ какую эпоху мы живемъ—не хочешь своимъ глазамъ вѣрить.

До 1849 года эта мѣстность сохраняла частицу и историческаго значенія.

Во времена бывшихъ военныхъ столкновеній между Россіей и Швеціей, начиная со временъ Александра Невскаго до нашихъ временъ, здѣсь происходили военныя стычки и небольшія сраженія.

Во время шведскаго владычества область Корелія въ отношеніи воинской повинности имѣла особыя отъ остальной Финляндіи права, а именно: Корелія не поставляла постояннаго войска. Въ случаѣ непріятельскаго вторженія въ ихъ область жители обязаны были каждый встать и вооружиться противъ врага. Важный стратегическій пунктъ здѣсь—верхній конецъ Саймской водяной системы.

А въ послѣднюю войну 1878—1879 гг. сего истекающаго столѣтія здѣсь отличился крестьянинъ, мужикъ Тіяненъ. Тутъ на городской сторонѣ рѣки была

построена батарея; на этомъ мѣстѣ даже до сихъ поръ находятъ ядра. 10 лѣтъ тому назадъ уничтожили эту батарею—прокопали каналъ для шлюзовъ, для прохода судовъ и пароходовъ впередъ, въ озеро Піелисъ.

Въ 1819-мъ году проѣзжалъ черезъ это мѣстечко царь Благословенный Александръ 1-й, который путешествовалъ по всему Олонецкому и Архангельскому сѣверу Россіи и пожелалъ кстати заглянуть въ глушь Финляндіи, какъ въ корельскіе лѣса, такъ и въ каянскія дебри.

Полагаю, что для каждаго любителя русской старины интересно будетъ узнать нѣкоторыя подробности объ этомъ путешествіи Александра Благословеннаго. 30 лѣтъ тому назадъ мнѣ разсказывалъ о немъ 80-лѣтній старикъ, служившій въ то время въ сельской полиціи чѣмъ-то въ родѣ нынѣшняго становаго или его помощника,—видный, высокаго роста мужчина, по имени Крунсъ.

„Какъ скоро черезъ губернатора пришло къ намъ объявленіе — маршрутъ Императора и вмѣстѣ съ онымъ приказъ—распоряженіе выбирать отборныхъ лошадей до ста на каждой станціи, которыхъ приводили даже изъ-за ста верстъ, моя дистанція вышла вотъ здѣсь, въ мѣстечкѣ Піелисіоки. Губернаторамъ не приказано было пріѣзжать на границу губерніи встрѣчать, а только „круну фокты“ (исправ-

никамъ) въ своихъ уѣздахъ. Свита Государя, кромѣ кухни, помѣщалась всего въ четырехъ экипажахъ. Самъ Государь ѣхалъ въ открытой коляскѣ съ графомъ Ребиндеромъ. Здѣсь былъ завтракъ въ домѣ коммисара магазина. Народу было гибель. Лошади были уже запряжены. Государь въ это время раздавалъ деньги просящимъ. Когда Онъ сѣлъ въ коляску, откуда ни возьмись женщина съ тремя дѣтьми. Царь велѣлъ Ребиндеру достать мѣшечекъ съ цѣлковыми и выдалъ по рублю. Но у женщины на рукахъ былъ грудной ребенокъ, завернутый въ лохмотья. Она выхватила ручонку изъ тряпокъ и протянула къ Государю. Государь улыбнулся, сунулъ самъ руку въ мѣшечекъ, но тамъ цѣлковыхъ не оказалось. Ребиндеръ схватилъ мѣшечекъ, поднялся, выдернулъ ящикъ и сталъ класть цѣлковые,—но такъ было неудобно, и онъ указалъ, чтобы я держалъ мѣшечекъ. Я сталъ держать—тоже какъ-то неудобно. Тогда самъ Государь сталъ держать другую сторону мѣшечка. Когда графъ Ребиндеръ, почти дополна наполнилъ его цѣлковыми, тогда Государь самъ взялъ четыре цѣлковыхъ и опустилъ на грудь завернутаго въ тряпкахъ дитяти. Женщина отъ радости зарыдала во весь голосъ. Наконецъ усѣлись и только хотѣли отправиться—вдругъ возжи запутались. Кучеръ Илья указалъ мнѣ—я въ ту же секунду поправилъ. Бла-

гословясь, покатили. Я сдѣлалъ поклонъ—и самъ Государь сдѣлалъ наклоненіе головы".

Этотъ старикъ-разсказчикъ дожилъ до 80 лѣтъ, и все гордился, что онъ не то что былъ близко Государя, но вмѣстѣ съ нимъ держалъ мѣшечекъ и при отъѣздѣ самъ Государь отвѣтилъ на его поклонъ.

На слѣдующую станцію Государь Императоръ пріѣхалъ почивающимъ въ дорожномъ экипажѣ. Народу и здѣсь было много; всѣ стояли въ отдаленіи. Въ числѣ зрителей было не мало и такихъ, которые не отказывались отъ царскаго подаянія. Графъ Ребиндеръ съ другимъ лицомъ раздавали деньги, пока закладывали лошадей,—и въ это время одна старуха, прилично одѣтая, незамѣтно отъ свиты, встала на подножку коляски и смотрѣла въ лицо спящаго Государя. Въ ужасѣ замѣтивъ это, ее стали просить сойти. Но она махнула имъ рукою и продолжала смотрѣть въ лицо Царя; затѣмъ, осѣнивъ Его знаменіемъ креста, въ видѣ благословенія, съ молитвою, не торопясь, спустилась съ подножки экипажа, со словами: „Пускай спитъ. Это сонъ и лицо не человѣческое, а ангельское". Ей стали предлагать деньги, — она наотрѣзъ отказалась, говоря: „Я 70-лѣтняя старуха, изъ-за 30 верстъ пришла посмотрѣть земного Бога, и Богъ Небесный сподобилъ мнѣ насмотрѣться на Него сколько

душѣ хотѣлось. Я теперь довольнѣе, чѣмъ бы вы меня тысячею наградили. Да благословитъ васъ Господь Богъ на дальній путь!“ — и пошла старушка, но на дорогѣ слегка обернулась, со слезами на глазахъ отъ избытка чувствъ, и крестясь простояла, пока вся свита не исчезла изъ виду.

На пути Его Императорскаго Величества изъ губернскаго города Куопіо въ самую глухую окраину Финляндіи, въ городишко „Каянъ“, пришлось пробираться по пустыннымъ мѣстамъ, по лѣснымъ дорогамъ. При одномъ переходѣ было назначено у лѣсного жителя приготовить для Царя и Его Свиты обѣдъ. Но какъ у этого жителя жилая изба была неважная и грязная, то и затруднились—какъ поступить. По близости стояла не вполнѣ достроенная конюшня; въ этой вновь строящейся конюшнѣ и былъ приготовленъ обѣдъ для Его Величества и свиты.

Это ничтожное и недостроенное зданіе, послѣ отъѣзда Царя и царской свиты, оставлено въ томъ видѣ, какъ оно находилось во время обѣда,— только придѣланы съ замкомъ двери и возобновлена—уже во второй разъ—крыша. Вотъ уже прошло болѣе 70 лѣтъ, а строеніе это хранится и чтится, какъ окрестными жителями, такъ равно и просвѣщенными особами, не меньше крестьянской избы подъ Москвою въ деревнѣ Филяхъ, гдѣ держали

военный совѣтъ герои Отечественной войны 1812 года и гдѣ рѣшилась судьба Бѣлокаменнаго града сорока-сороковъ церквей, матушки-Москвы. Не смотря на то, что въ отдаленной глухой лѣсной трущобѣ стоитъ эта знаменитая конюшня, а сотнями ежегодно стекается образованная публика, туристы, взглянуть и поклониться этой исторической святынѣ.

Разскажу и еще одинъ изъ эпизодовъ путешествія Его Императорскаго Величества Александра Благословеннаго по каянскимъ дебрямъ.—Разъ Его Величеству пришлось переѣзжать черезъ одну лѣсную рѣчку. Лодочка для переправы случилась слишкомъ мала,—только три человѣка могли въ ней помѣститься. Когда Государь сталъ входить въ лодочку, мужикъ повернулъ кормовую часть къ берегу и сталъ придерживать, чтобы не такъ качалась и удобнѣе было Государю войти. Когда Государь вошелъ, графъ Ребиндеръ велѣлъ войти мужику, потомъ самъ графъ присѣлъ на кормѣ лодочки. Лодочка отвалила отъ берега, но по узкости и качкости лодки мужикъ никакъ не могъ пройти мимо Государя къ весламъ, а теченіемъ лодочку начало нести внизъ. Нечего дѣлать, Государю пришлось самому сѣсть къ весламъ и грести, графъ правилъ, а мужикъ бариномъ стоялъ посреди лодки. Смѣхъ и хохотъ! И самъ Государь смѣялся, и вся свита хохотала. Государь всталъ

съ лодки, кричитъ князю Волконскому: „Сколько заплатишь? я за тобою пріѣду“.

Потомъ пришлось Государю со свитою переѣзжать черезъ одно большое озеро. Была приготовлена большая лодка и требовалось много гребцовъ, въ числѣ коихъ находился одинъ мужикъ, который жилъ отдаленно въ глуши лѣса, почему окольные жители стали называть его „Кесаремъ“ этой лѣсной пустыни. Во время гребли мужики-гребцы подшучивали: „Вотъ теперь у насъ въ этой лодкѣ два Кесаря“. Нѣкоторыя лица изъ свитскихъ услышали это и черезъ ближнихъ Государя шутя передали Ему: „здѣсь съ нами ѣдетъ другой Кесарь; вонъ тотъ гребецъ-мужикъ называется Кесаремъ“. Государь, узнавши это, спросилъ: „Правда ли, что ты Кесарь?“ Не растерявшись, мужикъ отвѣтилъ: „Правда, Ваше Императорское Величество: надъ мухами да надъ комарами этихъ лѣсовъ!“—и указалъ рукою на лѣсную даль:—„такъ меня противъ воли эти зубоскалы прозвали“.

II.

Изъ воспоминаній о моемъ пребываніи на дальнемъ сѣверѣ.

Поживши-прослуживши лѣтъ пять въ глуши Финляндіи близъ города Нейшлота, на заводѣ Вуогала, — гдѣ болѣе или менѣе мнѣ приходилось быть въ разъѣздахъ, — я успѣлъ хорошо познакомиться съ финскою жизнью, обычаями и нравами, которые нисколько не сходятся съ корельскими. Хотя оба народа одного племени, живутъ рядомъ и нарѣчіе во многомъ у нихъ сходное, все-таки я, пріѣхавши, почти ничего не понималъ, но въ теченіе полугода уже вполнѣ владѣлъ и рѣчью, и письменностью.

Въ одеждѣ, въ домостройствѣ и ежедневной обиходной хозяйственной жизни—большое различіе. Напримѣръ, возьмемъ корельскую женщину-хозяйку: она, какъ скоро утромъ встанетъ, тотчасъ печку затопитъ, т.-е. около 2—3 часовъ утра. А финскія хозяйки печку въ полдень топятъ. Такъ и вообще во всѣхъ хозяйственныхъ мелочахъ замѣтно различіе, особливо у тѣхъ кореловъ, которые еще совершенно не отдѣлились отъ сплошной своей націи. Главное, что раздѣляетъ финновъ и кореловъ въ

духовномъ, нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ, это—вѣра: финны—лютеране, а корелы—православные. Корелы—истые русскіе, по какимъ бы то ни было случаямъ поселившіеся въ Финляндіи; какъ я уже въ первыхъ моихъ описаніяхъ высказался, это—сѣмя русской народности, попавшее на камень: ибо самое дорогое—свой государственный и природный языкъ—забываютъ. Прости имъ Аллахъ—не вѣдаютъ бо, что́ творятъ...

Какъ я уже упомянулъ въ моей автобіографіи, лѣсозаводчики-хозяева намѣревались отправить меня на дальній сѣверъ для изслѣдованія богатства хвойныхъ лѣсовъ.

Въ исходѣ пятаго года моего служенія по лѣсопромышленной части въ Финляндіи, наконецъ окончательно было мнѣ приказано отправиться. Отправляясь въ путь, я взялъ себѣ въ товарищи одного молодого финна, который передъ тѣмъ жилъ и учился въ Петербургѣ и хорошо зналъ по-фински и по-русски. Вотъ мы и отправились. До русской границы по Финляндіи пришлось пробираться цѣлыхъ 400 верстъ.

О! то время и нынѣшнее! Да впрочемъ и не мудрено: между ними промежутокъ—слишкомъ 60 лѣтъ. Какая разница въ бытовой жизни произошла въ Финляндіи, т.-е. въ какомъ цвѣтѣ тогда и теперь культура—это никоимъ образомъ невозможно

передать другому нагляднымъ образомъ,—даже своимъ глазамъ не вѣрится, особенно за послѣднюю исходящую четверть сего столѣтія. Гдѣ теперь эти разбросанныя одиночныя избы съ дымовыми трубами и крайне безобразной постройки?! Нынѣ по крайней мѣрѣ въ 6 разъ умножилась разбросанность по-одиночкѣ жителей въ глуши лѣсовъ, но не видать ни дымовыхъ избъ, ни безобразныхъ строеній. Если нынѣшнія постройки не напоминаютъ величественностью прежнихъ мызъ, то превосходятъ ихъ современнымъ вкусомъ и красотою архитектуры. И вѣдь этихъ построенныхъ въ симетріи жилыхъ комнатъ и прочей службы—множество! Все стараются поставить отдѣльно; даже у нѣкоторыхъ комнаты для пріема гостей построены отдѣльно: надо пройти черезъ дворъ; конюшня—отдѣльно; изба для лошадей, гдѣ рубятъ отруби и поятъ ихъ заготовленнымъ въ бочкахъ растворомъ,—отдѣльно; хлѣвъ для коровъ стараются дѣлать очень просторный, даже изъ обтесаннаго камня; большею частью у порядочныхъ крестьянъ и у мызниковъ скотный дворъ стоимостью отвѣчаетъ за всѣ строенія, вмѣстѣ взятыя, съ жилымъ или городскимъ домомъ. О банѣ и говорить нечего: она ставится отдѣльно и довольно далеко; также и рига, и хлѣбный амбаръ,—бываетъ даже ихъ два,—тоже отдѣльно; потомъ у нихъ взято строить маленькія амбарушки, штукъ до десяти и болѣе, въ которыхъ члены хо-

зяйской семьи, особенно женскій полъ, держатъ свое платье и въ нихъ спятъ отъ ранней весны до поздней осени: замужнія—съ мужьями и съ маленькими дѣтьми, а дѣвушки—отъ 14 лѣтъ—уже имѣютъ отдѣльно свою амбарушку, гдѣ каждая развѣшиваетъ свое платье и спитъ одна,—не то что хозяйскія дочери, но и служанкамъ каждой дается отдѣльное помѣщеніе, гдѣ спать и держать свое платье. У зажиточныхъ крестьянъ имѣется служанокъ-работницъ до трехъ, даже до пяти человѣкъ; столько же имѣется и работниковъ; послѣдніе — годовые, а въ лѣтнее время, особенно во время сѣнокоса и жатвы, держатъ ихъ десятками. Работникамъ не дается особенныхъ для спанья помѣщеній; они и хозяйскіе сыновья спятъ гдѣ попало—въ избѣ, на сѣновалѣ, а зимою спятъ на полу въ избѣ.

Такъ ведется въ Кореліи и Саволаксѣ, а въ Новой Финляндіи, Абоской и Бьернеборгской губерніяхъ работники спятъ въ избѣ, гдѣ къ стѣнамъ придѣланы шкафики, какъ на корабляхъ.

До перваго десятилѣтія сего столѣтія въ Саволаксѣ и въ Кореліи крестьянское землевладѣніе во многомъ сходно было съ нашимъ: какъ и въ Россіи, оно было болѣе или менѣе общественное. Владѣтели земли жили, какъ у насъ въ Россіи, небольшими деревушками; но съ незапамятныхъ временъ умножившемуся населенію наконецъ стало тѣсно. Въ самыхъ первыхъ

годахъ сего столѣтія приступили уже къ общему раздѣлу. Безъ сомнѣнія были огромныя пространства лѣсной площади—вотъ и приступили къ отрѣзкѣ по площадямъ этой глуши; эти лѣсные участки отрѣзывались за 10, 20, 30, даже за 50 верстъ. Сколько при этомъ было споровъ, сколько судебныхъ процедуръ! По отрѣзкѣ и полномъ присвоеніи, сперва они пользовались крупнымъ пиловымъ лѣсомъ—продавали его лѣсопильнымъ заводамъ, потомъ дѣлали подсѣки, приступали къ осушкѣ и очисткѣ болотъ, къ чему само правительство поощряло и понуждало, давая большія ссуды безъ возврата или погашая ихъ процентами. (Пора бы и относительно русскихъ крестьянъ сдѣлать то же самое!)

Для одного семейства отъ 3-хъ до 7-ми душъ отмежевывались участки (гематъ) отъ 300 до 600 десятинъ, смотря по удобству и достоинству почвы. Всего болѣе цѣнятся сѣнокосные луга; если такихъ не подходило сплошь въ одинъ отрѣзокъ, то отрѣзывали вдалекѣ—за 10, даже за 20 верстъ. И для полей тоже выбиралась цѣнная, доброкачественная почва, уже во время межеваній, землемѣромъ и членомъ, спеціально знающими выбранное для полей и для постройки дома мѣсто. Съ малыми средствами крестьянинъ сперва строитъ баню, ригу, и такъ далѣе исподоволь, сколько средства позволяютъ; главное—раздѣлать, очистить и удобрить поля. А

болѣе зажиточный сразу начинаетъ и поля раздѣлывать, и домъ съ остальными службами строитъ. Года черезъ два-три это лѣсное, глухое мѣсто выглядитъ издалека маленькою деревушкою, хотя въ цѣломъ семействѣ всего три души. Эта разбросанная постройка имѣетъ и хорошія, и дурныя стороны: хорошо—въ случаѣ пожара, а дурно особенно зимою, во время вьюги, метели и осенью въ темныя ночи. Но за то холостымъ молодымъ людямъ какое удобство! Какое удобство сосѣднимъ молодымъ парнямъ для любовныхъ интригъ и похожденій, даже завѣдомо отца и матери дѣвушки! (Выше я разсказалъ о здѣшнемъ обычаѣ давать отдѣльное помѣщеніе каждой молодой дѣвушкѣ на всю весеннюю и лѣтнюю пору). Почему нерѣдко случается въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ и бракосочетаніе, и новорожденіе; бываетъ— я знаю полдесятокъ случаевъ—въ одни и тѣ же сутки бракосочетаніе и новорожденіе. За то нарушеніе брачнаго союза—большая рѣдкость.

Въ Кореліи все наоборотъ, и въ нравственномъ отношеніи, и въ отношеніи домостройства. У корела все подъ одною кровлею,—развѣ у болѣе зажиточныхъ хлѣбный амбаръ отдѣльно, да для лошадей конюшня; остальное все подъ тою же крышею. О ригѣ и банѣ и говорить нечего: всегда должны ставиться отдѣльно; онѣ болѣе или менѣе общія. Впрочемъ корелы рѣдко ходятъ въ баню—разъ-два

въ недѣлю, а финны—каждый вечеръ, даже въ праздничные дни.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу о нашемъ путешествіи. Мы пробирались самою окраиною сѣверо-восточной Финляндіи цѣлыхъ 400 верстъ до самой границы; это близъ полярнаго круга.

Замѣчательно, что когда мы подошли къ Финляндской границѣ, тутъ у самой границы, въ глухой лѣсной мѣстности стояла убогая избушка съ бѣдною и грязною обстановкою, какія тогда вообще приходилось встрѣчать по дорогѣ. Просѣкъ границы довольно широкъ, въ сплошномъ глухомъ лѣсу дальняго сѣвера, удаляясь въ обѣ стороны широкою полосою. Глядя вдаль этой прорубленной въ дикомъ, необитаемомъ лѣсу полосы, мною невольно овладѣло глубокое раздумье. Я зналъ, что южный конецъ линіи упирается или, правильнѣе сказать, беретъ свое начало съ берега Ладожскаго озера, первоначально проходя между корельскихъ деревушекъ, наконецъ врѣзывается въ безбрежные дремучіе лѣса сѣвера, за что и не жалуютъ его мѣстные обитатели этихъ лѣсовъ, сѣверные медвѣди, не привыкшіе къ западной культурѣ. Я не сводилъ глазъ съ этой сѣверной линіи... Чего этой линіи не приходилось слышать и видѣть: и вой волковъ, и ревъ медвѣдей! наконецъ, не доходя до береговъ вѣчно бушующаго Ледовитаго океана, она встрѣ-

тила царство мирныхъ обитателей — быстроногихъ оленей — и остановилась! Но все-таки этой линіи въ концѣ концовъ пришлось переходить отроги нордъ-капскихъ скалистыхъ возвышенностей, откуда хотя и издалека, но слышны и видны вѣчно шумящія, гигантскія волны Ледовитаго океана съ мореплавающими обитателями, съ китами-великанами, съ ледяными горами, управляемыми бѣлыми медвѣдями, освѣщаемыми сѣвернымъ сіяніемъ. А зимнія стужи, вьюги, мятели, бури, непогоды съ трехъ-мѣсячными ночами, 4-хъ-мѣсячными зорями... А лѣтомъ — нѣсколько недѣль незаходящее солнце, цѣлыхъ полгода — свѣтлыя ночи, такія свѣтлыя, что можно всѣхъ спящихъ рыбъ на днѣ озера сосчитать!

Отъ пограничной линіи мы прошли верстъ 5, когда вдругъ представилась на берегу красиваго озера деревня, такъ дворовъ 8, и напомнила мою родину, и будто какъ повѣяло на меня роднымъ воздухомъ... Не смотря на то, что 5 лѣтъ прожилъ въ средѣ финляндцевъ, совершенно при другихъ условіяхъ жизни и народнаго обращенія, я сейчасъ узналъ знакомый образъ жизни и житейской обстановки, напомнившій мою юность, и съ волнующимъ чувствомъ вошелъ въ домъ болѣе зажиточнаго жителя. Поднимаюсь по лѣстницѣ (это значитъ въ теченіе 5 лѣтъ первый разъ довелось подниматься по вы-

сокимъ лѣстницамъ, такъ какъ въ Финляндіи вообще жилыя строенія всѣ низкія), вхожу въ сѣни,—такъ и обдало родиною! Вхожу въ избу — еще болѣе мнѣ напоминаетъ мой край: чисто, свѣтло, родной разговоръ чуть замѣтнымъ разговорнымъ акцентомъ. Хозяинъ проситъ въ другую горницу. Что̀ же вижу? Полы крашены, стѣны обиты шпалерами, въ переднемъ углу образа въ красивыхъ кіотахъ... При видѣ всего этого поднялись воспоминанія, чувства дѣтски-юношескаго возраста въ родномъ краю,—такъ и заработало сердце... Чуть не прослезился!

Хозяйка засуетилась; вскорѣ на столѣ появились кофейникъ, самоваръ и состряпанные пирожки. Корельская стряпня всѣхъ богаче и разнообразнѣе. У хозяина два сына въ Финляндіи ведутъ мелочную торговлю, четыре работника въ разносчикахъ. Также торопливо приготовили намъ обѣдъ, наварили, нажарили свѣжей, хорошей рыбы, безъ малѣйшаго съ нашей стороны приказа или просьбы. Хотя отъ моихъ родныхъ полей дальше къ сѣверу, безъ малаго 500 верстъ, а чувства признавали близкой родиною [1]). Здѣсь пробыли мы безъ малаго сутки.

---

[1]) Еще въ юности, помню, мнѣ говорили, что эти мѣста, гдѣ я теперь находился—на такомъ отдаленномъ сѣверѣ, что считаются дикою Лапландіею, гдѣ питаются, ѣдятъ что̀ попало: издохшій скотъ—такъ сырьемъ, какъ собаки, и т. п. Что же? Чѣмъ дальше, тѣмъ де-

Отсюда уже спеціально приготовился я къ развѣдыванію лѣсовъ сѣвера и сплавныхъ путей, а также обязательно долженъ былъ развѣдать въ границахъ Финляндіи пиловые лѣса и сплавы; но это было сдѣлано пока поверхностно, мимоходомъ; я разсчитывалъ при обратномъ пути болѣе подробно изслѣдовать и описать. Достали двухъ провожатыхъ съ лодкою; один изъ нихъ съ страшно израненною щекою, — довольно пожилой, но бодрый. Хозяинъ рекомендовалъ его прославленнымъ первымъ охотникомъ въ околоткѣ: верстъ 200 въ окружности зналъ онъ каждое лѣсное озеро, каждый боръ, каждую лѣсную рѣчку, а въ большихъ рѣкахъ зналъ поименно каждый порогъ, даже за водораздѣлъ до Бѣлаго моря. Не то что вся сѣверная Корелія до Бѣлаго моря его знали, но въ пограничныхъ трехъ приходахъ, въ Финляндіи, знали его какъ неустрашимаго перваго охотника на медвѣдей, подъ прозваніемъ: „Lahen Ivana“ (лахтинскій Иванъ). Другого проводника звали Гавриломъ. Такъ какъ я плохой охотникъ, то и не обратилъ вниманія на спеціальныя познанія и похожденія въ сѣверныхъ лѣсахъ за оленями и за медвѣдями „лахенъ Иванаа“, какъ финны и корелы его называли.

ревни больше и населеннѣе; есть много двухъ-этажныхъ домовъ, тесомъ обшитыхъ и выкрашенныхъ. О пріемѣ, угощеніи и говорить нечего; на столѣ—русскія и финскія газеты.

Хотя изъ кореловъ многіе говорятъ по-русски, но мнѣ удались оба провожатые: не умѣли по-русски ничего. Первый день пришлось сдѣлать переѣздъ верстъ 40 почти на половину озерами, на половину рѣкою, и во многихъ мѣстахъ, чтобы обозрѣвать лѣса, пришлось бичевкою подниматься у пороговъ. Первую ночь провели въ деревнѣ; на второй день, такъ какъ путь лежалъ опять на половину рѣкою, на половину озерами, ночевать пришлось у богатаго, почтеннаго крестьянина, все семейство котораго говорило хорошо по-русски, даже было два журнала на столѣ. Какъ обстановка, такъ и обращеніе нисколько не уступали любому купеческому дому въ уѣздномъ городѣ.

Отсюда дальше пришлось переправляться все болѣе по мелководнымъ рѣчкамъ, для чего я долженъ былъ взять третьяго парня, мальчугана. Третьи сутки тоже пришлось идти рѣкою и озерами, и также въ деревнѣ провести ночь, хотя не въ такомъ важномъ домѣ, но все-таки подъ кровлею. Эта деревня была послѣдняя на здѣшнемъ скатѣ, отъ которой прямой линіею черезъ водораздѣлъ переваль считается въ 60 верстъ. Такъ какъ большею частью вообще корельскія деревни бываютъ при озерахъ, и эта деревушка находилась при порядочно большомъ озерѣ, въ которое спускались три рѣки: одна позначительнѣе, а двѣ такъ себѣ. Вотъ мы выбрали

одну изъ послѣднихъ—и для ногъ легче, и по обѣимъ сторонамъ также хорошо можно лѣса осмотрѣть, а главное—сплавной путь.

Такъ какъ нами предполагалось осмотрѣть площадь лѣсовъ и сплавъ, то требовалось цѣлую недѣлю провести въ лѣсу; поэтому необходимо было запастись провіантомъ. Мужики только и твердили: „запасайтесь только хлѣбомъ и солью, а о приваркѣ заботиться нечего". — „Откуда же мы его возьмемъ?" — „Вотъ вопросъ, откуда! когда въ вашей власти лѣса—озера, озера—лѣса!" На случай взяли на прибавокъ еще хлѣба, какой случился; остальная провизія была съ собою: кофе, чай, сахаръ, крупа. Отправились. Пришлось по озеру ѣхать верстъ 8, но мы въ двухъ мѣстахъ выходили лѣса смотрѣть, потомъ вошли въ рѣчку. Между тѣмъ солнце садилось за лѣсъ, отъ озера поднялись по рѣчкѣ не болѣе полверсты. Вечеромъ комары гораздо лютѣе нападаютъ и лѣзутъ въ глаза. Я и говорю мужикамъ: какъ же мы спать будемъ? комары не даютъ покоя, совсѣмъ заѣдятъ. Иванъ усмѣхнулся, сказалъ: „не безпокойтесь", и въ ту же минуту завернулъ лодку къ берегу носомъ. „Вылѣзай, притяни лодку къ берегу! здѣсь намъ удобно ночевать". Мы, слыша это, обрадовались, и поспѣшили на берегъ. Не успѣли вступить на берегъ, какъ насъ обступила туча комаровъ—глазъ открыть невозможно. Отбиваемся отъ комаровъ. „Хорошее же

мѣсто выбралъ, Иванъ! еще похваляешься!“ — „Это, говоритъ, ничего; будемъ спать гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ деревняхъ проваживали ночи“, взялъ топоръ, что-то еще изъ лодки, и, что-то сказавъ Гаврилу, толкнулъ лодку, а самъ куда-то пропалъ. Мы между тѣмъ съ товарищемъ разговариваемъ, а сами отбиваемся отъ комаровъ, что есть мочи, и не замѣтили, куда лодка ушла, куда самъ Иванъ исчезъ. Притомъ видимъ, что самое мѣсто положительно невозможное: ни огня разложить, ни улечься, особенно въ этомъ самомъ мѣстѣ трава вышиною по грудь, притомъ и берегъ очень крутой. Я говорю товарищу: „Что же намъ остается дѣлать? положительно на съѣденье комарамъ осуждены! Такой тихій, красивый вечеръ и кругомъ трава, и у самой рѣчки, гдѣ всѣ шансы комарамъ нападать на людей“. Мы машинально стали подниматься отъ берега рѣчки, и вскорѣ разглядѣли между травою тропу, чуть замѣтную. Какихъ-нибудь шаговъ пятнадцать сдѣлали, поднялись на кряжъ — вдругъ передъ нами предсталъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, шалашъ, и около шалаша возится нашъ герой, Иванъ. Крышка шалаша сдѣлана въ два ската; въ серединѣ крыши отверстіе, подъ отверстіемъ мѣсто для огня — варить и жарить, а по сторонамъ — мѣста для спанья: пальца на два — на три толщины стараго сѣна. У Ивана по пруту въ рукахъ, и онъ барабанилъ ими что есть

мочи подостланное для спанья старое сѣно. Дѣлая все это быстро, онъ собралъ два клочка сѣна—одно сухое, другое полусырое, положилъ на середину, зажегъ, самъ торопливо вышелъ, припёръ двери вплотную и сверху закрылъ отверстіе, потомъ, живо схвативъ топоръ, ушелъ въ лѣсъ. Ѣдкій дымъ началъ изъ скважины выходить наружу, и мы въ ту же минуту почувствовали облегченіе отъ комаровъ.

Мы стали подвигаться ближе къ стѣнѣ шалаша, я прислонился къ двери, а товарищъ къ крышѣ; ведемъ между собою разговоръ и видимъ—изъ лѣсу нашъ герой несетъ цѣлую охапку толстыхъ сучьевъ. Не успѣлъ товарищъ и трехъ словъ вымолвить, какъ отскочилъ въ сторону: „змѣя, змѣя!“ Услышавъ это, Иванъ бросилъ ношу, подбѣжалъ къ намъ: „Гдѣ? гдѣ?“ —„А вонъ, на крышѣ“. Дѣйствительно, на крышѣ шалаша сидѣла порядочно большая черная змѣя. Чуть двигаясь, Иванъ схватилъ прутъ въ палецъ толщиною, ножомъ раскололь его съ одного конца въ видѣ клещей и всадилъ змѣѣ въ шею со словами: „У васъ есть ружье; не желаете ли, я ее вгоню въ ружье?“ — „Что̀ же изъ этого будетъ? Во-первыхъ, она, сама не войдетъ, и ты не сможешь ее загнать, а во-вторыхъ, какая въ томъ польза и какъ ты ее оттуда потомъ выгонишь?“ — „Очень просто: выстрѣлимъ и выйдетъ, такъ что своихъ не узнаетъ“. — „А если лопнетъ ружье?“ — „Не лопнетъ,

будьте покойны, а за то твое ружье будетъ цѣннѣе". — „Почему?"—„Потому что тогда ружье получитъ другую силу". — „Какую?" — „Тогда раненыхъ не будетъ: сколько бы ты ни стрѣлялъ, хотя одна дробинка попадетъ — положимъ, хоть въ оленя— долженъ умереть. И этому ружью худой глазъ не пристанетъ (т. е. не сглазитъ), а это очень важно". —„Ну, я ничему этому не вѣрю, это все басни, одни пустяки. Но если тебѣ такъ хочется, попробуй, а я посмотрю".

Несчастная змѣя тѣмъ временемъ начала сильнѣе вилять и извиваться; угаръ или чадъ вышелъ изъ головы ея. Къ тому же и лодочка подъѣхала. Иванъ началъ кричать: „Принесите ружье". Ружье принесли, разрядили. Иванъ положилъ по своему зарядъ и, положивъ ружье на землю, сунулъ голову змѣи въ дуло и началъ прутиками бить змѣю, затѣмъ выхватилъ клещи, или расколотый прутикъ, изъ шеи, и дѣйствительно змѣя вошла въ дуло ружья. Тогда онъ поднялъ ружье и далъ мнѣ: „Вотъ возьми, стрѣляй!" Но я сказалъ: „И не подумаю стрѣлять, да и тебѣ не позволю, потому что разорветъ ружье, ранитъ людей и даже можетъ убить". Онъ мнѣ на это ни полслова; но между разговорами отвернулся, наставилъ ружье—раздался выстрѣлъ, и что же?— змѣя въ отвратительномъ видѣ перелетѣла черезъ рѣчку. Товарищъ мой даже ахнулъ; я вздрогнулъ.

Иванъ подалъ мнѣ ружье. „Вотъ тебѣ[1]), стрѣляй, теперь не промахнешься и худой глазъ не пристанетъ". „Развѣ это имѣетъ силу?" — „Да какъ еще! Я могу сотни примѣровъ тебѣ показать и разсказать". Мальчуганъ крикнулъ: „Вода кипитъ". Мы съ товарищемъ бросились къ складу провизіи, взяли чаю и что нужно для чаепитія.

Иванъ началъ возиться съ убитыми за день тремя утками, уже выщипанными; очистивъ и вынувъ внутренности, онъ велѣлъ мальчугану выполоскать въ рѣкѣ, потомъ всадилъ на палку и сталъ на огнѣ печь или жарить, пока мы пили чай. Затѣмъ мы принялись насыщаться вареною ухою и рыбою. Къ тому времени и утки испеклись; раскрошили ихъ на мелкія части, положили въ котелокъ и маслица подбавили, подержали недолго на огнѣ—и жаркое готово. Угощались мы внутри шалаша, потому что тамъ комары не безпокоили. Хотя уже было 11 часовъ, но ночь была свѣтла какъ ясный день. Стали укладываться спать; я сталъ спрашивать: „Для чего же этотъ шалашъ и кто его построилъ?" — „Это жители той деревни, изъ которой мы послѣдній разъ выѣхали". — „Что же они здѣсь дѣлаютъ? вѣдь отъ нихъ будетъ сюда 20 верстъ съ барышкомъ". — „О, батенька! здѣсь на сѣверѣ разстояніе ни во что не

[1]) Корелы всѣмъ говорятъ „ты". А англичане даже ближнимъ друзьямъ своимъ—„вы".

считается. Здѣсь близехонько озеро, а весною осенью рыбаки ходятъ рыбу ловить; впрочемъ, тутъ есть луга, — вотъ скоро придутъ и сѣно косить. Ахъ, да, между прочимъ, Гаврило, сбѣгай-ка: вѣрно въ скирдахъ сколько нибудь оставлено сухого сѣна — принеси-ка, для господъ мягче спать!“ Гаврило возвратился черезъ нѣсколько минутъ съ охапкою сухого сѣна; разостлали подъ нами, мы разлеглись, но Иванъ еще продолжалъ говорить: „Знаете ли, господа, здѣсь выспитесь гораздо лучше, чѣмъ у васъ въ комнатѣ на перинахъ“. — „Можетъ ли это быть?“ — „Сущая правда“, продолжалъ Иванъ доказывать свою мысль: „вмѣсто того, что вы дома на мягкихъ перинахъ проспите 6 часовъ, а здѣсь вы проспите безъ пробуды 16 часовъ. Особенно среди лѣта, въ жаркіе дни. Не хотите ли попробовать?“ Я отвѣчалъ, что я такой малосонный, что мнѣ довольно 4, 5 и 6 часовъ—и то уже много. „Попробуемъ; я васъ не буду будить“. — „Хорошо, не будите“. — „Но тогда намъ съ Гавриломъ придется дѣлать для васъ нѣкую жертву: мы должны отсюда выйти спать наружу въ лѣсъ, отдать себя на съѣденье комарамъ. Намъ, старымъ людямъ, не придется такъ долго спать; если мы будемъ ходить, отворять дверь, войдетъ свѣтъ, тогда потеряется сила магнетизма ко сну. Дѣлать нечего, попробуемъ“. Иванъ и Гаврило взяли, что нужно, и вы-

шли изъ шалаша, насъ заперли и закупорили; даже маленькія отверстія—и тѣ позатыкали. Мы остались положительно въ гробовой темнотѣ. Сперва немного было страшно,—боялись змѣй; но наконецъ Морфей принялъ насъ въ свои объятія, и мы уснули. Хотя я съ малолѣтства былъ малосонный, рѣдко случалось проспать 6 часовъ безъ пробуды. Но что же здѣсь оказалось: когда мы проснулись, было уже 11 часовъ дня. И то Иванъ и Гаврило стали ходить около дверей, а то и еще бы проспали. Мы стали удивляться этой „силѣ". Иванъ пустился въ объясненія: „Вы не думайте, что это такъ во всякое время года; вовсе нѣтъ. Это только три лѣтніе мѣсяца: іюнь, іюль и августъ, и то если жаркіе дни".

Они успѣли за это время наловить рыбы, настрѣлять утокъ, приготовить кофе. Иванъ говоритъ: „Вотъ тутъ сейчасъ есть большой сосновый боръ; пока изъ утокъ приготовляютъ жаркое, мы можемъ сходить посмотрѣть". Филатъ тому и радъ: хорошо что напомнилъ, — для того вѣдь мы и путешествуемъ. Я взялъ, такъ себѣ, машинально, ружье и говорю: „На борахъ бываютъ рябчики и глухари; послѣ твоего волшебства попробую ружье". Иванъ одобрилъ эту мысль. И онъ, конечно, взялъ свою винтовку. Зарядили и пошли дальше. Дѣйствительно, боръ оказался богатымъ соснами; при солнечномъ сіяніи ихъ стройные стволы такъ кра-

сиво глядѣли,—ни за что не хотѣлось выйти: такъ бы все и наслаждался этою растительною картиною сѣвернаго богатства. То-и-дѣло, валяясь отъ жары въ пескѣ, порхали рябчики. Глухари тяжело перелетали съ одной сосны на другую; единственное ихъ питаніе — иглы хвои. Какъ видно, легко было застрѣлить любого изъ рябчиковъ и глухарей десятками, — но куда ихъ положить? Какъ только гдѣ-нибудь порхнетъ рябчикъ или глухарь, Иванъ сейчасъ же указывалъ рукою: „вотъ-вотъ, стрѣляй!“ — Я наконецъ рѣшился сдѣлать ему удовольствіе, прицѣлился въ рябчика — упалъ! Иванъ обернулся ко мнѣ съ сіяющимъ лицомъ: „Вотъ видишь! даромъ что такое разстояніе“. Прошли еще съ полъ-версты—вдругъ цѣлая группа рябчиковъ — поднялись и сѣли на сучья сосенъ. Иванъ опять сталъ упрашивать: „попробуй еще!“ Ну, что же дѣлать, я прицѣлился — два рябчика упали. Иванъ даже заплясалъ отъ радости. „Вотъ, видишь, не правда ли? теперь тебѣ надо въ глухаря стрѣлять“. Не долго пришлось ожидать, какъ глухарь съ тяжелымъ полетомъ поднялся съ земли, усѣлся на вершинѣ сосны и кокетливо оглядывалъ все вокругъ себя. Иванъ такъ и затрясся, схватилъ съ плеча винтовку, вертитъ въ рукахъ, самъ шепчетъ: „Экъ его угораздило на самую высокую сосну! Моя-то винтовка хватитъ, а я желалъ бы, чтобы

ты своимъ ружьемъ повалилъ его!“ Мы все еще подвигались ближе, но глухарь что-то слишкомъ началъ поднимать голову. Иванъ говоритъ: „Чтó будетъ, тó будетъ—попробуй прицѣлиться“. Ну, что дѣлать, — прицѣлился: пли! раздался выстрѣлъ — глухарь съ грохотомъ полетѣлъ внизъ. Иванъ просто подпрыгнулъ и побѣжалъ. А глухарь встрепенулся-было, хотѣлъ отлетѣть, но тутъ же упалъ, хотя все-таки долго боролся съ Иваномъ и расклевалъ ему до крови руки. Наконецъ Иванъ переверяулъ ему шею и спину и просадилъ ножемъ. „Посмотрите, какой огромный!“ — Я ему отвѣтилъ: „Все-таки меньше твоихъ медвѣдей, что ты на своемъ вѣку убивалъ“. Товарищъ мой засмѣялся. Между тѣмъ Иванъ, укладывая рябчиковъ и глухаря въ мѣшокъ, говоритъ: „Видишь, какъ твое ружье будетъ валить дичь! Еще вчера изъ трехъ выстрѣловъ сдѣлалъ два промаха, а сегодня вотъ какъ!“ — „Вѣрно, вѣрно, не отвергаю твоего волшебства; да будетъ оно отъ нынѣ до вѣка въ охотническомъ обществѣ! да прославится на вѣкъ твое безсмертное имя мѣткой стрѣльбой, какъ имя Вильгельма Телля“.

На возвратномъ пути разъ десять случай былъ воспользоваться подстрѣлить рябчиковъ, глухарей. Но самъ я не хотѣлъ и Ивану не позволялъ: зачѣмъ безъ нужды истреблять бѣдную птицу, когда у насъ достаточно было запасу?!

Возвратившись къ нашему ночлегу, мы нашли приготовленный обѣдъ. Жара была такая, что мы съ товарищемъ пошли до обѣда купаться. Пошелъ и Иванъ съ нами. Раздѣлись. Боже мой! какъ взглянули мы на тѣло Ивана, такъ и ахнули! Все оно было такъ изуродовано, что намъ сдѣлалось страшно: на одной ногѣ въ икрахъ вырванъ совершенно клокъ мяса; спина измята какими-то пригорками и такъ заросла; на рукахъ также мясо бугорками заросло; на головѣ нѣсколько широкихъ шрамовъ; одна часть головы безъ волосъ, а ротъ и щека стянуты были къ лѣвому уху. Эту щеку и голову мы при первомъ свиданіи замѣтили, конечно, сразу и тогда же спросили. Онъ намъ лаконически отвѣтилъ: „это медвѣдь царапнулъ“. Мы думали—случайно, разъ какъ-нибудь, а на самомъ дѣлѣ такихъ случайныхъ царапинъ въ его охотнической жизни было болѣе дюжины. Одѣлись, пошли къ шалашу; идучи, я спрашиваю: „Иванъ, отчего у тебя тѣло такъ исковеркано?“—„Это друзья медвѣди!“ и онъ махнулъ рукою на лѣсъ. Гаврило незамѣтно подошелъ ко мнѣ и тихонько шепнулъ: „Онъ не охотникъ до разговоровъ; дайте-ка чарку водки, тогда онъ разскажетъ“. Подошли къ шалашу. Въ воздухѣ стояла такая жара, что мы всѣ помѣстились внутри шалаша, въ тѣни отъ солнца и отъ комаровъ.

Мужики сѣли по одну сторону, мы—по другую.

Торопиться намъ было некуда, я и завелъ разговоръ: „Какъ это тебя, Иванъ, медвѣди, твои старые друзья, обнимали, что еще теперь замѣтно?“ — „Что объ этомъ говорить! это длинная пѣсня“.—„Ничего, намъ торопиться некуда; въ жару такую, и ѣхать, и идти трудно; поѣдимъ, поотдохнемъ, а подъ вечеръ, къ ночи и поѣдемъ. Передъ обѣдомъ, послѣ купанья возьмемъ-ка по чаркѣ рому для апетита“.—„Это вотъ не худо“, отозвался Иванъ.—„На, возьми-ка, выпей“. Немного спустя я предложилъ другую чарку, за то, что онъ мое ружье заговорилъ отъ худого глаза. Иванъ привскочилъ. „Аа! теперь сталъ вѣрить! Вотъ мы теперь направимъ дуло на медвѣдя! Не все по летающимъ! оо! это возможно, подай-ка, Гаврило, мою котомку!“ Тотъ подалъ. Иванъ досталъ оттуда 10 шт. свинцовыхъ пуль. „Видишь, у меня въ виду и запасено для случая; это я вылилъ, приготовилъ, пока вы были у богатаго крестьянина; въ акуратъ для твоего ружья“. Я попробовалъ завести разговоръ окольнымъ путемъ: „Сколько же тебѣ лѣтъ, Иванъ?“ — „Второй осьмого десятка“. Товарищъ замѣтилъ: „А выглядишь ты лѣтъ около 55“.—„То-то и есть! Ахъ! еслибы эти медвѣди не помяли моихъ костей, я бы показалъ еще многимъ молодымъ свою удаль!“—„Да, въ самомъ дѣлѣ: мнѣ двое изъ хозяевъ, гдѣ мы ночевали, говорили, что ты первый охотникъ въ околоткѣ, не то что на

оленей, но и на медвѣдей. Я думаю, сколько десятковъ ты уже ихъ уложилъ!" Тутъ его товарищъ Гаврило замѣтилъ: — „Не десятками, а сотнями можно считать". — „Но все-таки какое же число медвѣдей убито?" — Онъ пріостановился, подумалъ и сказалъ: „Хотѣлъ бы пополнить десятую дюжину— немного и надо — всего 3 штуки, но не знаю. смогу ли; становлюсь старъ; да и они, окаянные, поубавились, не то что прежде". — „А оленей сколько?" — „Ого! этихъ, батенька, не перечтешь; бывали дни—по 5, даже по 10 убивали, а въ годъ отъ 50 до 100 головъ; не успѣешь свезти и продать въ Финляндіи, пріѣдешь домой, надѣнешь лыжи, побѣгаешь день-другой, много 3—4—полдесятокъ штукъ и готово; опять везешь въ Финляндію. И рыбу-то вѣдь не хуже прочихъ ловилъ и возилъ въ Финляндію. Бывало, на обратный путь домой, нагрузишь возъ зерновымъ хлѣбомъ, а карманы деньгами; но это удавалось такъ рѣдко, какъ сладкій сонъ". — „Ну, все-таки ты долженъ имѣть состояніе?" — „Какого чорта! ничего не имѣю. Что на себѣ, что въ желудкѣ — вотъ и все мое богатство. Не успѣешь возъ продать, уже давно ни гроша нѣтъ при себѣ. И хоть бы я самъ пилъ, да запасъ положилъ, а то рубля два появится, сейчасъ куплю водки, а тогда—куда съ добромъ? Въ каждомъ домѣ курили вино. Узнали чухны, что у меня появились

деньги,—какъ мухи около меня. А я, дуракъ, давай ихъ поить, самъ бары точить. Вотъ и прiѣдешь съ пустыми руками домой. А баба-то у меня такая злая, что Боже упаси: зашумитъ, закричитъ во всю глотку, на всю деревню. Возьмешь и уйдешь къ сосѣду, а старуха моя все кричитъ да злится; отъ ея крику всѣ сороки съ нашей деревни повывелись". И говорилъ это Иванъ такъ невозмутимо, такъ естественно, плавно и складно, какъ будто онъ лекцiю намъ читалъ.

Мнѣ послѣ удалось видѣть эту злую бабу, жену Ивана, и я могу отъ себя добавить, что Иванъ нисколько не солгалъ. Дѣйствительно, баба злая и на видъ страшная; не то что сороки съ ихней деревни и съ окрестности отлетѣли, но и самъ чортъ безъ оглядки назадъ сто верстъ пробѣжитъ отъ такой супруги!

„Разскажи же намъ, Иванъ, про твои схватки съ медвѣдями".—„Охотно бы, добрые люди, разсказалъ, да вѣдь это будетъ длинная исторiя. Я началъ борьбу съ медвѣдями съ 18 лѣтъ отъ роду, а теперь 72 года живу; это значитъ 54 года,—гдѣ все вспомнить! Еслибы начать съ самаго охотничанья и продолжать разсказывать по порядку, годъ за годомъ, можетъ быть, тогда въ память взбрело бы все подробно; но вѣдь это займетъ много времени. Буду говорить приблизительно, т. е. поверхностно, что̀ на память придетъ изъ самыхъ крупныхъ событiй.

„Помню, десятки разъ выходилъ я, или, такъ сказать, необходимость заставила выйти въ рукопашную. Конечно, если мнѣ удалось его схватить, когда онъ стоитъ и остаться въ томъ положеніи, тогда еще въ моихъ глазахъ блеститъ нѣкая надежда; но если, пока мы боролись стоя, по оплошности я его свалилъ, или онъ меня, или же отъ неравновѣсія случайно оба мы вмѣстѣ свалились, такъ я нисколько не выиграю, больше проиграю, тогда на его сторонѣ шансы выигрыша; тогда онъ можетъ по своему произволу помять меня. А стоя я имѣю шансы его побороть, только бы не растеряться духомъ. Свою голову надо какъ можно тверже держать подъ мордою Мишки-пріятеля, а лѣвою рукою держаться за мохнатую спину. Вотъ во время этого вальса съ нимъ, да съ добрымъ ножомъ въ правой рукѣ, и ищи во чревѣ его прошлогоднихъ костей твоей коровы, а самъ все продолжай съ нимъ вальсировать до послѣдняго издыханія. Тогда игра ваша вѣрная. А какъ скоро во время вальса волею или неволею придется лечь рядкомъ,—тогда игра ваша окончательно проиграна. Случалось, взапуски лѣзли на дерево; хорошо, коли удастся на извѣстную дистанцію опередить его и случится толстое дерево съ частыми, толстыми сучьями—тогда игра стоитъ свѣчъ; а если рѣдкіе и тонкіе сучья, тогда игра не стоитъ свѣчей и пиши, что проигралъ. Въ обоихъ случаяхъ, если

случится топоръ и хорошій ножъ, при тонкихъ, рѣдкихъ сучьяхъ, мы разъ поиграли цѣлую лѣтнюю ночь,—поиграли, поиграли, да и упали; а были мы оба сильно раненые и хорошо еще, что не такъ высоко были. Дѣло въ томъ, что ни который изъ насъ не помнилъ, какой конецъ игры былъ и какъ мы пропутешествовали внизъ, въ одно ли время вмѣстѣ, или по одиночкѣ. А суть дѣла была такъ: какъ я пришелъ въ чувство сознанія, нашелъ себя лежащимъ на корнѣ дерева и одного. Съ великою трудностью поднялся сидя, озираюсь: одинъ - одинешенекъ; братоборецъ мой удралъ куда-то, меня оставилъ одного. Больно, тяжело и скучно мнѣ безъ него. Вижу, что я кругомъ въ крови; началъ осматривать, гдѣ и какъ я раненъ, еще ли голова на плечахъ? Щупаю—голова на мѣстѣ, и не ранена даже, но руки, начиная съ плеча до кистей, исцарапаны; ноги выше колѣна тоже страшно изранены. Думаю: какъ же это, дружище, такъ безбожно поступилъ, бросилъ меня, самъ удралъ!? Вижу—возлѣ меня лужа крови и кровяные слѣды пошли дальше въ лѣсъ. Сталъ припоминать, какъ это было, когда вышелъ изъ дому; верстахъ въ 15-ти была подсѣка или лѣсная нива, шелъ ее очищать; была винтовка,—я всегда съ собою ношу, куда бы ни пошелъ,—была заряжена для дичи; иду—уже близко подсѣки,—вдругъ медвѣдь мнѣ на встрѣчу. Я еще тогда былъ

молодой, не зналъ всѣхъ порядковъ и снаровокъ; мы остановились, смотримъ другъ на друга; медвѣдь тоже былъ молодой. Это, кажется, чуть ли не первый разъ мнѣ довелось наединѣ встрѣтиться. Я сдѣлалъ выстрѣлъ—онъ кувырнулся; я—давай бѣжать. Тутъ случилось низкосучное дерево: давай влѣзать на него; не успѣлъ и трехъ пріемовъ взять, какъ онъ уже сзади меня слѣдомъ; на четвертомъ онъ уже успѣлъ за ногу захватить. Къ счастію, онъ разулъ лаптю съ ноги такъ осторожно, что не задѣлъ за кожу. Я успѣлъ еще два пріема сдѣлать; тутъ два толстыхъ сука попались—я на нихъ укрѣпился. Какъ опытный полководецъ живою рукою выбираетъ позицію, такъ и я на этихъ двухъ сучьяхъ выбралъ оборонительную позицію, выхватилъ топоръ изъ-за пояса и сталъ въ выжидательномъ положеніи. Не успѣлъ я осмотрѣться, какъ мой соперникъ протягиваетъ лапу. Я, какъ новичокъ, не понялъ, что означало это протягиваніе лапы: знакъ примиренія или борьбы на жизнь и на смерть; въ моемъ молодомъ сердцѣ заговорила кровь. Я—бацъ его топоромъ по мордѣ! а онъ успѣлъ лапою задѣть за меня. Я—еще и еще, но не помню, по какимъ мѣстамъ; помню, что послѣ онъ вырвалъ изъ моихъ рукъ топоръ, и будто какъ цѣловались мы и обнимались, но, вѣроятно, нашли это неудобнымъ на гибкихъ, ломкихъ сучьяхъ,—спустились на

твердую землю, гдѣ я себя и нашелъ. Но къ моему счастію оказалось близко озеро. Вотъ я кое-какъ добрался до берега, омылъ сколько могъ раны и сталъ кричать, сколько силы было. Наконецъ услышали рыбаки, подъѣхали одна женщина и молодой паренекъ, взяли, сколько могли—обмыли, обвязали. Я просилъ ихъ поискать ружье и топоръ—они принесли ихъ, и ножикъ нашли. Я сталъ просить, чтобы они пошли по кровянымъ слѣдамъ искать медвѣдя; они согласились, пошли, но сейчасъ воротились: ничего-де не нашли. Я тотчасъ понялъ, что они боятся, не пошли дальше. Я сталъ ихъ убѣждать, уговаривать, велѣлъ зарядить винтовку, женщинѣ взять топоръ, а парню—винтовку. Наконецъ они пошли; пробыли съ полчаса времени и возвратились, говоря, что они нашли: тутъ недалеко лежитъ. „Только мы къ самому медвѣдю не подходили“.—„Ты попробовалъ бы стрѣлять“.— „Ой, не смѣю“.—„Если недалеко, я бы пошелъ“.— „Близко, близко!“ Я кое-какъ поднялся съ помощію палки, они меня поддерживали и мы добрели до того мѣста, гдѣ хорошо было видно медвѣдя; еще подвинулись ближе—шаговъ 20—видимъ, лежитъ какъ мертвый, но боимся ближе идти, и не хочется оставить, не узнавъ, что онъ: мертвъ уже, или еще живъ; еще подошли нѣсколько шаговъ— они совершенно отказались ближе идти. Я просилъ

парня сдѣлать въ него выстрѣлъ, но онъ отказался. Дѣлать нечего, я самъ прислонился къ дереву, парень приколотилъ колъ, я на это положилъ винтовку, и какъ скоро сталъ цѣлиться, они отскочили назадъ нѣсколько шаговъ. Я сдѣлалъ выстрѣлъ, и что же? Какъ имъ, такъ и мнѣ показалось, будто какъ медвѣдь вздрогнулъ. Стоимъ и смотримъ—жалко оставить въ невѣдѣніи. Я велѣлъ парню вырубить тонкій длинный шестъ и попробовать разбудить его отъ сна или благословить спать на-вѣки; начали шестомъ въ бокъ тыкать, видимъ—спитъ вѣчнымъ сномъ. Тогда я какъ будто повеселѣлъ и легче стало. Подошли къ самому спящему, осмотрѣли: морда положительно на-двое растреснута отъ удара топора; у уха тоже углубленіе топора и по одной передней лапѣ также прошелъ ударъ топора. Послѣ того мы пришли къ лодкѣ, меня усадили кое-какъ и подвезли къ берегу моей хаты. Она находилась въ губѣ, при самомъ берегѣ,—оттого меня и называютъ Лахтенскимъ Иваномъ (Lahen Ivana). Пролежалъ я болѣе четырехъ недѣль въ постели, а на второй день сосѣди пошли снимать шкуру съ медвѣдя.

„Второй разъ послѣ этой траги-комедіи, акуратъ черезъ годъ, приготовляю эту же лѣсную ниву. Это было въ субботу; пришлось ѣхать домой. Оставилъ свою лодочку тамъ, а поѣхалъ въ лодочкѣ сосѣда.

Въ понедѣльникъ взялъ провизіи на четыре дня и винтовку и отправился. Пришлось идти больше лѣсомъ, огибать „лахты“, „губы“; винтовка была заряжена для дичи; выстрѣлилъ — пару рябчиковъ, опять зарядилъ; приближаюсь къ тому прошлогоднему мѣсту — съ версту разстоянія,—тогда только вспомнилъ, что топора при себѣ нѣтъ: забылъ въ субботу на нивѣ. Иду себѣ и поглядываю по сторонамъ на дичь, а о медвѣдѣ и въ голову не приходитъ. Спустился съ бора близко берега озера, на небольшое сухое болото — вдругъ въ двадцати шагахъ отъ меня медвѣдь, въ чемъ-то рылся; не замѣтилъ ли онъ меня, или замѣтилъ, но прикинулся, что будто не видитъ. Я, что же, остановился и не знаю, на что рѣшиться, самъ беру машинально винтовку, начинаю цѣлиться, но лѣсу нѣтъ—чтобы для прицѣла стволъ положить, я съ руки и цапъ! сдѣлалъ выстрѣлъ; онъ привскочилъ и началъ ко мнѣ придвигаться стоя — пасть открыта. Хотя я зналъ раньше, что топора нѣтъ съ собою, но, растерявшись, началъ шарить руками за спиной топора. Онъ тѣмъ временемъ подошелъ ко мнѣ,—изъ пасти течетъ полный ротъ пѣнистой слюны,—схватилъ на длинную лапу да прямо мнѣ въ лицо. Не знаю, отъ испугу ли, или отъ непріятнаго дѣйствія кровянопѣнистой слюны, я завертѣлся и упалъ; но въ тотъ же моментъ пришло въ мысль—слышанное отъ ста-

рыхъ полѣсниковъ: если какимъ бы случаемъ ни есть разсердить медвѣдя, при нападеніи его на васъ,— всего лучше прикинуться мертвымъ; тогда онъ если и похоронитъ васъ, все-таки не сдѣлаетъ вамъ худого,— только какъ бы долго онъ ни возился, но вы не шевелитесь. Что же мнѣ и осталось дѣлать, когда онъ уже взялся за меня? Дѣлать было нечего—кромѣ какъ ожидать, что̀ дальше будетъ. И вотъ я прикинулся мертвымъ. Онъ меня покачалъ, повертѣлъ, понюхалъ, сѣлъ возлѣ меня, слушаетъ и смотритъ на меня; опять покачалъ, поваляль, понюхалъ, погладилъ, ушелъ подальше и смотритъ, трогаюсь ли я. Взялъ съ провизіею кошель—гдѣ были сверху положены застрѣленные два рябчика, хлѣбъ и прочее; а на днѣ, подъ ними, лежалъ мѣдный котелокъ. Эта ли моя провизія спасла меня, или ему такая фантазія вышла, только онъ не взялъ съѣдомаго, а только сверху два рябчика взялъ, кошель же снесъ подальше и закопалъ въ болото; потомъ опять пришелъ ко мнѣ, понюхалъ, понесъ меня на болѣе мягкое мѣсто, началъ рыть яму или мохъ, вкатилъ меня въ яму и давай на меня накладывать моху, таскать сучья; сперва погладитъ и послушаетъ; потомъ отойдетъ подальше, остановится и смотритъ на меня. Мохъ-то я сдвинулъ рукою, а сквозь сухіе сучья мнѣ хорошо были видны его дѣйствія. Еще пришелъ, погладилъ, понюхалъ и пошелъ, но, уже не останавливаясь,

шагалъ по болоту; по крайней мѣрѣ съ полверсты видно его было. Я полежалъ немного, всталъ и хотѣлъ бѣжать туда, гдѣ кошель былъ закопанъ, но схватился — винтовки нѣтъ! Я такъ испугался, что не зналъ, что и дѣлать. Въ винтовкѣ—половина моей жизни, половина моего состоянія. Давай кружиться искать, а самъ все поглядываю въ ту сторону, куда медвѣдь направилъ свой путь. Наконецъ замѣтилъ—чуть-чуть видно ремень, схватилъ, поднялъ: винтовка въ добромъ здравіи... Боже мой! какъ я обрадовался! Больше чѣмъ когда Колумбъ Америку нашелъ. Побѣжалъ къ тому мѣсту, куда онъ кошель съ провизіею зарылъ; отъ радости или отъ ошибки—не попалъ на то мѣсто; бѣгалъ, вертѣлся, наконецъ рукой махнулъ. Богъ съ нимъ! благо винтовку-то нашелъ. Пошелъ-было совсѣмъ, потомъ пришло въ голову: пойду на то мѣсто, гдѣ лежалъ, — авось лучше вспомню то направленіе; пришелъ, присмотрѣлся и нашелъ. И все ладно! Перекрестился, пошелъ по берегу озера; хотя пришлось сдѣлать лишку, но за то не такъ страшно. Пришелъ къ нивѣ, расположился и тогда ужъ усердно помолился Богу. Богъ спасъ отъ пасти смерти! Посмотрѣлъ на оставленный топоръ, прошепталъ: „быть этому первый и послѣдній разъ— чтобы безъ топора выйти за сто шаговъ изъ дому!“

— „Это уже значитъ твоимъ похожденіямъ конецъ?“—„Ого! это только цвѣтки, а ягодки впереди.

впереди. Это все происходило еще въ юности моей. Чтобы хоть тридцатую долю разсказать всего-то, что было,—тогда здѣсь надо зимовать". И онъ ударилъ себя по щекѣ.—„Вотъ это мнѣ много мѣшаетъ говорить, сами слышите!"—„Когда же это случилось съ твоею щекою? тоже, я думаю, давно?"—„Какое давно! это въ прошлую осень".—„Разскажи хоть это, пока оно еще свѣженькое". Иванъ смѣхнулся, сказалъ: „Чорта — свѣженькое!.." Но все-таки началъ разсказывать:

„У насъ тамъ есть, какъ сами знаете, довольно большое озеро; мнѣ часто придется его вспоминать. На берегу, въ губѣ этого озера—моя хата. На озерѣ очень много островов, и это озеро рыбное. Осенью въ одинъ мѣсяцъ наловимъ рыбы, зимою свеземъ въ Финляндію—на 8 мѣсяцевъ семейство обезпечено... Ну, такъ вотъ, какъ же это было? Да, виноватъ! И забылъ, съ чего началъ. Я, какъ и всегда, т.-е. спеціальность моего промысла, да и всѣхъ здѣшнихъ, сѣверной Кореліи обитателей первой категоріи, это— рыбная ловля весной, зимою, особенно осенью. Охота или полѣсничанье—это къ другой категоріи, къ промышленности принадлежитъ. Придется о себѣ сказать: я и по той, и по другой считаюсь первымъ или передовымъ.

„Осенью, въ самомъ началѣ лучшей рыбной ловли, съ самой блестящею надеждою приступили къ

ловлѣ. Но лукавый попуталъ: въ одинъ пасмурный осенній день я только съ промысловъ прибылъ къ своей избушкѣ,—немного больше этого шалаша,—не успѣлъ еще всю рыбу убрать съ лодки и сѣтей поставить какъ слѣдуетъ, вдругъ вижу ѣдутъ двѣ дочери младшаго брата; кричатъ что есть силы: „Иивана, Иивана, кандый уи (Иванъ, Иванъ! медвѣдь плыветъ)!“ Я, какъ это услышалъ, такъ и затрясся. Только и помню—схватилъ топоръ, бросился въ лодку, давай гресть туда, сколько силы есть; спрашиваю: гдѣ? гдѣ? Онѣ указываютъ рукою—вонъ тамъ. Мы направили туда лодку. Дѣйствительно вижу—плыветъ. Я взялся за весла, посадилъ дѣвушку править; а имъ лучше видно, говорятъ: „Онъ къ острову плыветъ“. Я повернулся, взглянулъ: ничего, небольшой островокъ. Мы все ближе и ближе; дѣвчонки говорятъ: „Уже на островъ поднимается“. Я кричу брату: „Поѣзжай въ обходъ этого острова“. Дѣвчонкамъ велѣлъ править къ тому мѣсту, гдѣ медвѣдь готовился подняться, догребъ до берега, схватилъ топоръ и побѣжалъ по острову вслѣдъ медвѣдю. Вижу, что онъ уже плыветъ на другой островъ. Я бросился въ ту сторону, гдѣ братъ въ обходъ ѣхалъ, вижу, что и онъ ѣдетъ. Я ему махнулъ рукою — братъ подъѣхалъ. Я его оставилъ съ другою лодкою, а самъ бросился за медвѣдемъ; видимъ, что онъ плы-

ветъ опять на островъ,—и я велѣлъ править на тотъ островъ. Такъ акуратъ въ одно время пристали,—онъ немного подальше и побѣжалъ по острову такъ себѣ лѣниво. Я тоже по тому направленію побѣжалъ, куда и медвѣдь; вижу — онъ къ берегу, я — тоже; онъ хотѣлъ только спуститься въ воду, но увидалъ меня, къ нему бѣгущаго, остановился и будто какъ нарочно сталъ ждать меня; стоитъ себѣ, на меня никакого вниманія не обращаетъ, а берегъ-то былъ каменистый булыжнякъ — мокрый; бѣгучи, раза два упалъ, колѣно ссадилъ. Я уже чувствовалъ свое неловкое положеніе, да старая удаль! Не хотѣлось ретироваться. Я прямо на него топоромъ, а онъ все стоитъ не трогаясь. Помню, что мой ударъ попалъ въ самый пахъ ему или въ спину, хотя разсчитывалъ по головѣ; онъ вдругъ сдѣлалъ поворотъ, а подъ ногами круглые камни, скользкіе: при сильномъ поворотѣ у меня топорище выпало изъ рукъ — топоръ остался въ его спинѣ. Онъ вдругъ меня схватилъ въ свои лапы. Помню, что я еще и тутъ не потерялъ присутствія духа, схватился за ножъ (вѣрно, были еще обѣ руки свободны, что изъ ноженъ могъ своевременно вынуть ножъ)—и всадилъ ему въ животъ. А онъ—вотъ какъ изволите видѣть!..“—съ этими словами Иванъ, приподнявъ свою щеку, показалъ намъ ее.—„Помню, что онъ сталъ меня лобызать — такъ мило, что наши

зубы стукались вмѣстѣ зубъ объ зубъ. Но помню и то, какъ онъ погладилъ своею лапою... Кажется, послѣднее — вѣрнѣе; впрочемъ вѣрно можетъ быть и то, и другое. Какъ бы то ни было, на старыя дрожжи много ли и надо было! Прежнихъ было много, теперь еще прибавило: какъ видите, экземпляръ-феноменъ, изуродованный корельскими медвѣдями. Лукавый же меня угораздилъ такъ на него набѣжать— безъ всякаго разсчету и приготовленія!.. Ахъ, эта старая удаль! Будь онъ въ лѣсу, на бору, я бы ни въ какомъ случаѣ не подвергся такому съ моей стороны урону"...

Тутъ вдругъ нашъ разсказчикъ затрясся, глаза заблистали, и онъ въ одинъ моментъ бросился къ топору, схватилъ его и сталъ въ такой позѣ, что мы съ товарищемъ невольно отступили. Приподнявъ топоръ противъ своихъ глазъ, остріемъ къ намъ, онъ держалъ его двумя руками за топорище. Можно было подумать, что на него нападаютъ три медвѣдя сразу... Мы съ удовольствіемъ смотрѣли, пока онъ продѣлывалъ передъ нами всѣ эти маневры заправскаго охотника, напоминавшіе нѣчто въ родѣ фехтованья. Потомъ онъ вскочилъ и потрясъ головой.

Не будь только этихъ склизкихъ камней... Я вѣдь бѣжалъ къ нему, разсчитывая, что онъ бросится плыть въ воду, когда у него уже переднія лапы были въ водѣ. Но онъ, дружище, перехитрилъ меня! Онъ вѣрнѣе меня

успѣлъ обдумать и разсчитать свое положеніе. Онъ очень хорошо зналъ: ежели онъ пойдетъ плыть, то навѣрно сдѣлается жертвою озера, а намъ легкою добычею. Вѣрно онъ, каналья, объ этомъ думалъ, а я съ дуру-то и помѣшалъ ему обдумывать. Не удивительно, что онъ такъ сильно меня исковеркалъ".

Мы обратились къ нему: „Что же стало съ медвѣдемъ? убили его или самъ ушелъ?" Онъ отвѣтилъ: „Когда братъ въ лодочкѣ подъѣхалъ къ мѣсту побоища, то нашелъ насъ обоихъ рядомъ лежащими, въ полумертвомъ положеніи; моя лѣвая рука была въ медвѣжьихъ лапахъ. Братъ ужасно испугался. Не зналъ, что́ дѣлать. Мы лежали на половину въ водѣ, и я былъ весь въ крови; даже вода въ озерѣ на десятки саженъ была красная; однимъ словомъ, я былъ непохожъ на человѣка. Братъ началъ омывать, обвязывать раны, потомъ я пришелъ въ чувство; меня окутали, обвязали сколько могли и, положивъ въ лодку, доставили домой. Хорошо, что языкъ оставилъ на мѣстѣ, а то, думалъ, съ кореньемъ отдернулъ. Тогда бы я не могъ и разсказывать о моихъ похожденіяхъ.

„Послѣ этой схватки, послѣ этой забавы, я цѣлыхъ шесть недѣль пролежалъ въ постели—самое-то лучшее рыболовное время!—ничего не могъ ѣсть, все равно, что старуха: кашицы, рыбной ухи, да молоко ложкой лилъ себѣ въ ротъ.

„Вотъ вамъ изъ самыхъ первыхъ и послѣднихъ эпизодовъ моей схватки съ медвѣдями. Остается пробѣлъ или промежутокъ въ цѣлыхъ 50 лѣтъ времени и 115 медвѣдей, да болѣе 500 штукъ оленей. Если все это хотя приблизительно разсказать, будетъ толстая книга“.

Часа въ 4 по-полудни мы собрались въ путь. Верстъ 10 пришлось подниматься рѣкою; вошли въ озеро верстъ 15 длиною, 5 шириною, наполненное островами. Подниматься рѣкою было довольно трудно по причинѣ пороговъ; большею частью пришлось тянуться бичевою. Только вышли изъ рѣки на озеро, изъ-за озера солнце начало вставать такъ красиво, словно изъ самаго озера поднималось. Проѣхали этакъ верстъ 5 по озеру. Люди маялись всю ночь въ такой трудной работѣ—надо было дать гребцамъ отдохнуть. Пристали къ одному острову, сдѣлали огонекъ, чтобы сварить кофе. Мальчуганъ занялся этимъ дѣломъ, мужики прилегли отдохнуть, а мы съ товарищемъ поднялись на возвышенность острова полюбоваться природною панорамою сѣвера. Боже мой! какая прелесть, какой чудный ландшафтъ! къ востоку озеро продолжало удаляться и было обставлено островами такъ симметрично въ линіи, что просто нельзя было повѣрить, что это твореніе природы, а не искусство лучшаго садовника. Какъ только вышли

изъ рѣки въ озеро, и тогда уже насъ поразила правильность размѣщенія острововъ въ линіи, какъ въ большомъ саду фруктовыя деревья или кусты—аллеями. Этихъ аллей или линій было четыре; всѣ онѣ правильно и красиво обросли сосновымъ лѣсомъ на песчаномъ грунтѣ островов. Острова всѣ почти одной формы, продолговатые, 1/2 вер. и верста длиною, шириною гораздо меньше; аллеи или линіи шли, конечно, въ продольномъ направленіи острова отъ N. W. къ S. O., все параллельно. Мы находились на ближайшей параллели къ западному берегу материка, на самомъ большемъ изъ островов. Вотъ на этомъ-то островѣ мы и любовались этою восхитительною живою панорамою сѣвера въ красивое іюньское утро, бесѣдуя съ товарищемъ о томъ, что бы было, еслибы это замѣчательно красивое озеро было близъ столицы, даже въ 50-ти верстахъ и далѣе, и всѣ эти сотни островов были бы украшены красивыми виллами, и проведена бы была желѣзная дорога, а на озеро спущены сотни пароходиковъ? — „Тогда это озеро со своими многочисленными островами далеко перещеголяло бы современную Венецію“.—А что, если бы это было въ Америкѣ?—„Американцы либо столицу сюда перенесли бы; или это озеро съ красивыми островами перевели бы къ столицѣ“.—Мудренаго ничего нѣтъ: вѣдь дѣлаютъ же тамъ въ пять этажей огромные каменные дома и перетаскиваютъ на другое мѣсто.

жители внутри и не знаютъ. Близъ Ніагары по причинѣ измѣненія русла воды, ниже водопада находившійся городъ залило водою; они—подобно описанію въ книгѣ барона Бромбеуса: „не любо не слушай, а лгать не мѣшай“, взяли да и подняли весь городъ на цѣлую сажень!...

При этомъ надо замѣтить, ни одного острова нѣтъ скалистаго—вездѣ земля и песокъ съ частымъ, красивымъ сосновымъ лѣсомъ. Скалы и скалистыя горы остались въ Финляндіи, даже до Бѣлаго моря ихъ не видать.

Пернатыхъ изъ породы перелетныхъ, съ береговъ Средиземнаго моря, на этомъ островѣ такъ много, что развѣ комары превышали ихъ численностью.

Самая ближайшая къ западному берегу этого острова линія островов лежитъ на разстояніи меньше полной версты. Наискосокъ, болѣе къ сѣверо-западу, пролегало огромное болото. Оттуда на озеро и съ озера обратно туда летѣли стаи птицъ съ такими пѣснями и криками—всякъ своимъ голосомъ—словно при вавилонскомъ столпотвореніи: всѣ онѣ летѣли съ юга сюда на лѣтній сезонъ, пользоваться свѣтлыми ночами, насыщаться скачущими, ползающими и летающими насѣкомыми и наслаждаться въ водѣ плавающими, и на нашихъ глазахъ продолжали прохлаждаться за сытнымъ завтракомъ, а на поверхности воды онѣ пестрѣли цѣлыми

группами, играя и ныряя, или, насытившись, но не забывая свою сожительницу, сидящую на гнѣздѣ, несли въ клювѣ ей рыбку на завтракъ.

Боже мой! какое это очарованіе—наслаждаться подобнымъ зрѣлищемъ, подобной живой картиной природы! Самый утренній воздухъ своимъ легкимъ дыханіемъ придавалъ этой картинѣ упоеніе жизни и естественной нѣги. А озеро смотрѣло исполинскимъ зеркаломъ, окаймленнымъ зеленью—точно рамой.

Тишина невозмутимая. Господствующее солнце красиво и величаво продолжало подниматься надъ безбрежными лѣсами сѣвера, съ высоты восточнаго небосклона бросая свои лучи на зеркальное лоно чарующаго озера. Вдругъ товарищъ замѣтилъ мнѣ: „Посмотрите, какая масса утокъ поднялась въ воздухѣ, и слышите, какой шумъ—словно гроза съ ливнемъ? И видите—зарябила вода, и что-то такое необыкновенное?“...

Я взялъ бинокль и направилъ туда: лѣсъ не лѣсъ, плотъ не плотъ, наконецъ разобрали—цѣлое огромное стадо оленей плыветъ — бросились въ воду съ берега, рога точно лѣсъ—и, повидимому, плывутъ по направленію къ нашему острову; а сзади что-то чернѣетъ, чуть замѣтное. Намъ оставалось бѣжать къ огню и сказать Ивану. Мы пустились бѣгомъ. Пришли къ огню—огонь потухъ уже, мужики спятъ и мальчикъ уснулъ. Мы будимъ ихъ ти-

химъ голосомъ; растолкали, говоримъ Ивану, что стадо оленей плыветъ. Онъ вскочилъ: „гдѣ! гдѣ? вѣрно медвѣдь гонитъ, или какой-нибудь другой звѣрь“. Схватилъ свою винтовку и мое ружье, и мы бѣгомъ опять стали подниматься на возвышенность. Гаврилѣ Иванъ махнулъ рукою послѣдовать за нами съ винтовкою. Встали на пригорокъ—оттуда ясно стало видно: плыветъ большое стадо оленей, а позади нихъ идетъ и медвѣдь. Всѣ мы видимъ, что они къ нашему острову плывутъ. Поглядѣвъ, Иванъ вымолвилъ: „Вотъ удача, вотъ добыча! Ахъ, кабы зимою или поближе къ селенію! Вѣдь тутъ ихъ есть, по крайней мѣрѣ, полсотни!“—и, обратясь къ намъ, велѣлъ стоять какъ можно тише. Второпяхъ разрядивъ ружье, онъ снова зарядилъ его пулей. Въ винтовки тоже новые заряды положили. Мальчуганъ сбѣгалъ за другимъ топоромъ, и мы заткнули топоры за поясъ. Иванъ спросилъ насъ, можетъ ли который-нибудь изъ насъ съ винтовкою быть съ ними въ компаніи, но мы съ товарищемъ отказались. „Тогда идите вотъ туда подальше; здѣсь не Финляндія, гдѣ скалы съ трещинами и большіе камни, гдѣ можно спрятаться; тутъ, видите, какая гладь-благодать: и толстаго дерева на этомъ островѣ не видать. Изрѣдка развѣ деревья поваленныя. Идите ближе къ берегу какъ можно тише и ползкомъ, спрячьтесь подъ сучья упавшаго дерева: этимъ вы сами спа-

сетесь и не отгоните добычи". Они спустились прямо къ берегу, а мы пошли кружить; и они, и мы подвигались ползкомъ. Намъ удалось близко берега найти убѣжище не очень важное: вѣтромъ поваленное дерево, подъ сучьями котораго мы могли кое-какъ себя укрывать. Прилегли, но любопытство не даетъ покою: все заглядываемъ сквозь вѣтви; наконецъ чуть-чуть сталъ виденъ лѣсъ роговъ, движущихся къ берегу, но медвѣдя не можемъ замѣтить—лѣсъ мѣшаетъ; какъ ни старались, но нѣтъ, рукой махнули и прилегли. Нельзя даже сидѣть; ворчимъ, недовольные защитой, но все-таки, хоть и трудно, но можемъ укрываться. Что дѣлать, на безрыбьѣ и ракъ рыба; лучше маленькая рыбка, чѣмъ большой таракань. Вдругъ послышался топотъ и трескъ роговъ о деревья. Мы прижались лежмя къ стволу дерева, на случай, если черезъ насъ пойдутъ—не растопчутъ. Не успѣли опомниться, какъ эта кавалькада рогатыхъ четвероногихъ пронеслась, словно неустрашимая кавалерія въ жаркой баталіи, и мгновенно исчезла изъ виду. И сейчасъ же раздалось два выстрѣла—въ одно и то же время. Вотъ ужъ тогда у насъ у троихъ одинаково расширились глаза: полсотни быстроногихъ рогатыхъ проскакало почти черезъ насъ. До этого только и было намъ занятіе — полюбоваться ими хотя издалека, но теперь, послѣ двухъ выстрѣловъ, все исчезло. Олени

первоначально скакали прямо къ намъ, чуть не черезъ насъ; но, почуявъ или замѣтивъ насъ, сдѣлали крутой поворотъ туда, гдѣ была оставлена лодка. А теперь, послѣ выстрѣловъ, у насъ у всѣхъ колѣна затряслись, оружіе изъ рукъ выпало. Вспомня разсказы Ивана и видя его изуродованнаго, наши глаза блуждали, бѣгали и не могли остановиться, а мы сами не могли дать себѣ отчета: что намъ дѣлать и куда намъ идти? Особенно страшна намъ представлялась та мѣстность, откуда раздались выстрѣлы. Все смотрѣли туда и не смѣли ни туда, ни въ другую сторону идти. Еще раздался выстрѣлъ, и чуть слышно—голоса, потомъ все стихло. Наше положеніе все еще оставалось критическимъ: ни назадъ, ни впередъ не смѣли трогаться. Особенно послѣ разсказаннаго самимъ героемъ и послѣ зрѣлища фактическихъ послѣдствій его геройской борьбы и подвиговъ на яву—у всѣхъ такъ и мутится въ головѣ: то представляется, что окровавленный медвѣдь съ открытою пастью не идетъ, а бѣжитъ на насъ, и я толкаю товарища: „кричи мужикамъ!“—а товарищъ отвѣчаетъ: „хорошо ли будетъ? если раненый медвѣдь услышитъ, пуще бросится на насъ“... То намъ рисуется въ нашей иллюзіи, что медвѣдь оскаливъ зубы, бѣжитъ на насъ, а тогда онъ натурально покажетъ намъ свои косыя лапы и страшные зубы... А сами все смотримъ въ ту сторону. Вдругъ всѣ трое, какъ по командѣ, ахнули:

„смотрите, идетъ!“ У всѣхъ, какъ говорится, душа въ пятки ушла. Дѣйствительно между деревьями что-то движется. Какъ-то безсознательно схватились—я за винтовку, товарищъ—за пистолетъ, мальчикъ—за топоръ. И сами неуловимо почувствовали приливъ храбрости и готовности идти впередъ. Но мальчикъ запищалъ: „это Гаврило идетъ!“ И вправду оказалось, что это онъ, и махалъ рукою, чтобы мы шли къ нему. Не дождавшись насъ, онъ пошелъ обратно, давая знать рукою, чтобы мы послѣдовали за нимъ. Мы прибавили шагу и, уже догоняя его, спрашивали: „Ну, что? какъ?“ Онъ неохотно отвѣчаетъ: — „Вотъ скоро сами увидите!“ Опять загадка. Наконецъ, видимъ Ивана, стоящаго съ веселымъ видомъ. Значитъ, не дурно, а хорошо. „Что, Иванъ?“ Онъ съ улыбающимся лицомъ указалъ рукою на берегъ. Мы взглянули: почти часть туши медвѣдя лежала на камняхъ, часть на мху; огромной величины мохнатый царь сѣверныхъ лѣсовъ истекалъ кровью. „Разскажи, какъ это удалось вамъ уложить, угомонить его?“ —„Да еслибы я не догадался обратиться къ вашему ружью, тогда бы съ нашей стороны было весьма рискованно приступить къ этой игрѣ; нашими крошечными пулями не убить такого колосса“.—„Все-таки какъ это было?“—„Очень просто: мы первоначально наблюдали, къ какому мѣсту они приплывутъ. У

самаго берега, между корнями и кочками, залегли, спрятались подъ мохъ и сухіе сучья. Про оленей и говорить нечего: тѣ, какъ скоро ноги стали за дно хватать—бѣгомъ, сколько силы, пустились бѣжать; много черезъ насъ перескакало. Медвѣдь саженяхъ въ 20 сзади. Пока онъ на берегъ поднялся, олени изъ виду потерялись; вотъ онъ поотрясъ лишнюю мокроту, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, опять остановился; для нашего пристрѣла не требовалось лучше. Я—въ голову, а Гаврило — въ сердце: пли! Онъ повалился; топорами не смѣли, такъ какъ онъ слишкомъ большой былъ, притомъ отлогій берегъ на камняхъ,—какъ бы не вышло прошлогодней исторіи. Мы полулежа торопились зарядить (и мѣстоположеніе очень удобное: мы ему не замѣтны были). Только мы успѣли зарядить и подняться на колѣни (онъ, кажется, не успѣлъ ни того, ни другого), какъ мы акуратъ въ одно время выстрѣлили: онъ хлопнулся, упалъ; мы бросили ружье и винтовку, схватили топоры, бросились на него; онъ мучился въ предсмертной агоніи; мы давай по головѣ топорами! Онъ при этомъ лапами рвалъ и ворочалъ корни. Попади нашъ братъ, тогда поминай какъ звали! Наконецъ угомонился, уснулъ.

Иванъ спрашивалъ насъ, видѣли ли мы оленей. „Еще бы не видать! чуть насъ не растоптали“.— „Куда же они ушли?“—„Они, вѣрно, замѣтя насъ, по-

вернули туда гдѣ лодка оставлена.“ — „Ну, вы теперь остались безъ кофе. Уже тогда огонь потухъ, кофе простыло, а теперь и говорить нечего, — этотъ кофе олени выпили, потому что кофейникъ остался висѣть на палкѣ, оленямъ пришлось бѣжать черезъ это мѣсто. По всей вѣроятности они свалили эту палку и кофейникъ пролили.—Такъ какъ та сторона острова теперь на солнцѣ, а здѣсь тѣнь, то мы пойдемъ, переведемъ лодку и все остальное сюда, расположимся здѣсь и будемъ приготовлять кушанье; попьемъ, поѣдимъ, еще попьемъ, попируемъ, съ медвѣдя шкуру снимемъ. Между тѣмъ, по всей вѣроятности вамъ, господа, желательно ближе познакомиться съ мирными обитателями сѣверныхъ лѣсовъ — съ оленями, такъ вотъ поднимитесь на возвышенность: тамъ по хребту есть замѣтная тропка; по этой тропѣ и идите тихонько, да и разговаривайте также негромко, смотрите впередъ, поглядывайте по сторонамъ,—навѣрное вы увидите это стадо. Вы не трогайте его и не пугайте. Полюбуйтесь и возвращайтесь назадъ. Къ тому времени у насъ будетъ все приготовлено и зададимъ въ этотъ знаменитый вечеръ послѣднiй ужинъ этому мохнатому бару, снимемъ на память съ него теплую шкуру“.

Мы послушались совѣта Ивана, поднялись и, попавъ на тропу, пошли тихонько въ глубь острова. Весь этотъ островъ, какъ и прочiе острова,

заросъ красивымъ сосновымъ лѣсомъ. Странно: на нѣкоторыхъ островахъ толстый лѣсъ, на нѣкоторыхъ тонкій; это отъ пожаровъ, отъ молніи или выжжены рыбаками. Но вообще красивый лѣсъ. Сквозь такой лѣсъ проходила тропа, скорѣе можно сказать—дорога, по красотѣ не уступающая культивированному парку Парголова или въ Выборгѣ—Монрепо. Но здѣсь безконечно лучше всѣхъ этихъ прославленныхъ парковъ. Во-первыхъ, здѣсь во все продолженіе острова по обѣимъ сторонамъ сквозь лѣсъ, хотя въ отдаленіи, видна вода, какъ въ знаменитомъ партѣ Пунгахарью, близъ города Нейшлота. Во-вторыхъ, концертъ съ ранняго утра до поздняго вечера сотни голосовъ разнородныхъ пернатыхъ. Въ-третьихъ, представленія, игры, трагедіи и траги-комедіи, а слушателей и зрителей тьма тмущая, больше чѣмъ въ городѣ Лондонѣ жителей, и все мѣстные обыватели — сѣверные комары. Въ свою очередь и они поютъ, такого дисканта порою спустятъ—не скоро уснешь.

И вотъ мы все идемъ да идемъ втихомолку, поглядывая впередъ и по сторонамъ; наконецъ впереди сталъ рѣдѣть лѣсъ, мы остановились и начали пристально озирать предметы: налѣво открылся берегъ, довольно низменный и песчаный, и вдругъ видимъ: все стадо тутъ отдыхаетъ. Половина по колѣно въ водѣ стоятъ, остальная часть на пескѣ,

которые стоятъ, которые спятъ. Мы съ полчаса любовались и пошли обратно. И идемъ скорымъ шагомъ, изрѣдка обмѣниваясь нѣсколькими словами, а кофе такъ и напоминаетъ о себѣ, а завтракъ пуще кофе по желудку барабанитъ. Вотъ и дымокъ замѣтили, спускаясь къ огню. Мужики уже отхлебывали уху; мальчикъ возился съ глухаремъ и рябчиками.

Мы присѣли и принялись за кофе, разсказывая, что мы видѣли оленей и цѣлыхъ полчаса любовались этими смирными обитателями сѣверныхъ лѣсовъ.

Иванъ и Гаврило поѣли и прилегли, промаявшись въ порогахъ цѣлую ночь; кромѣ того, эта встрѣча съ оленями и возня съ медвѣдемъ утомила всѣхъ. И мы послѣ кофе, въ ожиданіи глухаря, прилегли, да сейчасъ и уснули. Просыпаюсь, поднимаю голову, не вижу никого, только товарищъ возлѣ меня храпитъ; поднялся сидя, вижу мальчикъ спитъ полусидя у огня, огонь началъ гаснуть, а мужиковъ все-таки не видать. Вдругъ раздался голосъ, и слышу—разговариваютъ; тутъ я и замѣтилъ, что они сдираютъ шкуру съ медвѣдя. Смотрю на часы—мы спали цѣлыхъ четыре часа. Всталъ, поправилъ огонь (жалко было мальчика будить), самъ пошелъ къ мужикамъ, посмотрѣлъ, поговорилъ немного, пришелъ къ огню, хотѣлъ мальчика разбу-

дить, опять стало жалко,—самъ взялся за глухаря и за рябчиковъ. Наконецъ и товарищъ проснулся, и мы расположились обѣдать. Иванъ пришелъ взять въ трубку огня, видитъ, что мальчикъ еще спитъ, хотѣлъ будить — я остановилъ: „не буди, вѣдь и онъ ночью въ порогахъ маялся; пускай спитъ". Онъ усмѣхнулся и ушелъ. Шкуру сняли, выпялили— вышла такая огромная, что въ Финляндіи за этакую шкуру дадутъ 40 руб.; тамъ онѣ въ ходу, въ ѣздовыхъ саняхъ у каждаго имѣется. Подвяли деревомъ и укрѣпили, оставивъ тутъ съ тѣмъ, чтобы взять на возвратномъ пути. Я обратился съ вопросомъ къ Ивану: „Скажи пожалуйста, вотъ намъ пришлось во многихъ мѣстахъ видѣть: въ необитаемыхъ лѣсахъ, особенно на большихъ болотахъ, боры или острова съ крупнымъ сосновымъ лѣсомъ и на этихъ борахъ вездѣ замѣчали протоптаны не то что тропы, но точно настоящія проселочныя дороги, а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ отдаленно отъ обитаемаго міра—не то что скотъ, но очень рѣдко человѣческая нога вступаетъ туда по топкости болотъ?" Иванъ отвѣтилъ: „Это, батенька, оленями сдѣланныя дороги, а имъ въ помогѣ лоси и медвѣди были. Вотъ и на этомъ островѣ по берегамъ и по срединѣ протоптаны оленями тропы, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, и вы не думайте, что они дѣлаютъ это для удовольствія, ради про-

менады—совсѣмъ нѣтъ: это они, несчастные, бѣгаютъ отъ оводовъ, мухъ и комаровъ“.—„Все хорошо и ладно, а какъ, господа, съ пирушкою, послѣ уложенія косолапаго Мишки на вѣчный сонъ и отхода въ Елисейскія поля его душеньки?“—„Въ Финляндіи дѣлаютъ не пирушку, а цѣлое празднество на сутки, на двое“.—„Какъ же ты тамъ очутился?“—„А просто приглашали, и такую попойку задавали, что домой придешь—цѣлую недѣлю отъ похмѣлья голова трещитъ“.—„А многихъ тебѣ удалось тамъ уложить?“—„Да штукъ тридцать“. — „Дѣлать нечего, надо дѣлать пирушку; сварите кофе и чай, и съ нимъ вмѣстѣ рому помѣшай, а потомъ споемъ хоромъ ему пѣсню, вѣчную память“:

Въ память послѣдняго вечера
Даемъ ужинъ на славу
Этому мохнатому бару [1])—
Зовемъ его на расправу!
Пиръ идетъ горой,
Пуншъ течетъ рѣкою,
Нашъ Иванъ—герой,
Съ разорванной щекою.
А ты, дядя медвѣдь,
Въ лѣсной своей трущобѣ
Спалъ бы преспокойно—
Ну, такъ близко деревень

---

[1]) Баръ—медвѣдь.

Не страшай барашковъ,
Не гоняй оленей!
Вотъ теперь за то лежишь
Со снятою шкурой.

Иванъ всталъ и торжественно повторилъ: „Да, дадимъ въ этотъ знаменитый вечеръ послѣдній ужинъ этому мохнатому лѣсному царю за то, что онъ на память далъ намъ теплую шкуру. Аминь!“

Солнце склонялось къ вечеру, жара поулегла, и мы отправились далѣе. По этому озеру пришлось проѣхать въ лодкѣ верстъ 8. Вошли въ устье лѣсной рѣчки, повидимому маловодной, разсудили не подниматься, а пристать къ берегу озера. Иванъ говорилъ, что здѣсь есть тоже шалашъ, но, кажется, плохой. Дѣйствительно, шаговъ сотню прошли и нашли шалашъ; меня это чрезвычайно удивило. „Почему ты зналъ, что здѣсь есть зданіе?“— „Какъ же не знать, когда здѣсь ночевалъ нѣсколько ночей“.—„Когда это было?“—„Лѣтъ 15 тому назадъ это было, зимою; сперва былъ старый, потомъ послѣдній разъ былъ совершенно новый, а теперь опять сдѣлался ветхимъ и негоднымъ, какъ видите“.—„Лучше намъ на открытомъ воздухѣ спать или ночью идти — не такъ жарко. Ну, да пускай и такъ. Какъ бы ни было, мы сдѣлаемъ огонь, сваримъ рыбы и повторимъ ужинъ; есть дорожкой добытыхъ двѣ щуки, на прибавокъ Гаврило съ маль-

чикомъ идутъ поудить, а ты, Иванъ, сдѣлай огонь и разскажи, для какого чорта ты зимою здѣсь былъ. Вѣдь отъ твоего жилища хорошихъ 150 верстъ".— „Удивляться нечего; я не одну, а 6 ночей ночевалъ, были промежутки годъ, два и 5". — „Но для чего же здѣсь, почти подъ полярнымъ кругомъ, да еще зимою, нашелъ ты удовольствіе ночевать?" — „Очень просто: погонишься за стадомъ оленей или лосей, а часто случается за медвѣдемъ—въ случаѣ, выйдетъ изъ берлоги по своей волѣ, по слѣдамъ его или раненый—ну, вотъ, гонишься; хорошо, если они вертятся около и вблизи, а случается—берутъ прямое направленіе — вотъ и бѣжишь на лыжахъ за ними верстъ 50, 100, 150 и 200. По-неволѣ познакомишься съ этою сѣверною Камчаткою. Поэтому не всегда же случается въ шалашахъ спать; больше половины ночей придется на открытомъ воздухѣ, особенно въ еловомъ лѣсу, на корнѣ ели лучше, чѣмъ въ плохихъ шалашахъ".

Но здѣсь еловаго лѣсу мало, да и какъ бы то ни было: было ли это на открытомъ сосновомъ бору, въ еловомъ лѣсу, въ лѣсныхъ шалашахъ, какъ вотъ тутъ съ провалившейся крышей, развалившимися стѣнами или въ рыболовной избушкѣ,—провести зимнія ночи при 20, 25, случается, и при 30 град. морозахъ, особенно декабрскія, когда въ 4 часа дня совершенно темно, въ 9 часовъ утра начинаетъ разсвѣ-

тать, на полѣ горя-страданія, на холодномъ снѣгу провести 17 часовъ имѣетъ свою пріятность! А костюмъ-одежда: дырявая шубенка, разорванный кафтанишко выше колѣнъ, рукавицы, сапожонки въ заплатахъ, грудь открыта, на шеѣ ничего! [1])...

Вотъ экземпляръ выдержки сѣверной человѣческой натуры. Въ этихъ вышеупомянутыхъ убѣжищахъ на такую длинную ночь нужно запастись сухимъ лѣсомъ для огня; а бревна случается доставать за четверть версты, и ихъ надо приготовить умѣючи—не короче 2-хъ аршинъ и толщиною 5—6 вершковъ; изъ этакой дали такія бревна носкомъ на лыжахъ нести и положить умѣючи, другъ на друга на извѣстномъ разстояніи; тогда они ровнымъ огнемъ медленно горятъ и пригрѣваютъ, но ихъ надо ночью перемѣнять три или четыре раза; а если положить такъ, какъ дрова, то ихъ на 17 часовъ надо цѣлый возъ, и они ровнаго огня не имѣютъ: то вдругъ много, то вдругъ погасъ; это мученье и спать не удастся. Случается и такъ зачастую: настигнетъ ночь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не то что рыболовной избушки или лѣсного шалаша, но и еловаго лѣсу нѣтъ, тогда надо искать на бору сухоподстойное дерево, вырубить его и

[1]) Неоспоримо, что у чукчей, самоѣдовъ, камчадаловъ и тунгусовъ не въ примѣръ суровѣе климатъ, но за то у нихъ одежда приспособлена климату.

разводить огонь по вышеописанной практикѣ: обрубить извѣстной длины и толщины и положить горѣть. Небомъ покройся, снѣгъ—постелью. При такой длинной зимней ночи случается всего. Поднимется вьюга, буря, стихійныя силы спутаются, смѣшаются, утромъ не разберешь самого себя. Кое-какъ съ физическою силою соберешься, выбираешь направленіе. Однако все это ничего: морозъ, вьюга—не препятствіе; но оттепель: лыжи не бѣгутъ—мученье! а до жилого мѣста, т. е. ближайшей деревни, верстъ 20 и болѣе. Наконецъ, погода благопріятствуетъ, но вдругъ не осторожно, спѣша за быстроногими оленями, повредятся лыжи, даже еще хуже, совершенно поломаются. Каково тогда? Вотъ каковъ образъ жизни бѣднаго корела и вотъ какова его промышленность.

Здѣсь кончилось путешествіе лодкою, хотя до перевала или водораздѣла еще оставалось верстъ 20. Но тутъ пришлось продолжать путешествіе пѣшечкомъ. Поэтому и нужно было запастись провизіею сутокъ на двое, на трое. Сперва я хотѣлъ взять одного Ивана, но оказалось недостаточно для носки провизіи; пришлось взять и Гаврила. Мальчугана оставили при лодкѣ караулить ее и прочія вещи, и велѣли ему переѣхать на ближайшій островъ, гдѣ болѣе безопасно для огня и отъ звѣрей. Мальчикъ этому обрадовался.

Наконецъ, нагрузились ношами, кто чѣмъ, взяли кофейникъ, котелокъ и еще кое что, ружье, двѣ винтовки. Я и говорю товарищу: „Теперь мы очень походимъ на лѣсныхъ бродягъ, описываемыхъ Куперомъ. Они охотились за бизонами, а нашъ герой, Иванъ, за оленями; они боролись съ мѣстными злыми врагами, съ дикими индѣйцами, и подвергались скальпированію, а нашъ Иванъ—со своими мѣстными лѣсными сосѣдями, медвѣдями, и самолично десятки разъ подвергался скальпированію, неотъемлемые признаки чего на головѣ, на щекахъ, плечахъ, рукахъ, ногахъ, а о спинѣ и говорить нечего. Значитъ, мы не уступимъ Куперу; онъ аллегорически представлялъ, а мы натурально, фактически выставимъ героя Ивана. Вотъ только относительно топографіи здѣсь малость непохоже: не то что такихъ гигантовъ, какъ Альпы, Гималайи, поднимающіеся до облаковъ, но и возвышающихся холмиковъ не замѣтно,—все гладь, благодать, и поразительно бросается въ глаза однообразная картина: продольно полосою идутъ ровные боры, поросшіе сосновымъ лѣсомъ, и рядомъ съ ними, на половину ўже, болото, опять лѣсъ и опять болото,—и такъ вплоть до озера вдалекѣ.

Разъ переходимъ боръ, по численности второй десятокъ, начали спускаться на болото; при соединеніи окраины ихъ зарощены болѣе лиственнымъ лѣсомъ между сосенъ — вдругъ Иванъ остановилъ

насъ рукою и началъ подкрадываться. Это было утромъ, во время восхода солнца. Мы присѣли и смотримъ по вершинамъ деревъ, воображая, что онъ подкрадывается къ дичи; мы ищемъ глазами на деревьяхъ и не обращаемъ вниманія, куда Иванъ запрятался. Вдругъ раздался выстрѣлъ, и что-то грохнуло тяжелое; тогда только замѣтили бѣгущаго Ивана. Мы пошли скорымъ шагомъ къ нему и видимъ, какъ онъ что-то бьетъ топоромъ. Мы воображали, что онъ глухаря застрѣлилъ, а тутъ видимъ не крылатаго двуногаго, а четвероногаго, мохнатаго, не глухаря, а росомаху. Мы было-остановились, но онъ закричалъ: „идите, не бойтесь!“ и поднялъ звѣря величиною съ огромную черную собаку. Мы подошли, стали любоваться и гладить; но только успѣлъ Иванъ предупредить, какъ звѣрекъ сталъ биться, хвататься за корни деревъ, но все-таки встать не могъ и мучился. Иванъ взялъ раза два пріударилъ топоромъ по головѣ—звѣрь растянулся и не шевельнулся больше.

Стали спрашивать, какъ онъ замѣтилъ; онъ отвѣтилъ: „Рябчика замѣчаемъ, какъ этого не замѣтить“.—„Но рябчикъ по большей части на деревѣ, его легче замѣтить“.—„Этотъ звѣрь также былъ на деревѣ“.—„Да какъ же это такъ?“—„Очень просто; онъ бѣжитъ плохо; вотъ онъ встанетъ на дерево и караулитъ; разумѣется, здѣсь скотъ не ходитъ,

а онъ караулитъ оленя, — видишь, тутъ тропа: во время жара и тишины они и ходятъ больше густымъ лѣсомъ, отъ мухъ и комаровъ;—вотъ онъ и приготовился надъ тропою ожидать себѣ завтрака. А какъ есть вѣтерокъ, тогда они на открытыхъ мѣстахъ проводятъ время. Это скверно, что мы помѣшали ему вскочить на спину оленя".—Иванъ сталъ снимать шкуру, а мы разводить огонь. Гаврила послали съ котелкомъ и кофейникомъ искать на болотѣ воды. Принесъ Гаврило воды, сварили кофе, закусили на живую нитку и пошли дальше, пока солнце не поднялось совсѣмъ высоко; притомъ Иванъ предполагалъ, что скоро долженъ быть явный водораздѣлъ; мы непремѣнно хотѣли его видѣть. Иванъ и говоритъ: „Скоро намъ надо бы найти озеро, верстахъ въ 1½, съ того озера пойдетъ вода въ Бѣлое море". Бродили, бродили; завидимъ впереди открытое между лѣсомъ пространство, кричимъ: „это озеро!" Съ полдесятокъ такихъ обмановъ прошли. Для обѣда удалось глухаря и трехъ рябчиковъ убить, а обѣдъ все-таки намъ не дается въ руки и въ зубы. Иванъ рѣшилъ тогда только обѣдать, когда озеро найдемъ. Мы упрашиваемъ его измѣнить, смягчить это рѣшеніе, но Иванъ стоитъ на своемъ, а намъ голодъ шепчетъ: упросите, да упросите! а нашъ Иванъ неумолимъ. Наконецъ, Иванъ закричалъ: „радуйтесь и веселитесь!—вотъ

и озеро!“ Мы устремили глаза и видимъ—ужъ не обманъ, а дѣйствительность.

Подошли къ озеру, видимъ озеро верста съ небольшимъ длиною, полверсты шириною: но будь оно какое угодно—только бы озеро было. Мы съ товарищемъ раздѣлись, чтобы выкупаться, Иванъ развелъ огонь, а Гаврило началъ щипать дичь. Пока дичь приготовлялась, мы напились чаю. Полежали, поотдохнули, а дичь все еще приготовляется. Я не утерпѣлъ, пошелъ удостовѣриться, не глухое ли озеро, какъ оно выглядѣло; пошелъ по южному берегу, дѣйствительно нашелъ чуть замѣтный ручеекъ и чуть-чуть струится вода. Это меня успокоило. Пришли къ огню, пообѣдали, прилегли, поотдохнули. Мы стали собираться и говоримъ Ивану: „Ты намъ не разрѣшалъ обѣда раньше, чѣмъ мы послѣднее озеро найдемъ, а теперь мы тебѣ не дадимъ ужина, пока не найдешь первое озеро, съ котораго идетъ вода въ Бѣлое море“, а Иванъ отвѣтилъ: „Пускай такъ. Поднимайтесь, отправимся“. Не прошли и двухъ верстъ, какъ напали на озеро немного больше того; обошли южную сторону—нѣтъ никакихъ признаковъ водоизліянія; обошли кругомъ и нашли въ сѣверной сторонѣ чуть замѣтный ручей и тихо струящуюся воду. Мы съ товарищемъ прокричали три раза „ура!!!“ Но, подумавъ немного, все-таки рѣшили, что этого недостаточно.—„Намъ надо найти такой хре-

бетъ, который раздѣлялъ бы ту и другую сторону, какъ лошадиная спина или какъ высокая гора, или же въ родѣ продолговатаго возвышеннаго холма А здѣсь въ топографическомъ отношеніи такъ же ровно, какъ и вездѣ". Иванъ, помолчавъ, сказалъ: „Не я же дѣлалъ,—это природа такъ создала; пеняйте ей, если она не потрафила по вашему вкусу". Тогда мы рѣшили оставить эти пустыя пренія.

У меня было намѣреніе въ этотъ разъ проѣхать до Бѣлаго моря; но туда идутъ отъ водораздѣла, при большомъ разстояніи другъ отъ друга, три сплавныхъ пути: Выгско-сороцкій, Этокемскій и Керетскій, и потому я оставилъ до слѣдующаго лѣта мое намѣреніе изслѣдовать сплавы лѣса. А на этотъ разъ только навелъ справки: далеко ли отсюда до первой деревни, что на бѣломорской системѣ водъ?—„Около 20 верстъ".—„Есть-ли какая нибудь тропа?"—„Есть; по мѣстамъ замѣтно, а по мѣстамъ вовсе незамѣтно. А тамъ, ближе верстъ 10, селеніе, я думаю, будетъ замѣтно".—„И прекрасно; мнѣ хочется видѣть что тамъ за жители, похожи ли на дикихъ лопарей". — „Вотъ увидите, когда придемъ, поотдохнемъ и пойдемъ,—ночью прохладнѣе. Вотъ тутъ близко проходитъ и тропа; поэтому-то я и узналъ эти озера".

Поотдохнули часа три и пошли, сряду же попали на тропу, дорога ближе деревни начала улуч-

шаться, наконецъ видимъ жилые дома, и что-же: представилось цѣлое селеніе; видимъ церковь; особенно обратили наше вниманіе два величественной архитектуры двухъ-этажные дома; въ первый мы вошли—оказались старые знакомые: около города Нейшлота торговали два брата Антроповыхъ; второй домъ—купца миллiонера Минина въ Петербургѣ; прежде былъ пастухомъ, потомъ у Антроповыхъ работникомъ, а въ Петербургѣ теперь слыветъ миллiонеромъ.

III.

Въ дополненіе къ описаніямъ изъ быта кореловъ не безъинтересно упомянуть о бытѣ внутренней и восточной Финляндiи, равно какъ и о различiи, которое характеризуетъ Выборгскую губернію отъ прочей Финляндiи.

Безспорно, Финляндія описана многими туристами и учеными. Но эти ученые писатели объѣзжали страну большею частью большими путевыми трактами и близъ береговъ Финскаго и Ботническаго заливовъ, гдѣ болѣе или менѣе чисто-финская народность отличается смѣшаннымъ характеромъ: тутъ, среди мызниковъ, въ кругу городскихъ бюргеровъ и чиновнаго класса, у которыхъ, что ни го-

вори, а въ сердцѣ и головѣ царитъ болѣе шведскій, чѣмъ финскій элементъ; также и прибрежные жители, пересселенцы изъ Швеціи, переселившіеся сюда во время владычества шведовъ; къ тому же еще можно прибавить, что отъ самаго Торнео до Выборга, по всему этому прибрежью преобладаетъ между мирными землепашцами духъ мореходцевъ, который также трудно поддается бытовой характеристикѣ.

Безъ сомнѣнія, кто этимъ интересуется и хочетъ вывѣдать духъ истыхъ финляндцевъ или какого бы то ни было народа, его нравы, образъ семейной жизни и весь колоритъ народнаго быта, тому придется поселиться въ центрѣ той народности и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ прожить одною съ ними жизнью. Тогда только можетъ онъ разсчитывать, что познакомился съ ихъ духомъ и домашнимъ бытомъ.

Такъ какъ мнѣ пришлось безъ малаго полсотни лѣтъ прожить почти въ самомъ центрѣ Финляндіи, управляя сперва двумя, потомъ четырьмя лѣсопильными заводами, которые были разбросаны на большое пространство, отъ 100 до 200 верстъ другъ отъ друга, и приходилось имѣть дѣла во многихъ губерніяхъ: въ Куопіоской, Выборгской, Ст.-Михельской, Улеоборгской и частью Вазаской, значитъ, я, сколько могъ, познакомился съ этою народностью.

Ученому лицу, отправляющемуся именно съ подобною цѣлью, т. е. чтобы узнать и изучить какой

бы то ни было народъ, его образъ жизни и обиходъ хозяйственной экономіи, особенно до подробнѣйшей мелочи узнать и изслѣдовать духъ народный и характеръ всѣхъ сословій,—это рѣдко удается. Положимъ, купецъ-торгашъ, если онъ интересуется этимъ дѣломъ изъ любознательности, то онъ могъ бы собрать разныя свѣдѣнія, относящіяся къ народнымъ обычаямъ. Но его отрасль—промышленность—далеко не рекомендуетъ того. Во-первыхъ, онъ большею частью въ кругу городского общества, и кромѣ того у него только и есть въ головѣ: дешево купить, дорого продать, а до остального хоть трава не рости!

Напомню еще разъ, что Выборгская губернія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣетъ свою физіономію и свой характеръ, отличающій ее отъ остальной Финляндіи, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже. Здѣсь же, вмѣсто предисловія, прошу читателей не смѣшивать этихъ финляндцевъ—по примѣру русской прессы, а съ ея словъ и самихъ обывателей столицы—съ тѣми нелѣпообразными и уродливо одѣтыми чухнами, особенно чухонками, которые, вполнѣ признавая свое неразвитое положеніе, нисколько не обижаются тѣмъ, что ихъ зовутъ „чухнами“. Но если финляндцевъ другихъ губерній назвать чухнами—они этимъ сильно оскорбятся.

Хотя историческія данныя подтверждаютъ, что какъ тѣ, такъ и другіе составляютъ одинъ и тотъ же народъ и одно племя и какихъ-нибудь съ небольшимъ 100 лѣтъ тому назадъ выборгцы, куопіосцы и т. д. могли быть такими же, какъ жители Охты, но въ настоящее время,—благодаря ихъ наружному виду и умственно-нравственному тону,—добропорядочный, образованный русскій человѣкъ ни за что не согласится назвать выборгцевъ и т. д. чухнами, а назоветъ либо „финляндцами,“ либо „финнами“.

Для болѣе подробнаго объясненія, каковы они были еще не такъ давно и каковы они въ настоящее время, возьмемъ примѣрно хоть то именно время, когда Россія окончательно завоевала этотъ край, т. е. 1808 годъ. Тѣ же самыя лица, которымъ пришлось тогда проходить по внутренней и еще болѣе по восточной части Финляндіи, не узнали бы навѣрное мѣстъ, по которымъ они тогда проходили. Тогда эта страна дѣйствительно представляла не нынѣшнюю Финляндію, а скорѣе, можно сказать, нѣчто похожее на „Чухляндію“: нескончаемые дремучіе лѣса, между которыми тамъ и сямъ виднѣлись бѣдныя деревушки, съ убогими хатами; даже при большихъ трактахъ, если случалось встрѣтить большія крестьянскія избы, то и онѣ были съ средневѣковой обстановкою, съ безобразными дверями и

окнами, а о крышѣ и говорить нечего. Какъ относительно прочихъ строеній, такъ же равно и въ одеждѣ самихъ обитателей было очень мало привлекательнаго,—однимъ словомъ, это была та самая страна „чухонъ“, о которой русскіе привыкли думать, что тамъ непроходимые лѣса, съ ихъ обитателями волками, медвѣдями и оленями, и удивляться, какъ тамъ могутъ жить люди, туристы путешествовать, коммерсанты производить торговыя дѣла.

Но это было когда-то давно; теперь совершенно не то. И лѣсовъ, и волковъ, и медвѣдей, и оленей нисколько не больше въ средней Финляндіи, чѣмъ въ западныхъ культурныхъ государствахъ.

Куда бы вы ни пошли, рука землепашца и кошелекъ промышленника уже успѣли пройти и истребить до значительной степени всѣ эти первобытные лѣса, и не только въ мѣстахъ, лежащихъ по берегу моря или по большимъ трактамъ, но и въ самомъ центрѣ Финляндіи, даже вплоть до русской границы Кореліи. И притомъ же, не смотря на неплодородный грунтъ земли — вездѣ камень, горы, озера, болота,—все-таки, куда бы вы ни поѣхали, вездѣ находите хорошо сдѣланныя дороги; не говоря о почтовыхъ трактахъ, но и по проселочнымъ дорогамъ въ какомъ угодно экипажѣ можете ѣхать.

Надо сказать правду: что касается до путевого дѣла, то оно ведется несравненно лучше въ Финлян-

діи, чѣмъ въ Россіи, т.-е. въ первой вы ѣдете и дешево, и скоро, и хорошо, безъ всякаго стѣсненія; когда пріѣдете на слѣдующую станцію, тогда только заплатите прогоны; никто съ васъ лишней копѣйки не возьметъ и не спроситъ; напишете свое имя въ журналъ (небольшую книжку), получаете лошадь, и хотя бы въ ту же минуту пріѣхалъ тутъ самъ генералъ, вы ѣдете безъ всякой помѣхи впередъ. Желаете ли на станціи выпить кофе, или чаю, или поѣсть—подадутъ чисто и хорошо. Желаете ли ночевать—на любой станціи найдете все необходимое, опрятную и даже комфортабельную обстановку.

Воображаемыхъ непроходимыхъ дремучихъ лѣсовъ вы нигдѣ не встрѣчаете; вмѣсто нихъ на каждомъ 2-хъ, 3-хъ, а много 5-верстномъ разстояніи видите красиво построенные крестьянскіе дома. Вездѣ, гдѣ мало-мальски почва земли доступна къ воздѣлыванію хлѣбопашества, плугъ давно уже успѣлъ познакомиться съ почвою; топоръ и лопата трудолюбиваго финна не оставляютъ безъ вниманія ни пустырей, ни болотъ. Само финляндское правительство дѣлаетъ елико возможно большія поощренія за осушку и обработку болотъ, выдавая значительныя суммы въ ссуду, которая погашается по истеченіи времени умѣренными процентами. Опытный землепашецъ-финнъ, смотря по грунту — черноземъ или болото, снимаетъ гдѣ одинъ, два, три, а

гдѣ пять посѣвовъ овса, ячменя и ржи; потомъ обращаетъ поле въ сѣнокосные луга. Черезъ 5—6 лѣтъ опять выводитъ хлѣбныя произрастенія и опять оставляетъ подъ траву.

Обсушка болотъ не одну жизненно-вещественную выгоду приноситъ; она имѣетъ большое значеніе въ гигіеническомъ отношеніи, вліяя на атмосферу: отъ осушки болотъ значительно ослабѣваетъ сила стужи раннихъ осеннихъ морозовъ, и вообще она благопріятствуетъ здоровью мѣстныхъ жителей и даже скота.

Еще около половины этого столѣтія отъ стариковъ финновъ Саволаксы и Кореліи зачастую мнѣ приходилось слышать достойные удивленія разсказы о переходѣ текущаго времени къ лучшему сравнительно съ прежнимъ; старожилы эти еще хорошо помнили, какъ жили они во времена шведскаго владычества и какъ тогда бѣдствовали: голодали, вмѣсто сапоговъ носили лапти; одѣвались такъ бѣдно, неуклюже и грубо, что трудно представить другому; въ пищу, вмѣсто чистаго хлѣба, употребляли оленій мохъ, солому и древесную кору. Настоящій чистый хлѣбъ можно было достать только развѣ въ праздничные дни. О кофе и чаѣ понятія не имѣли. „А теперь, во время русскаго владычества, не живемъ, а царствуемъ; вмѣсто убогихъ хатъ, нынѣ дома наши не уступаютъ прежнимъ посред-

ственнымъ мызамъ; каждый день ѣдимъ чистый ржаной хлѣбъ [1]); уже пріучаемся къ кофе, пьемъ нѣсколько разъ въ день. Сами одѣты въ полусукно, жены и дочери—въ полушолкъ. Лаптей уже вовсе не видать, даже въ полевой работѣ у поденщиковъ".

Это положительно вѣрно. не говоря о разсказахъ 70—80-ти-лѣтнихъ стариковъ и молодыхъ изъ крестьянскаго сословія [2]).

Проживая съ 35 года сего столѣтія постоянно между финнами, я насмотрѣлся на ихъ бытовую жизнь и прогрессивное развитіе въ крестьянскомъ слоѣ. Между 60 — 70-ми годами этого столѣтія крестьянство начало такъ быстро развиваться во всѣхъ отрасляхъ хозяйственной жизни, что это достойно удивленія,—какъ въ землепашествѣ, домостройствѣ, скотоводствѣ, такъ и въ ремесленной, фабричной и промышленной области. То же

---

[1]) Не одними стариками это подтверждалось, но въ Саволаксѣ и Кореліи молодые крестьяне, въ случаѣ неурожайныхъ годовъ, такъ самонадѣянно выражались: „Wenäjän maa on leivästä rikas. Meidän Armolline rakastettava—Keisäri; ei heita meitä nälkään kuolemaan" (Русская земля богата хлѣбомъ; нашъ милостивый и любимый Государь не оставитъ насъ съ голоду умирать, пошлетъ намъ ржаной муки).

[2]) По ихъ мнѣнію и утвержденію, это всеобщее улучшеніе произошло отъ перемѣны правительства. Это можетъ быть, я не оспариваю; но и время своимъ теченіемъ дѣлаетъ много перемѣнъ къ улучшенію.

можно сказать и по части грамотности, особенно рукописной; хотя съ давнихъ временъ было обязательно родителямъ учить своихъ дѣтей читать печатныя богослужебныя книги, но рукописная грамотность была имъ положительно неизвѣстна; если въ двухъ-трехъ деревняхъ найдется, бывало, одинъ, который кое-какъ писалъ, то это уже считалось рѣдкостью. А теперь въ двадцатилѣтній періодъ успѣла такъ высоко подняться грамотность, что уже навѣрно изъ молодыхъ крестьянскихъ дѣтей одна половина пишетъ на своемъ природномъ языкѣ порядочно хорошо; даже дѣвушки рабочаго сословія начинаютъ хорошо владѣть перомъ. Однимъ словомъ, лучъ просвѣщенія въ такое короткое время просвѣщаетъ, что очевидцу становится невѣроятнымъ.

Теперь въ истекшее десятилѣтіе развились, обстроились во всѣхъ приходахъ народныя школы, даже во многихъ приходахъ по нѣскольку училищъ. Между тѣмъ какъ 30 лѣтъ тому назадъ было такое затмѣніе и невѣжество въ крестьянскомъ кругу, что каждый другой человѣкъ былъ колдунъ; ничего не дѣлалось безъ чародѣйства. Свадьба ли игралась—требовалось сильное знахарство; покойника ли хоронили—тоже; дитя ли родится—призывали колдуна; человѣкъ захворалъ, скотъ заболѣлъ—обращались къ колдунамъ; послѣ зимы пер-

вый разъ скотъ пускали со двора,—это уже дѣлалось чудесною церемоніею знахарства; особенно это творилось въ сосѣдственной Кореліи, гдѣ оно и по настоящее время еще не вывелось. Въ рыбной ловлѣ, въ охотѣ за дичью и звѣрями, за недѣлю раньше чѣмъ приступали осенью къ птичной ловлѣ силками, къ звѣриной ловлѣ съ ружьями,—кудесникъ-знахарь нашептывалъ и продѣлывалъ при этомъ всѣ штуки, доказывающія силы чародѣйствія. А ужъ что дѣлалось во время свадебъ—и говорить нечего...

Но за то кикиморы-колдуны играли свои роли отлично. И если бы все это описать—вышла бы толстая книга.

Относительно хозяйственной части, домостройство финляндцевъ совершенно не похоже ни на корельское, ни на русское: жилые дома одно-этажные, низкіе; у зажиточныхъ крестьянъ съ большими окнами; прочія службы отъ жилого дому поставлены довольно далеко, и все отдѣльно, особенно рига, баня, скотный дворъ, конюшня, хлѣбный амбаръ и прочія службы. Входъ въ домъ черезъ общія сѣни; по одной сторонѣ черная жилая изба, а по другой сторонѣ сѣней — комнаты для гостей; бываетъ одна, 2 и 3 комнаты, по состоянію домохозяина; сѣни большею частью проходныя; у нѣкоторыхъ въ углу сѣней имѣется очагъ и тутъ же дер-

жать молоко. Въ черной избѣ, вообще какъ у зажиточныхъ, такъ и у посредственныхъ домохозяевъ, помѣщается все семейство и служащіе, которыхъ обыкновенно бываетъ: годовыхъ — отъ одного до трехъ, служанокъ, работницъ—отъ двухъ до четырехъ. Зимою служащіе и молодые члены семейства спятъ на полу, подостлавъ солому, а старшіе члены семейства спятъ на кроватяхъ. Пища грубая, стряпня односложная, очень скудная, т. е. обыкновенная семейная пища не богата: хлѣбъ, соль, кислое молоко, картофель, домашняя мелкая соленая рыба— вотъ и все; бываетъ и приварокъ — это каша изъ муки, „загуста"; у болѣе исправныхъ, бываетъ говядина съ картофелемъ, или съ рѣпою, или съ горохомъ, рѣдко съ капустой; въ праздничные дни грѣтое молоко, или изъ крупы каша и хлѣбъ съ масломъ. Въ семейномъ кругу никогда не стелется скатерть на столъ во время ѣды, даже въ праздники. Столъ въ почетномъ углу большую часть времени нечистый; мужчины — хозяева съ работниками — ѣдятъ за столомъ, а женщины и дѣти — какъ случится и какъ попало. Замужнія со своими дѣтьми въ углахъ, на лавкѣ, на полу. Печку въ избѣ топятъ въ полдень. На чистой половинѣ въ комнатахъ, гдѣ гостей принимаютъ, бываетъ по мѣстамъ довольно чисто и опрятно. Для гостя кушанье приготовляютъ также въ нѣкоторыхъ домахъ опрятно,

на манеръ господскаго стола; чистая скатерть, тарелки, вилки, ножи, серебряныя ложки; бываетъ даже на каждое кушанье перемѣна тарелокъ. Постели бываютъ такъ себѣ, посредственной степени, но съ чистыми простынями и одѣяломъ.

Когда гость пріѣдетъ, то входитъ въ черную избу и садится на лавку; хозяинъ не торопясь подходитъ, протянетъ руку, самъ наполовину въ сторону смотритъ, отойдетъ шага два-три и чуть слышнымъ голосомъ вымолвитъ: „mitäs kuuluu?“ (что слышно?). Гость отвѣтитъ, тоже какъ бы нéхотя, чуть самому слышно, самъ въ сторону смотритъ: „ei mitä erinomasta“ (ничего особеннаго). Если гость коротко знакомый или родня, то и хозяйка подойдетъ къ гостю, также молча и неохотно сунетъ руку и уйдетъ; потомъ и прочее семейство—и все это дѣлается при гробовомъ молчаніи. Спустя минутъ пять-шесть, является опять или хозяинъ, или хозяйка,—подойдетъ къ гостю и также чуть внятнымъ голосомъ вымолвитъ: „Lâhetâân toiselle puolellen“ (идемте на другую половину). Тогда гость встаетъ и идетъ сзади хозяина или хозяйки. Тамъ онъ на чистой половинѣ раздѣнется, т. е. сниметъ верхнюю одежду, и ему предлагаютъ сперва табаку и водки, потомъ кофе, но ни въ какомъ случаѣ не больше двухъ маленькихъ чашекъ, и то далеко не полныхъ. Между этимъ ведется разговоръ о серьезныхъ дѣ-

лахъ или о пустякахъ—шуткахъ, но все это тихо, скромно, не торопясь. Вотъ и обѣдъ накрытъ. Кушанье подается чинно. Хозяинъ съ гостемъ обѣдаютъ вмѣстѣ, но безъ хозяйки. Послѣ обѣда немного погодя подадутъ кофе, но не вышеупомянутой мѣрой. Вечеромъ баня — это символъ гостепріимства. Гостя отправляютъ одного въ баню съ молодой дѣвушкою, которая приготовитъ вѣникъ, дастъ пару, паритъ, моетъ и одѣваетъ его. Послѣ бани—toddi (пуншъ): въ графинчикѣ коньякъ, въ чайникѣ кипятокъ, тутъ же сахаръ,—самъ гость дѣлай по своему вкусу и мѣрѣ; число стакановъ также зависитъ отъ гостя—отъ одного до полудюжины. Между пуншепитіемъ происходитъ и чаепитіе, но и этой влаги не больше число чашекъ, какъ кофе,—только эти чашки наливаются пополнѣе.

За пуншемъ гость съ хозяиномъ ведутъ бесѣду о постороннихъ, сосѣдственныхъ или своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, а не то и о новомъ правительственномъ распоряженіи, да не много прихватятъ и заграничную политику, благо тутъ на столѣ нѣсколько изданій газетныхъ лежитъ—порою и въ нихъ заглядываютъ. Вотъ и ужинъ накрыли; послѣ ужина что же какъ не спать? Поутру гостю подадутъ на постель кофе, какъ и прежде—двѣ получашки.

Есть нѣкоторые субъекты, которые отъ извѣст-

наго числа стакановъ пунша дѣлаются разговорчивѣе и веселѣе, но въ такой скромной бесѣдѣ и въ обществѣ рѣдко бываетъ, что перельется черезъ край, и развѣ въ случаѣ оффиціальнаго пиршества нектаръ Бахуса оказываетъ свое дѣйствіе. Тогда услышишь оживленные голоса и гулъ веселья, особенно у обитателей Эстерботнинской области, которые дѣйствительно дѣлаются до неузнаваемости веселыми, а жители Саволахтинской области, — между которыми я жилъ и о нихъ болѣе и пишу,— то этотъ народъ и есть самый невозмутимый въ Финляндіи: и въ радости, и въ печали, что называется, первый сортъ флегма и непогрѣшимо-молчаливый.

Кстати приведу одинъ изъ примѣровъ такой молчаливости. Я говорилъ уже выше объ общемъ раздѣлѣ земель (или „гейматъ"), при которомъ каждому семейству отрѣзывали въ глуши лѣсного пространства большіе участки земли. Конечно, на этихъ, такъ сказать, дикихъ отрѣзкахъ лѣсного участка надо было общими семейственными усиліями приступить къ разработкѣ. Это продолжалось цѣлые десятки лѣтъ, такъ что одинъ изъ членовъ семейства могъ переселиться въ участокъ верстъ за пятьдесятъ. И вотъ однажды отправились двое изъ братьевъ—это было лѣтомъ — на всю недѣлю производить обработку лѣсной нивы. Безъ сомнѣнія они отправились въ

понедѣльникъ утромъ рано, цѣлый день прошли, пока попали туда. Конечно, имъ было до нѣкоторой степени знакомо это разстояніе (не первый же разъ имъ пришлось проходить); по мѣстамъ уже была замѣтна тропа, а гдѣ незамѣтно, тамъ были обтески въ деревахъ; по этимъ знакамъ они продолжали свой путь, держась туда и обратно. (Въ людскомъ быту, въ житейскомъ мірѣ всѣ дороги произошли болѣе или менѣе подобнымъ же образомъ: сперва ходятъ въ глуши лѣсовъ по обтескамъ деревъ, сдѣланнымъ первоначально нашими прадѣдами; потомъ образуется чуть замѣтная тропа; послѣ уже дѣлается кое-какая на извѣстномъ между одиночными жителями разстояніи дорога; съ теченіемъ времени, какъ нынѣ говорится, образуется проселочная дорога; а наконецъ—смотришь — изъ проселочныхъ образовались уже почтовые тракты). Братьямъ пришлось переходить по разнымъ мѣстамъ черезъ крутыя горы, черезъ многочисленные ручьи и лѣсныя рѣчки. При переходѣ черезъ одну лѣсную рѣчку, имъ уже знакомую, оказалось, лежитъ поперекъ когда-то вѣтромъ или отъ времени поваленное толстое дерево. Когда они подошли къ этой переправѣ, старшій братъ шелъ впереди, и только-что всталъ на это дерево для перехода, вдругъ видитъ, что за нѣсколько минутъ прежде нихъ тутъ же прошелъ медвѣдь, оставившій

мокрые слѣды на деревѣ. Впереди идущій старшій братъ, замѣтя слѣды медвѣдя, вымолвилъ: „Тутъ медвѣдь прошелъ". Потомъ они дошли до вновь обрабатываемой нивы, проработали всю недѣлю, въ субботу пошли обратно домой, и когда стали переходить черезъ ту же рѣчку и по тому же толстому дереву, на которомъ замѣтили слѣды медвѣдя, только тогда отвѣтилъ шедшій сзади младшій братъ: „Пускай прошелъ". Цѣлую недѣлю они работали вмѣстѣ, ни слова другъ другу не вымолвили, — только и было разговору, что одинъ братъ въ понедѣльникъ вымолвилъ: „Тутъ медвѣдь прошелъ", а другой въ субботу отвѣтилъ: „Пускай прошелъ". Это не вымыселъ, а дѣйствительность. Я прожилъ между этимъ до оригинальности флегматичнымъ и молчаливымъ народомъ цѣлыхъ 22 года, и знаю, что это было въ Ст.-Михельской губерніи, близъ города Нейшлота въ приходѣ Керимяги. Я еще засталъ положительно глушью это мѣстечко, въ него только-что начали переселяться, и были тамъ и сямъ въ чащѣ первобытныхъ лѣсовъ одиночныя хаты бобылей, по-фински—Mökki, по-шведски—Torpar.

Теперь на этомъ пространствѣ уже два самостоятельные прихода: Heinävesi, Savonranda; первый образовался отъ Рандасальмскаго прихода, а послѣдній—изъ прихода Керимяги. Но не думайте, что эти скороспѣлые переселенцы, поселившіеся

еще не такъ давно, въ глуши лѣсовъ, въ отношеніи хозяйства находятся на заднемъ планѣ,—ничуть; особенно приходъ Гейнявези по своей современной бытовой жизни можетъ назваться образцовымъ въ культурномъ отношеніи, со старыми, преобразованными приходами.

Еслибы русскому или корелу пришлось въ первый разъ проѣзжать во время зимы по Финляндіи, многое поразило бы его новизною. Прежде всего онъ привыкъ видѣть жителей въ деревняхъ и селахъ малочисленными семействами и все болѣе или менѣе при берегахъ рѣкъ или озеръ, особенно въ Кореліи, которая богата озерами, хотя далеко не такъ, какъ Финляндія. Сотни верстъ проѣзжаетъ онъ по средней и восточной Финляндіи, и все приходилось ему по большимъ дорогамъ приставать на станціяхъ, которыя особеннаго интереса не представляли—все то же, ничто не выходило изъ общей колеи; то развѣ, что сначала озера, озера и озера, и между ними въ одиночку разбросаны дворы и дома, потомъ горы, горы и горы, и повсюду на нихъ тоже стоятъ дома, а берега безчисленныхъ озеръ совершенно пустуютъ; на косогорахъ тоже темнѣютъ дома; въ полдень во многихъ мѣстахъ разбросанно поднимается дымокъ изъ трубъ. Выѣдешь на про-

селочную дорогу—все тѣ же озера съ безлюдными берегами, горы съ чернѣющими на нихъ жилыми дворами, потомъ вдругъ дорога входитъ въ частый сосновый лѣсъ; ѣдешь, ѣдешь, цѣлыхъ десять верстъ—все тотъ же пейзажъ: частый сосновый боръ, но наконецъ лѣсъ начинаетъ рѣдѣть и вдали открывается пространство, похожее на озеро, но ничуть не озеро, а пашни и поля; среди полей домъ-усадьба—настоящаго саволахтинскаго земледѣльца-крестьянина; съ одной стороны его окружаютъ сосновый лѣсъ и поля, съ другой — сѣнокосные луга съ озеромъ. Уже издалека виденъ его огромный скотный дворъ изъ обтесаннаго камня, хлѣвъ и его, съ большими окнами и многими бѣлыми трубами, жилой домъ, обставленный въ симметріи разными строеніями. Вотъ, по выѣздѣ изъ лѣсу, показалось 8—10 дворовъ корельской деревушки, а въ ней всего только одинъ житель.

Въѣдешь во дворъ — дворъ по крайней мѣрѣ четверть десятины обширностью и обстроенъ прочими строеніями. Войдешь въ избу—изумишься, подумаешь, что въ какую-нибудь фабрику вошелъ, но все-таки, зная обычай, проходишь черезъ огромную избу, не меньше двора величиною, сядешь на лавку и, обведя глазами, поразишься, сколько народу,—и всѣ копошатся, всѣ при занятіи. Старикъ почтенной наружности сидитъ въ большомъ углу

за столомъ; передъ нимъ раскрыта огромной величины книга—Ветхій Завѣтъ, Библія. Закрывъ книгу, самъ не двигаясь съ мѣста, вымолвитъ чуть самому слышно: „Mitäs vieraale“ [1]) kuuluu? (что у гостя слышно?). Гость отвѣчаетъ: „Ничего особеннаго“. И разговоръ на этомъ обрывается.

Пріѣзжему представляется въ диковинку, что въ одной жилой избѣ такъ много людей, особенно женщинъ, и всѣ заняты работою; даже ребятишки — и у тѣхъ книжки въ рукахъ; только развѣ тѣ дѣти не заняты, которыя въ двухъ люлькахъ лежатъ. Двѣ дѣвушки болѣе просто одѣты, то приходятъ, то уходятъ, что означаетъ, что онѣ скотомъ занимаются; двѣ, также похожія на первыхъ, около печки возятся. порою за самопрялку садятся и опять куда-то выходятъ. Еще тамъ на трехъ самопрялкахъ три женщины прядутъ; а тутъ мотаютъ, ткутъ на двухъ станкахъ. На одномъ—что-то шерстяное, а на другомъ станкѣ что-то бумажное. Но это тканье не мнѣ, обыкновенному проѣзжему корелу, на удивленіе, но высшей интеллигентной особѣ показалось бы невѣроятнымъ, что въ крестьянской средѣ могутъ приготовляться такія издѣлія, которыя превосходятъ издѣлія лучшихъ фабрикацій. Одна изъ

---

[1]) Vieras (віеразъ) по-фински означаетъ: гость, родня, или пріѣзжій, проѣзжій, незнакомый, болѣе хорошо одѣтый.

молодыхъ хозяекъ чиститъ чесалкою шерсть, ногою качаетъ люльку; двое дѣтей вертятся около нея: дѣвочкѣ около 5 лѣтъ и мальчику 6—7 лѣтъ; старшему мать между занятіемъ дала урокъ, дѣлая замѣтку въ книжкѣ, а младшей указывала буквы и учила твердить ихъ. Другая молодая хозяйка не помню что̀ дѣлала, чѣмъ занималась, но также около ея колѣнъ вертѣлись трое дѣтей, съ книжкой въ рукахъ. Одинъ изъ молодыхъ хозяевъ мастерилъ ѣздовыя сани среди избы; другой молодой хозяинъ пріѣхалъ изъ лѣсу съ тремя работниками, принесъ вязанку прутьевъ въ избу и вскорѣ приступилъ къ починкѣ какой-то посуды.

Разговорились со старикомъ - хозяиномъ. — „Сколько же, — спрашиваю, — у васъ семьи?“ — „Собственно своего семейства насъ двое старыхъ, два сына, двѣ невѣстки, у одной трое, у другой четверо дѣтей, да четыре дочери: двѣ замужемъ, двѣ дома; значитъ, на-лицо всего пятнадцать душъ; да служащихъ: годовыхъ три работника, четыре работницы, да поденщицъ и поденщиковъ держимъ—когда больше, когда меньше. Въ лучшее время, лѣтомъ, наберется ихъ человѣкъ тридцать и болѣе“.—„А сколько лошадей?“ — „Рабочихъ лошадей 6, да молодыхъ, бѣговыхъ и жеребятъ когда какъ—4 и меньше“. — „Сколько же рогатаго скота?“ — „Всѣхъ-то до 50 головъ, дой-

ныхъ коровъ 35, остальные быки. бычки, нетели; свиней около 15 шт., овечекъ около 30".

Въ Финляндіи воды много, а рыбы мало ловится. Въ общей сложности далеко не хватаетъ для своей потребности. даже у многихъ крестьянъ недостаетъ изъ своей ловли. Въ восточную Финляндію привозится норвежскихъ сельдей нѣсколько десятковъ грузовъ, зимою изъ Кореліи, изъ Бѣлаго моря мелкой рыбы, свѣжихъ сельдей. Въ экономическомъ отношеніи единственный и вѣрный доходъ Финляндіи—это скотоводство, отъ масла и молока; послѣднее—если близъ городовъ—доставляется на заводы и фабрики, а если отдалено отъ нихъ, то только для своего продовольствія. Масло это всегда въ ходу и въ цѣнѣ. Вышепомянутый крестьянинъ самъ продовольствуется и каждогодно можетъ продать масла на 300, на 400 рублей. Отъ вывода лошадей также можно разсчитывать дохода: отъ продажи молодыхъ жеребятъ ежегодно около 150 рубл.; отъ свиней—100 рублей, отъ овецъ 50 руб.; а что касается до постороннихъ предпріятій, если взять вообще всю финляндскую производительность какъ заводовъ, какого бы рода ни было, и тому под., то тутъ мануфактурной Финляндіи совсѣмъ не везетъ: какую бы производительность ни зачинали, будто какъ проклятіе наложено—не удается. Не смотря на то, что и географическое положеніе, и мѣстныя усло-

вія способствуютъ: для заводовъ и фабрикъ—естественныя силы, вода, безчисленные пѣнистые пороги и шумящіе водопады, вообще водяная коммуникація, благопріятная для доставки сырого матеріала въ разныхъ направленіяхъ изъ-за 300 вер.; также выгодно изнутри страны водянымъ сообщеніемъ доставлять готовое издѣліе изъ-за 500 верстъ на бортъ морского корабля и къ самой столицѣ. И все-таки заводское и фабричное производство не обогащаетъ производителей; то-и-дѣло слышишь: крахъ за крахомъ.

Что касается семейной жизни, хозяйственной обстановки, равно какъ и костюма, то характеръ ихъ во многихъ мѣстахъ измѣняется; то же можно сказать объ акцентѣ, нарѣчіи: оно мѣняется не только по губерніямъ, но даже по приходамъ. Нарядъ, одежда особенно разнообразится въ Выборгской губерніи.

Въ семейной жизни и при домашнихъ занятіяхъ финляндцы очень рѣдко моются: наканунѣ праздника въ банѣ, остальная недѣля такъ. Хотя они каждый вечеръ ходятъ въ баню, но только парятся, а не моются; этому и та причина, что всѣ они живутъ отдаленно отъ береговъ рѣкъ и озеръ, гдѣ могли бы лѣтомъ купаться и мыться. Они вообще берутъ воду изъ колодца; многимъ въ сухое

время приходится пользоваться издалека водою, а другимъ въ зимнее время, съ начала февраля и до конца апрѣля придется держать лошадь и человѣка, чтобы воду возить издалека; особенно имъ много воды требуется для скота. Вообще у нихъ въ крестьянской жизни нѣтъ умывальныхъ посудъ, рукомойника, а для утиранья — полотенецъ, какъ это водится у кореловъ; финны моются въ какой посудѣ случится и вытираются чѣмъ попало. Мнѣ зачастую случалось замѣчать, что женщины, вымывъ лицо, вытираютъ его подоломъ своей сорочки.

Въ праздничные дни одѣваются опрятно какъ члены семейства, такъ и служащій людъ; трудно различить работника отъ хозяина, а работницу—отъ хозяйской дочери.

Въ церковь ходить большіе охотники, будь это зима или лѣто, особенно же лѣтомъ, и хотя бы было разстояніе отъ кирки (погоста) верстъ 10, 20, даже 30—это для нихъ ничего.

Судиться между собою тоже большіе охотники. Картежную игру любятъ страстно. Водку пьютъ почти всѣ мужчины, но болѣе или менѣе умѣренно, хотя есть изъ числа ихъ субъекты, и неумѣренно употребляющіе нектаръ Бахуса.

Женщины—хорошія хозяйки въ смыслѣ ухода за коровой, дѣланія масла и прочихъ домашнихъ

рукодѣлій; особенно дѣлаютъ преотличныя домашнія тканья, нисколько не уступающія фабричнымъ издѣліямъ. Одѣваются не всегда чисто, но довольно опрятно. Въ обращеніи между собою какъ женщины, такъ и мужчины—старые и молодые—очень скромны; говорятъ мало и тихо. Молодые люди увеселеніямъ мало предаются; хотя многіе знаютъ наизустъ нѣкоторые романсы, пѣсни, но не поютъ ни въ праздникъ, ни въ простые дни, ни при домашнихъ занятіяхъ, ни на полевой работѣ. Бываютъ при большихъ деревняхъ или при заводахъ танцы, болѣе похожіе на городской манеръ: вальсъ, кадриль и своеобразная полька подъ музыку—скрипку или гармонику.

Есть еще у нихъ въ хозяйственной жизни своеобразная особенность: будь ихъ домъ или дворъ при самой большой дорогѣ, или поменьше, или при проселочной, будь это средней руки мыза (у мызы бываетъ отдѣльно для прислуги черная большая изба, гдѣ и проѣзжіе съ возами пристаютъ), но возьмемъ изъ крестьянъ—все равно 1-го класса по состоянію, или 4-го класса: домъ поставленъ саженяхъ въ 20—30, параллельно со скотнымъ дворомъ, который величественно выглядитъ своими большими окнами какъ жилой домъ. Между домомъ и скотнымъ дворомъ по обѣимъ сторонамъ службы, что́ и образуетъ квадратъ; всѣ строенія и службы сто-

ять отдѣльно. Этотъ дворъ окружаетъ воздухъ, а крышею небо. Зимою ѣдущіе съ возами (бываютъ артели лошадей 20) въѣзжаютъ, такъ сказать, не во дворъ, а на дворъ или, правильнѣе сказать, на улицу, выпрягаютъ лошадей, напоятъ, если есть вода въ колодцѣ, привяжутъ лошадей къ санямъ, дадутъ корму, сами возьмутъ провизію, идутъ въ избу, расположатся, ѣдятъ, отдыхаютъ и уходятъ, не сказавъ ни здравствуй, ни здорово, было ли это днемъ или ночью. Двери вездѣ настежъ: не то что не замыкаютъ, но даже не припираютъ сѣнныхъ дверей и тому подобныхъ холодныхъ зданій, кромѣ хлѣбнаго амбара, и то только на ночь.

Въ теченіе какихъ-нибудь 30-ти лѣтъ одежда во многомъ измѣнилась, особенно у мужчинъ въ крестьянскомъ быту. Стараго покроя теперь вовсе не найдешь, развѣ близъ города Куопіо, и то только въ Куопіоскомъ приходѣ, мужчины носятъ изъ толстаго домотканнаго, грубаго сукна короткія куртки, а въ остальной Финляндіи одѣяніе давно уже совершенно измѣнилось. Болѣе 25 лѣтъ тому назадъ я былъ на границѣ Лапландіи въ приходѣ Кузамо: тамъ уже простой народъ носилъ пальто, пиджаки.

Относительно опрятности мужчинъ—не вездѣ одинаково; положимъ, что они всѣ курятъ табакъ; въ иныхъ мѣстахъ это табакокуреніе ведутъ опрятно,

но уже начинаетъ шибко распространяться въ простомъ народѣ—какъ это принято у янки и Джонъ-Буля—обычай жевать табакъ; но американцы и англичане жуютъ листовой табакъ, а мною описываемые финны, выкуривши до половины трубку, да еще доморощеннаго табака, этотъ остатокъ на днѣ трубки—золу и горечь—выколачиваютъ на ладонь, соберутъ въ кучку и кладутъ въ ротъ, конечно, стараясь держать за щекою... Ну, и, разумѣется, этотъ мелко рубленный и наполовину съ золою табакъ вмѣстѣ со слюною расплывается и потечетъ наружу, на бороду, даже на грудь... При видѣ такого господина съ его отвратительною наружностью, невольно вырвется слово: „вотъ уже это настоящая чухна!“ Конечно, такія личности большею частью изъ рабочаго класса; но много между ними есть и домовитыхъ хозяевъ, представляющихся нисколько не привлекательнѣе вышеописанныхъ субъектовъ. А все-таки долженъ сказать: болѣе или менѣе народъ честный, народъ добрый; не глядя на ихъ вѣчную молчаливость и флегматическія манеры, они умственно довольно развиты. Многіе изъ крестьянъ получаютъ газеты, нѣсколько изданій, даже ведутъ съ редакціями корреспонденцію, насколько имъ это доступно.

Относительно почитанія родителей у финляндцевъ оно гораздо слабѣе, чѣмъ у кореловъ. Корелъ,

какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, не покидаетъ родителей—отца и мать, а у финновъ, особенно въ низшемъ сословіи, какъ только дѣти подросли, такъ и оставляютъ отца и мать; даже со временемъ, сдѣлавшись состоятельными, обращаются съ отцомъ и матерью какъ съ дальней родней. И самое родство у финновъ ведется очень холодно, между тѣмъ какъ у кореловъ даже въ третьемъ колѣнѣ родство горячо почитается.

Женскій нарядъ вообще въ Финляндіи мало измѣняется, исключая Выборгской губерніи, гдѣ онъ такъ разнообразенъ своею пестротою, что трудно описать болѣе подробно; почти въ каждомъ приходѣ все новое, все особенное, не столько въ платьяхъ, юбкахъ, какъ въ головномъ уборѣ: то волосы распущенные, то обстриженные, какъ у мужчинъ, кудри, то забранные въ клочокъ на маковкѣ головы, какъ у японцевъ; то обвязаны бѣлою фатой или просто простынею, которая виситъ до пятокъ; то дугою, то рогами, то въ видѣ подковы и Богъ вѣсть еще какъ. Все это неуклюже, непріятно для глазъ, какъ и остальной ихъ образъ жизни, далеко не гармонирующій съ прочей Финляндіею. Если ихъ сколько нибудь подробнѣе описать, то выйдетъ такая пестрая картина, изъ которой трудно что-нибудь понять. Въ заключеніе остается сказать: все это такъ близко нашей столицы! Всякій интересующійся

этимъ предметомъ легко можетъ удовлетвориться собственными глазами.

Милая внучка

Маруся!

Шлю поздравленіе тебѣ съ настоящей веселой весною и съ наступающимъ красивымъ ляскельскимъ лѣтомъ. Желаю встрѣтить и проводить его въ весельѣ, благополучіи и вожделѣнномъ здравіи, наслаждаться чистымъ, здоровымъ воздухомъ и любоваться живописными видами окрестностей: горы, воды, лѣса, села, острова, луга, покрытыя сѣверною флорою—вотъ сколько очарованій! Но кромѣ нихъ какое восхищеніе тутъ, у тебя подъ окномъ: величественный водопадъ пѣнится и шумитъ.

При такомъ удобномъ случаѣ не могу удержаться, чтобы не пуститься въ болѣе пространное описаніе тѣхъ мѣстъ, тѣхъ видовъ и окрестностей, которые ежедневно у тебя передъ глазами. Когда-то и я, многогрѣшный, встрѣчалъ весну и проводилъ лѣто у этого Ляскельскаго порога. Но съ тѣхъ поръ много времени прошло, много воды утекло. И теперь я хочу подѣлиться съ тобою тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ на меня впервые этотъ пѣнистый водопадъ.

Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ тогда эта мѣстность Ляскеля съ ея живописными окрестностями очень приглянулась. Будучи уже тогда въ пожилыхъ лѣтахъ, я все-таки не утерпѣлъ, пустился описывать, что представлялось моему взору. Писалъ-то я тогда много, не объ одной Ляксeля съ окрестностью. Описывалъ Валаамъ съ другими островами; сѣверное прибрежье Ладожскаго озера; водораздѣлъ финновъ-кореловъ отъ Ладожскаго озера до Бѣлаго моря и прочія матеріи; отдавалъ и въ печать: въ „Олонецкія Губернскія Вѣдомости“, въ столичныя газеты: „Биржевыя Вѣдомости“, „Сынъ Отечества“, въ „Географическое Общество“, гдѣ былъ почтенъ принятіемъ въ члены-сотрудники и за труды награжденъ медалью.

Еслибы всѣ эти мои описанія сохранились, то, можетъ быть, они пригодились бы тебѣ на память. Но при моей перемѣнной жизни куда-то всѣ они растерялись.

Такъ какъ въ настоящее время ты съ родителями твоими переселилась изъ столицы на житье въ Ляскеля, да кстати подошла и веселая весна,— вотъ и вспомнилось мнѣ тогдашнее мое вдохновеніе.

Я увидѣлъ впервые этотъ величественный Ляскельскій порогъ весною 1869 года, во время половодія. Гдѣ мнѣ теперь, семидесяти-лѣтнему старику,

гнаться за краснымъ словцомъ! Поэтому опишу тебѣ его только въ общихъ очертаніяхъ, которыя еще чуть-чуть рисуются въ моей памяти. Помню, что при первомъ моемъ взглядѣ на этотъ величественно-восхитительный водопадъ въ пору весенняго разлива воображеніе мое такъ воспламенилось, что я тутъже пустился его описывать и въ прозѣ, и въ стихахъ; и хотя сознавалъ скудость моего таланта и мою малограмотность, но все-таки продолжалъ по мѣрѣ возможности риѳмоплетничать, пока, наконецъ, достигаемый конецъ моего риѳмоплетенія совершенно застрялъ въ волнахъ кипучаго порога, а я самъ сталъ втупикъ — не куда ступить. Тогда я ухватился за прозу [1]): давай, молъ, съ нею спущусь внизъ по струѣ описывать окрестности. Вотъ уже не помню, какъ далеко и широко обходилъ я ихъ описаніемъ; нѣкоторую часть этой словесной „живописи", уцѣлѣвшую до сихъ поръ въ моей памяти, теперь при семъ и прилагаю.

Не осуди, милая Маруся, если все это окажется негладко, нескладно! Ты вѣдь у меня институтка, а я учился на мѣдныя деньги. Можетъ быть, тебѣ

---

[1]) Знаменитый поэтъ Державинъ видѣлъ Кивачъ въ бытность свою олонецкимъ губернаторомъ; но только спустя 20 лѣтъ, будучи сенаторомъ въ Петербургѣ, написалъ свою поэму „Водопадъ Кивачъ". Дѣдушка Крыловъ басню—лѣсной цвѣтокъ „Василекъ" писалъ въ продолженіе 15 лѣтъ.

покажется слишкомъ растянутымъ, скучнымъ, а можетъ быть и заинтересуешься, и неискусная рѣчь твоего дѣдушки возбудитъ въ тебѣ живое соревнованіе превзойти его въ литературномъ искусствѣ и любви къ природѣ. Какъ бы то ни было, а ты все-таки провѣрь: такъ ли все это теперь, какъ у меня 20 лѣтъ тому назадъ описано. Навѣрное, уже бревно, стоявшее посреди порога, не стоитъ теперь? Но бросаетъ ли попрежнему порогъ брызги въ нижнемъ концѣ выше крыши завода?—Если же найдешь какія-либо неточности въ описаніи,—старому прощается. Вѣдь 20 лѣтъ ужъ прошло: значитъ, много и въ природѣ, и въ искусствѣ измѣниться могло. Особенно въ нынѣшнемъ культурно-прогрессивномъ вѣкѣ, въ два-три года мало-ли какія измѣненія могутъ совершиться. А тутъ цѣлыхъ 20 лѣтъ прошло—значитъ, могло измѣниться не то что произведенное человѣкомъ, но и Господомъ Богомъ. Такъ что если и Ляскельскій порогъ перестанетъ шумѣть, ничего удивительнаго въ этомъ не будетъ. Давно ли при городѣ Кексгольмѣ воды было въ нѣсколько десятковъ разъ больше, чѣмъ у васъ въ Ляскельскомъ порогѣ. А теперь не то что она не шумитъ болѣе, но и совершенно обсохла, можно свободно переходить. А отъ упомянутаго города, по петербургскому тракту, въ Кивиніеми, вода бѣжала съ юга на сѣверъ съ такимъ паденіемъ, что

нѣсколько мельницъ дѣйствовало; а теперь съ сѣвера на югъ въ томъ же самомъ мѣстѣ вода бѣжитъ въ нѣсколько десятковъ разъ сильнѣе, чѣмъ въ вашемъ порогѣ. Положимъ, что вмѣстѣ съ естественною перемѣною дѣйствовало и искусство рукъ человѣческихъ. Но мудрый порфироносецъ, царь Соломонъ, не даромъ сказалъ, что ничего вѣрнаго и постояннаго нѣтъ подъ луною. Что и видимъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Батавіи совершился феноменальный переворотъ въ природѣ: острова съ стотысячнымъ народонаселеніемъ моментально исчезали, другіе появлялись. Такъ и въ вашихъ мѣстностяхъ, въ теченіе 20-ти-лѣтняго моего отсутствія, многія измѣненія могли совершиться, не говоря о техническихъ изобрѣтеніяхъ, но и въ природѣ. Легко могло случиться и такъ, что островъ Валаамъ со святыми отцами перешелъ на мѣсто Мёнчёля, а островъ Мёнчёля съ Иваномъ Егоровичемъ на мѣсто Валаама. Вы, конечно, съ папой и мамой примете это за шутку, за аллегорію. Но прочтите въ концѣ сего посланія описаніе расщелины земли—тутъ же близко васъ,—и вы убѣдитесь, что признаки есть, начало есть. Берегитесь!!!

Водопадъ Ляскеля и его окрестности.

Финляндія богата водами, но не судоходными рѣками; за то она изобилуетъ живописными порогами и красивыми водопадами. Въ юго-западномъ углу ея, изъ басейна Янись-ярви течетъ отъ сѣвера на югъ рѣка Ляскеля въ обширное озеро Ладожское. Не доходя шести верстъ до своего устья, въ этомъ мѣстѣ она, преодолѣвъ препоны гранита. гдѣ болѣе сжата скалами, съ неимовѣрною силою рвется впередъ, чѣмъ и образуетъ шумящій водопадъ, который плѣняетъ зрителя своимъ живописнымъ разнообразіемъ, не менѣе эффектнымъ, чѣмъ прославленный водопадъ Иматра. Въ игривыхъ каскадахъ, переливая по крутымъ уступамъ свои жемчужныя струи, она рвется, стремится все сильнѣе и сильнѣе между выступающими острыми углами скалы. По срединѣ этого вѣчно клокочущаго потока воды чернѣетъ конецъ бревна, когда-то силою удара всаженнаго въ щель скалы однимъ своимъ концомъ. Тщетно силится вода переломить его, но бревно все-таки остается въ прежнемъ своемъ стоячемъ положеніи—чуть лишь наклонно. Тутъ, какъ на зло, рука промышленника съузила нормальный путь плотиной устроенной имъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ образуется главный уступъ трех-

саженной вышины. Вотъ здѣсь-то струя съ бѣшеною силой ударяется въ дно русла рѣки и, по всей вѣроятности, неожиданно встрѣтивъ уголъ высунувшейся на днѣ скалы, пѣнитъ стремящіяся свои струи, которыя и бросаютъ вверхъ брызги въ видѣ искусственнаго фонтана, вертикально мечущаго то мелкія, то крупныя капли болѣе семи саженъ въ вышину, отчего образуется восхитительная для зрителя картина живой игры природы, отъ которой путникъ никакъ не можетъ оторвать своихъ взоровъ. Во время вѣтра фонтанъ разсыпается и представляетъ собою исполина тропическихъ странъ—вѣтвистое дерево, а во время косвенноударяющихъ въ него солнечныхъ лучей фонтанъ этотъ своею игрою радужныхъ цвѣтовъ являетъ зрѣлище красоты, для которой нѣтъ описанія.

Въ верхнемъ концѣ этого порога стоитъ плотина со множествомъ вешняковъ, и выстланный по ней путь образуетъ большую проѣзжую дорогу. Насупротивъ перваго верхняго завода, на возвышенномъ мѣстѣ, стоитъ домъ управляющаго этими заводами. Вотъ отсюда-то и представляется рѣдко встрѣчаемый ландшафтъ. Внизу — вѣчно шумящій водопадъ, а весь противоположный правый берегъ этого кипучаго порога застроенъ заводами и разными другими строеніями. Въ нижнемъ концѣ порога отъ разъяренныхъ волнъ сердитаго водопада

образуется нѣчто въ видѣ большого пруда, который подходитъ подъ уровень Ладожскаго озера и идетъ тихою струею между крутыми берегами дубравъ, вплоть до берега, унося на волнахъ своихъ пѣну кипучаго порога; пѣна эта, всплывая мѣстами на зеркальную поверхность рѣки отдѣльными массами, представляется издалека неопытному глазу зрителя стадами бѣлыхъ лебедей.

Самая рѣка представляетъ не менѣе очаровательную картину: она вьется свѣтлою и узкою полосою между высокихъ ровныхъ береговъ, покрытыхъ зеленью луговъ, а мѣстами—молодымъ лиственнымъ лѣсомъ.

Смотря съ возвышенности на эту восхитительную картину природы, невольно впадаешь въ лирическое настроеніе и хочется говорить стихами:

Межъ зелеными брегами
Тихо катится ручей...
. . . .
. . . .

По обѣимъ сторонамъ этой рѣки пестрѣютъ домики кореловъ и финновъ; послѣдніе живутъ нѣсколько дальше отъ берега. Въ дополненіе этой чудесной картины, дубравы и луга благоухаютъ и пестрѣютъ полевыми цвѣтами. Въ отдаленіи отъ рѣки правильнымъ полукругомъ окаймляютъ гори-

зонтъ невысокія горы. Съ правой стороны онѣ болѣе или менѣе скалисты и обнажены, а съ лѣвой покрыты лиственнымъ лѣсомъ, среди котораго виднѣются домики финновъ. Затѣмъ, удаляясь, природа еще болѣе измѣняетъ свой видъ. Близъ устья рѣки съ правой стороны, какъ будто по мановенію волшебнаго жезла, изъ нѣдръ земли поднимается высокая, конусообразная гора, съ отвѣсными уступами въ нѣсколько саженей. Эта гора—Казбекъ здѣшней мѣстности. Финны и корелы зовутъ ее „Hisen vuori“, т.-е. „чертова гора“. Мѣстное преданіе гласитъ, что въ этой горѣ живутъ черти; зачастую, особенно въ осеннія ночи, слышатся разные голоса: смѣхъ, плачъ, пѣсни, музыка и т. п. [1]).

Прямо противъ устья описываемой мною рѣки, по сторонамъ и не въ дальнемъ отъ нея разстояніи, расположены параллельно съ берегомъ острова, большею частью продолговатой формы, разныхъ видовъ и величины, и всѣ они болѣе или менѣе высокіе и скалистые; нѣкоторые изъ нихъ обитаемы и заселены даже цѣлыми деревнями. Мореходныя суда Ладожскаго озера, гальты, со своими высо-

[1]) Даже степенные люди серьезно подтверждали мнѣ это. Но черезъ какихъ-нибудь полстолѣтія (я въ этомъ убѣжденъ) перестанутъ слышаться голоса чертей. Точно такъ же сорокъ лѣтъ назадъ говорили черти и въ Саволаксахъ, а теперь молодое поколѣніе положительно перестало вѣрить болтовнѣ стариковъ и старухъ. То же будетъ и здѣсь, когда лучъ просвѣщенія проникнетъ сюда.

кими мачтами, рядомъ съ этими горами кажутся маленькими лодочками. высокія мачты коихъ во многихъ мѣстахъ не достигаютъ и до половины горъ въ вышину.

Преимущественно въ лѣтнее время, въ тихій ясный день, когда побольше соберется этихъ судовъ на водахъ здѣшняго архипелага, съ распущенными бѣлыми парусами [1]), движеніе рыболовныхъ и прочихъ проѣзжихъ лодочекъ, между коими снуютъ пароходы, оставляя за собою горизонтальную полосу дыма. Все это чрезвычайно оживляетъ этотъ оригинальный ландшафтъ. Если прибавить къ тому синѣющій вдали рядъ острововъ, выдѣляющихся на свѣтломъ лонѣ водъ Ладожскаго озера, острововъ Валаамскихъ, въ числѣ коихъ Святой островъ, нашъ сѣверный Патмосъ, мѣсто успокоенія угодника Божія, преподобнаго Александра Свирскаго, живописною красотою превосходитъ прочіе острова. А островъ Валаамъ—чѣмъ онъ не знаменитъ? По богатству видовъ своего мѣстоположенія это нашъ сѣверный Кипръ и Родосъ!

Кто изъ русскаго православнаго люда не знаетъ его? Кто не бывалъ на немъ, чтобы поклониться

[1]) Все, что здѣсь грузится, отправляется въ Петербургъ, именно: лѣсъ въ кругломъ видѣ и въ доскахъ, дрова и ивовая кора, коровье масло; изъ породы минераловъ: чугунъ, желѣзо, мѣдь, олово, мраморъ и проч. Изъ породы рыбъ: сиги, лосось, осетръ и пр.

мощамъ святыхъ угодниковъ Сергія и Германа, посмотрѣть живописное его мѣстоположеніе? Здѣсь всѣ перебывали: отъ Августѣйшаго Семейства до жителя убогой хижины, отъ глупца, не могущаго дать себѣ отчета въ самомъ простомъ явленіи природы, и до глубокаго ученаго, старающагося сорвать завѣсу съ самыхъ сокровенныхъ тайнъ природы.

Расщелина земли.

Здѣсь я разскажу о томъ замѣчательномъ явленіи, которое на сѣверѣ считается рѣдкостью и которое произошло въ трехъ верстахъ отъ берега Ладожскаго озера, въ трехъ верстахъ отъ ляскельскаго завода и съ версту на востокъ отъ вышеописанной рѣки Ляскеля. Лѣтъ пять спустя послѣ событія, я лично ходилъ осматривать мѣсто катастрофы, а теперь надо считать съ того времени 25 лѣтъ. Это было осенью, въ сентябрѣ, когда сдѣлался провалъ земли, или, правильнѣе сказать, образовалась трещина въ нѣсколько саженъ глубины и полсажени или болѣе ширины. По сторонамъ, отдѣльно отъ главной трещины, во многихъ мѣстахъ образовались глубокіе рвы и высокіе курганы. Вся эта катастрофа необыкновенной силы

природы происходила никѣмъ незамѣченной. Ближайшій отъ этого мѣста житель, въ одной верстѣ разстоянія, около 8 часовъ вечера слышалъ какъ будто глухой гулъ и легкій ударъ. Только на другой день случайно замѣтилъ онъ это сверхъестественное явленіе. Тогда, по словамъ его, многіе пріѣзжали посмотрѣть на этотъ феноменъ геогностической игры природы, въ числѣ коихъ много было изъ ученаго круга, которые не упустили, по всей вѣроятности, заявить въ свое время о необыкновенномъ явленіи природы въ финско-шведскихъ газетахъ.

Мѣстность, гдѣ произошла расщелина, съ теченіемъ стольких лѣтъ успѣла во многомъ измѣнить свой первоначальный видъ, и уже тогда, какъ я осматривалъ ее, она обросла травою и лѣсомъ и острые края рвовъ и трещинъ осыпались. А теперь, 25 лѣтъ спустя,—и подавно.

Вся площадь, гдѣ происходилъ этотъ необычайный переворотъ, занимаетъ версту длины и $^1/_4$ версты ширины. Мѣсто ровное и смѣшанное съ глинисто-песчанымъ грунтомъ. Главная трещина шла ломанною линіей, упершись въ ручей; тутъ на лугу была небольшая скирда сѣна, воза два; ее отбросило съ мѣста и покрыло землею. А такъ какъ эта мѣстность была большею частью покрыта лѣсомъ, то во многихъ мѣстахъ лѣсъ былъ опрокинутъ вверхъ

кореньями. Въ заключеніе же вышеприведеннаго слѣдуетъ замѣтить, что никакихъ атмосферическихъ перемѣнъ при этомъ не было. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ данныхъ нужно полагать, что явленіе это происходило, по всей вѣроятности, моментально и съ неимовѣрною силой. Причемъ деревья, росшія въ направленіи главной трещины, раскололись какъ лучинки; одна половина дерева осталась на одной сторонѣ трещины, а другая на другой, въ томъ же положеніи, въ которомъ росли.

Богатство сѣвера. Картины природы сѣверной Кореліи.

I.

Сосновый боръ.

Въ сѣверной Кореліи занимаетъ прохожаго видъ сосновыхъ боровъ. Это единственное богатство этого края. Своими стройными стволами поднимаются они гордо и величаво, какъ бы смѣясь надъ тропическими пальмами. Эти дѣвственные лѣса своей суровой красотою и своими величественными видами оспариваютъ роскошную растительность юга. Вы, почтенные туристы запада, придите сюда на сѣверъ, въ лѣтнюю пору, провести хоть одну

ночь въ сосновомъ бору. послушать монотонный голосъ кукушки! И если вы поэтъ, натуралистъ или живописецъ — вы найдете здѣсь себѣ пищу: поэтъ—своей игривой фантазіи, натуралистъ—своей научной любознательности, живописецъ — своей кисти. Вѣрьте, нашъ сѣверъ не лишенъ красоты природы, богатства видовъ и нѣкотораго рода растительности. Видѣть и описать красоту сѣверной ночи—это истинное, естественное наслажденіе, а не вымыселъ сказокъ „Тысяча одна ночь“.

II.

Четвероногіе обитатели сѣверныхъ лѣсовъ.

Но вотъ вы въ сосновомъ бору, среди величаво ростущихъ сосенъ, гигантовъ сѣвера, съ ихъ какъ будто въ форму вылитыми стволами. Вы—въ царствѣ четвероногихъ обитателей сѣвера. Будьте осторожны и—если вы не особенно трусливы—поглядите на нихъ. Вонъ тамъ косолапый Мишка со своимъ семействомъ; онъ вышелъ изъ темнаго ельника со своими дѣтенышами поиграть на просторѣ, а на случай опасности учитъ своихъ медвѣжатъ лазить на деревья. Хотя этотъ вопросъ еще не рѣшенъ, для спасенія ли лазитъ медвѣдь на деревья отъ опасности, или за добычею, или же для своей

забавы, но зачастую медвѣдей находятъ на вершинахъ деревъ. А вотъ тутъ слышится щелканье бѣлокъ, съ неимовѣрною легкостью перебѣгающихъ по вѣткамъ надъ вашей головою; перескакивая съ дерева на дерево, онѣ ищутъ себѣ пищу въ древесныхъ желудяхъ. Нерѣдко случается видѣть, какъ на окраинѣ бора, у опушки частаго лѣса, хитрая лисица стережетъ кроткаго зайца.—Вдругъ, какъ воздушный метеоръ, передъ вашими глазами промчится куница-соболь въ свое дупло или логовище. Съ тяжелыми рогами, съ красивою гривою и гордою осанкою, переступаетъ черезъ боръ быстроногій лось. Какъ кавалькада во время аттаки непріятеля, пронеслось съ шумомъ, стуча рогами о деревья, стадо сѣрыхъ оленей, гонимыхъ голоднымъ волкомъ. Тамъ жадная росомаха, перескакавъ боръ, мчится въ частый лѣсъ, выбираетъ дерево и забирается на него — высматривать себѣ добычу. Звѣрекъ любитель водъ — рѣчная выдра, изъ породы бобра; на сушѣ бѣгъ его тихъ, но цѣнится высоко въ продажѣ его мѣхъ. Тамъ вдалекѣ мелькаетъ горностай, въ своей бѣлоснѣжной шубѣ съ чернымъ кончикомъ хвоста. И тутъ же невысокій сѣверный кабанъ случайно покажетъ свою морду и скроется. Есть и еще звѣрекъ красивой породы: ростомъ выше волка и такой же свирѣ-

пый; имя ему рысь; пятнистая его шкура цѣнится высоко въ торговлѣ.

III.

Царство пернатыхъ.

Еще нѣкую толику богатствъ сѣвера составляетъ царство пернатыхъ, неизмѣнныхъ обитателей лѣсовъ и боровъ сѣверной Кореліи, отъ которыхъ мѣстнымъ жителямъ прибыль, а охотникамъ пріятное занятіе. Вотъ тетеревъ ведетъ своихъ птенцовъ по бору; косачъ, какъ отецъ семейства, впереди. Глухарь со своимъ семействомъ, наѣвшись хвои, спускается съ дерева на поляну, на досугѣ въ пескѣ поваляться и вдоволь полюбоваться своими дѣтенышами. Тамъ вдали, на прогалинѣ густого еловаго лѣса, прилетѣла цѣлая вереница рябчиковъ: тоже хочется поиграть въ кореньяхъ срубленныхъ и упавшихъ деревъ. А за ними—вонъ тамъ, изъ пушистаго лиственнаго лѣсу, испуганно вылетаютъ стая за стаей вкусныя куропатки. Онѣ завидѣли гдѣ-нибудь по близости своего врага — бѣлку или лисицу.

IV.

Живописныя мѣста корельскаго сѣвера.

Но вамъ, знаменитый туристъ и артистъ, хочется видѣть здѣсь другую картину, другую прелесть —

красоту нашей сѣверной природы въ лѣтнюю ночную пору. Ну, такъ вотъ она — эта чудная сѣверная ночь! Развѣ не хорошо это свѣтлое воздушное небо съ непотухающей зарею?! Развѣ не хорошъ этотъ громкій, торжественный хоръ — этотъ концертъ залетныхъ пташекъ, прилетающихъ сюда на лѣтній сезонъ!? А кукушка? Своимъ монотоннымъ напѣвомъ она навѣваетъ на слушателя сладостныя мечты—и вашъ взглядъ и слухъ утопаютъ тогда въ какую-то тихую нѣгу, полную жизни и гармоніи...

Вотъ извольте взглянуть отсюда вправо, на возвышенности знаменитаго бора, пониже отъ насъ, не вдали—богатый ландшафтъ сѣверной природы. Это небольшое озеро, природное зеркало корелы, окаймлено пушистымъ зеленымъ лѣскомъ; здѣсь чудесно смѣшалась вся растительность нашего сѣвера: ольха, ива, осина, береза, черемуха и рябина.

Вонъ тамъ, въ изгибѣ, опять пушистый лѣсокъ, куда углубляется, съ кустами, красивый лужокъ; рѣчка катитъ по немъ свои тихія струи. Здѣсь словно улыбается мягкая мурава; а по ту сторону той же рѣки стелется лужокъ—точно коверъ зеленаго бархата. И тутъ же прорѣзываетъ эту дубраву стремящій свои игривыя струи изъ зеленаго лѣсу, змѣеобразно текущій ручей. И какъ будто для усиле-

нія эффекта этой милой картины—въ самомъ устьѣ, на прозрачныхъ водахъ, гдѣ соединяетъ рѣчка свои струи, какъ будто цѣлуя ручей, ваши взоры встрѣчаютъ десятки паръ бѣлыхъ лебедей; съ крикомъ, гордо поднимая шею, плавно плывутъ они по водѣ, въ которой отражаются и ихъ прекрасныя свѣтлыя крылья, и свѣтлое небо короткой, быстро пролетающей сѣверной ночи.

V.

Ландшафтъ и царство въ водѣ плавающаго богатства.

Отсюда влѣво разлеглось большое озеро, съ живописными островами и красивыми мысками. Вся поверхность его пестрѣетъ отъ разнородныхъ перелетныхъ пернатыхъ. Вотъ они усѣлись на большое вязкое болото, гдѣ вьютъ себѣ гнѣзда; вотъ снялись опять и летятъ ужъ назадъ, съ пѣснями и крикомъ, на это большое озеро. А этотъ красивый сосновый боръ, на опушкѣ котораго мы теперь стоимъ, съ его возвышенной макушкой, засаженной стройными соснами, тянется въ необозримую даль лѣсовъ и, какъ бы сознавая свое достоинство и превосходство надъ прочими богатствами сѣвера, какъ гордый вельможа, едва прикасается до берега этого озера.

Параллельно съ нимъ темный еловый лѣсъ беретъ начало изъ глуши пустынь; мѣстами шире, мѣстами уже, идетъ онъ въ видѣ длинной полосы, упираясь вплоть къ тому же самому озеру. По срединѣ этого еловаго лѣса журчитъ рѣка, то переливаясь уединенно тихою струею межъ мшистыхъ береговъ, то съ шумомъ катясь по каменистому грунту, образуя пороги, и вновь течетъ тихою струею по ровному долу, какъ будто отдыхаетъ передъ новою встрѣчей съ гранитной скалою, заставляющей ее преобразиться въ клокочущіе водопады. Но здѣсь, близъ озера, она еще сильнѣе рвется на волю изъ сжимающихъ ее въ оковахъ каменистыхъ береговъ и грубаго грунта, чтобы мирно заснуть на величественномъ ложѣ громаднаго озера. Рядомъ съ еловымъ лѣсомъ, на далекое пространство тянется волнообразно отъ озера песчаная пустыня; съ ея гребня взору представляется громадное болото въ первобытномъ состояніи, которое упирается также въ это озеро и по справедливости можетъ гордиться многоплодіемъ разнородныхъ органическихъ существъ въ своихъ непроходимыхъ, топкихъ нѣдрахъ; на его обширной глади въ теченіе двухъ мѣсяцевъ воодушевляются милліоны существъ: ползающихъ, скачущихъ и летающихъ. На этой обширной глади топкаго болота синѣютъ и чернѣютъ острова съ полузасохшими

деревцами, подобно оазисамъ песчаной пустыни Сахары, гдѣ утомленные путешественники находятъ отъ зноя прохладу и влагу—отъ смертельной жажды. А здѣсь, посреди неприступнаго болота, чернѣютъ пятна съ болѣе твердымъ грунтомъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ стоятъ какъ часовые нѣсколько полузасохшихъ сосенъ. Вотъ гдѣ вьютъ гнѣзда, кладутъ яйца перелетныя птицы, чувствуя себя внѣ опасности отъ близкаго присутствія звѣря и охотника. Въ виду берега описаннаго озера, за этимъ болотомъ—опять возвышенный боръ съ своими величавыми соснами. За величественнымъ сосновымъ боромъ въ разнообразныхъ видахъ молодой лиственный лѣсокъ: съ пажнями, полями, которыя сбѣгаются къ берегу, словно небольшое стадо овецъ. Мѣстами пушистый лѣсокъ смотрится въ озеро, будто въ зеркало, улыбаясь ему. А тамъ опять лужокъ, пробѣжавъ сквозь лѣсокъ, обнявшись съ берегомъ, тоже цѣлуется съ озеромъ, и обработанныя поля, какъ осторожныя дѣти, смотрятъ на воду, робко любуясь ею издалека.

Но вотъ постепенно даль расширяется все больше и больше, и взору наконецъ представляется погостъ. По берегамъ русла выходящей рѣки раскинулись деревушки со своими домишками. Близъ самаго устья, на возвышеніи красуется храмъ Божій. По противоположному отъ погоста берегу

та же картина, та же живопись и та же сладостная тишина. И здѣсь опять тѣ же отъ нѣги дремлющіе лѣса, между которыми желтѣютъ болота, свѣтлѣютъ озера. Вблизи берега, въ разныхъ разстояніяхъ, разбросаны деревушки съ пестрѣющими полями и зеленѣющими лугами. И такимъ образомъ мы, обойдя вокругъ это озеро, вновь пришли къ той же рѣчкѣ, близъ устья которой и по берегамъ ея царствуетъ корельская флора. Эта же рѣчка, проходя чрезъ зеркальное лоно небольшого озерка, окаймленнаго коврами цвѣтовъ, встрѣчается съ берегомъ большого озера.

Невдалекѣ отъ устья, какъ мы упоминали, раскинуты деревушки. Въ деревняхъ задымились бани; съ погоста слышенъ благовѣстъ: значитъ, завтра день праздничный. На озеро выѣхала уже цѣлая флотилія лодочекъ. Тамъ старая женщина съ молодою дѣвушкою ѣдетъ на плесъ, спускать въ воду сѣти. Около острововъ и материковаго берега такъ и кружатся лодочки съ молодыми женщинами, спѣша раньше другихъ забросить въ воду неводъ. Отъ самой деревушки, черезъ небольшой заливъ, пѣнится, шумитъ и искрится противъ солнца, играя радугою, этотъ клокочущій водопадъ, куда съ погоста и изъ прочихъ деревушекъ съѣзжаются для ловли болѣе крупной рыбы.

Старикъ съ мальчуганомъ въ лодочкѣ подъѣз-

жаютъ къ водопаду съ рыболовными снастями. Мальчуганъ, сидя на кормѣ, весломъ правитъ, а старикъ, кряхтя, гребетъ и ворчитъ на мальчугана, чтобы онъ правилъ къ берегу. Но маленькому шалуну хочется пошалить; онъ держитъ лодочку по другой сторонѣ отъ водопада и вдругъ заворачиваетъ посреди крутыхъ гребней катящихся волнъ. Лодочку начинаетъ бросать изъ стороны въ сторону—и вотъ понесло по теченію, и волна за волною наперерывъ стремятся залить ее. Старикъ молитву творитъ и благимъ матомъ бранитъ мальчугана, а мальчугану кажется, что волны забавляются съ нимъ,—и онъ смѣется отъ радости. Наконецъ старикъ выбивается изъ силъ, и бьющія волны уносятъ теченіемъ лодочку въ омутъ. На берегу, близъ водопада, изъ толпы раздается взрывъ смѣха. Это—раньше ихъ пріѣхавшіе рыбаки. Но наконецъ и ихъ лодочка причалила къ берегу. Старикъ на чемъ свѣтъ стоитъ бранитъ мальчугана и, кряхтя, поднимается съ лодочки, чтобы выйти на берегъ. А мальчуганъ между тѣмъ уже прыгнулъ незамѣтно отъ старика и уже на краю водопада успѣлъ обѣжать всѣ заколы и весь рыбный промыселъ; кричитъ что есть мочи: „Дѣдъ! дѣдъ! много рыбы есть!“ Старикъ, крестясь, трясетъ головою, грозитъ кулаками: „Молчать!“ услышатъ прочіе — сглазятъ его хорошій уловъ. Осмотрѣли всѣ промыслы, выбрали рыбу, нагрузили

лодочку разнаго сорта рыбою и съ радостнымъ сердцемъ поѣхали домой. Женщины неводами и сѣтями наловили еще на прибавокъ. Вся семья, дѣти и бабы, цѣлую ночь чистили рыбу. Самъ старикъ разбиралъ ее по сортамъ — которую въ печкѣ сушить, которую на солнцѣ вялить, а которую солить впрокъ на зиму и для сбыта на вывозъ зимнимъ путемъ въ Финляндію или Россію, верстъ за триста-четыреста, а то до самаго Петербурга и еще подальше. Оттуда же, на возвратномъ пути, навезутъ съѣстныхъ припасовъ.

Таково богатство отъ рыбной ловли у сѣверныхъ кореловъ.

VI.

Царство насѣкомыхъ.

Граждане этого царства являются на свѣтъ Божій на короткое время, какъ гости-посѣтители, показывая Творцу свою физіономію и тутъ же прощаясь со своимъ существованіемъ. На долю нѣкоторыхъ экземпляровъ этого царства приходится всего нѣсколько сутокъ бытія: это царство насѣкомыхъ, которыми такъ изобильно богаты сѣверные лѣса и топкія болота. Тамъ надъ ручьемъ паритъ рѣзвая стрекоза; здѣсь, на лугу, въ мелкихъ дубровахъ рдѣютъ златокрылыя бабочки, букашки

съ своими радужными крылышками, безчисленное множество милыхъ мотыльковъ. А трудолюбивая пчела перелетаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, собирая медовый сокъ. Тутъ же на лугу, у опушки лѣса, милліарды назойливыхъ мухъ и комаровъ, — всѣ тутъ вмѣстѣ живутъ, кишатъ, веселятся, возсылая хвалу ко Всевышнему Творцу, ихъ создавшему.

VII.

Луна надъ заливомъ Онежскаго озера.

Красавецъ городъ Петрозаводскъ покоится въ тишинѣ сѣверной ночи. Звѣзды сѣвера горятъ тусклымъ свѣтомъ на небѣ. Мѣсяцъ свѣтитъ величаво надъ заливомъ Онеги; куполы собора бѣлѣютъ въ прозрачной высотѣ. Въ волнахъ залива отражается луна; на волнахъ колышется челнъ съ двумя пловцами. Въ сумракѣ ночи видны только пламенно влюбленныя очи, страстно взирающія другъ на друга съ бурнымъ сердцебіеніемъ... Сколько вздоховъ, сколько клятвъ передавали они въ упоительныхъ надеждахъ на сладостныя брачныя узы! Какъ умилительно поглядывали они на луну, прося ее быть свидѣтельницей ихъ клятвъ на вѣчную взаимность и вѣрность другъ другу!

Посреди города, надъ рѣкой, будто изъ Везувія—съ заводской трубы высоко пышетъ пламя и сыплетъ искрами. Внутри завода мирный олончанинъ приготовляетъ гигантскія пушки для войны и прочіе военные снаряды на защиту отчизны. На возвышенности, въ окраинѣ города, великолѣпно построенное, изящной архитектуры. зданіе — убѣжище высшей науки: семинарія отдаленной Олоніи, разсадникъ новаго поколѣнія. Внутреннимъ освѣщеніемъ оно представляетъ въ эти минуты чрезвычайно эффектный видъ издали.

Съ грѣхомъ пополамъ проторговавши весь день, купецъ послѣ сытнаго ужина спитъ крѣпкимъ сномъ. Грезится во снѣ ему успѣхъ его торговли завтра, и во снѣ онъ дѣлаетъ разные обѣты и обѣщанія...

Тамъ идетъ, въ поношенномъ пальто, судьбою разбитый чиновникъ. Въ разсѣянности онъ разсуждаетъ самъ съ собою. Но вотъ какъ-то нечаянно взглянулъ на луну—и вдругъ почувствовалъ, какъ будто задѣли его за самую живую, чувствительную струну. Онъ вздрогнулъ, остановился и пристально началъ глядѣть на лунный томный свѣтъ; онъ, бѣдняга, мечтаетъ: „Ахъ, ты, луна, луна! Обворожительница! Сколько ты на мое горемъ убитое сердце наводишь сладостныхъ воспоминаній! При твоемъ волшебномъ свѣтѣ, въ такія же августовскія ночи,

сколько бывало пріятныхъ свиданій. сколько радостныхъ рѣчей лилось изъ высоко вздымающейся груди моей! То въ тѣни лиственныхъ деревъ, то на тихо колыхающихся волнахъ залива Онеги... Вѣдь былъ и я на самомъ дѣлѣ молодъ и достоинъ... И я мечталъ стать чѣмъ-нибудь... не меньше товарища, который теперь „его п—ство"! Тогда! тогда, тогда!.. А теперь что̀ я? Обремененный семействомъ, въ послѣднемъ чинѣ, влачу жизнь, какъ судьба велѣла! Вонъ тамъ огонекъ свѣтитъ: тамъ шумъ, веселье! Туда и сердце меня влечетъ. Прощай навѣки, мечты пробуждающая луна! Съ этихъ поръ мнѣ одна отрада—мечтать лишь при свѣтилахъ Бахуса! А свѣтъ идеальныхъ стремленій, умственный свѣточъ наукъ и искусствъ — это все въ нашемъ братѣ давно ужъ потухло"...

Поздравленіе Сямозера жителями его береговъ съ первымъ мая 1868 года.

Это было во время моего пребыванія въ 1868 году въ Сямозерскомъ погостѣ, въ исходѣ мая, въ одинъ изъ прекрасныхъ майскихъ вечеровъ: озеро стояло какъ зеркало; при самомъ закатѣ солнца вдругъ сдѣлалась сильная буря; небо заволоклось то красными багровыми, то свинцовыми густыми

облаками. Большое озеро, нѣсколько минутъ назадъ свѣтлѣвшее какъ хрусталь, тутъ вдругъ почернѣло, забушевало самыми яростными волнами. Эта картина произвела на меня чрезвычайное сильное впечатлѣніе,—что и вызвало невольно меня взяться за перо и въ тотъ же моментъ соткать стишокъ—въ томъ видѣ, какъ онъ вслѣдъ за симъ здѣсь и помѣщается.

Старикъ Сямозеро!
Ты—отецъ нашъ!
Мы пришли тебя поздравить
Съ первымъ числомъ мая!
Какъ ты примешь насъ?
Съ улыбающимся челомъ
Или съ нахмуреннымъ лицомъ?
Мы, какъ дѣти,
Стоимъ предъ отцомъ,
Ожидая твоей ласки,
Или строгаго выговора.
Что жъ ты молчишь?
Отвѣчай! Мы вѣдь
Дѣти твои!
Столько лѣтъ
Насъ поилъ и кормилъ ты,
И лелѣялъ какъ родныхъ
Птенцовъ своихъ!

. . . . Но было еще рано:
Онъ отдыхалъ
Послѣ продолжительнаго сна,
Покрывшись плотно
Бѣлой пеленою.
Но онъ видитъ и слышитъ
И нашъ привѣтъ, и наши мысли.
Вотъ сталъ съ себя снимать
Край покрывала.
Вотъ поднялъ голову
И, обративъ къ намъ лицо,
Пристально смотритъ на насъ,
И тяжело вздохнулъ,
И не спѣшитъ отвѣтомъ.
Видимо, тяжелою думой
Покрыто его
Возвышенное чело.
И лежитъ на груди его
Какая-то тяжесть.
Наконецъ, разверзъ онъ уста
И снова глубокій
Вылетѣлъ вздохъ...
И обратился онъ къ намъ
Съ рѣчью такою:
„Правда ли, что вы,
Какъ къ отцу родному,
Ко мнѣ всѣ пришли

От чистаго сердца
Съ вашимъ дѣтскимъ привѣтомъ?"
Потомъ съ напряженною силою,
Стараясь главу приподнять,
По прежнему тяжко вздыхая,
Поднялъ правую руку,
И нà небо намъ указалъ.
„Вотъ! вы прогнѣвили Его!
Молитесь, просите!
Милость — оттуда!"
Еще отдохнулъ онъ немного
И умягченною рѣчью вѣщалъ:
„Ахъ! дѣти, дѣти!
То ли вы дѣлаете,
Чтò надо вамъ дѣлать?
Помните осень протекшую [1]),
Загляните въ ваши амбары,
Посмотрите подъ ногами, гдѣ вы стоите.
Оглянитесь вокругъ себя!
Двѣ недѣли, какъ снѣгъ сошелъ,
А поля чернѣютъ,
Будто вчера изъ подъ плуга оставленныя.
Нѣтъ того виду,
Какъ прежде бывало — зеленѣло
Гуще зеленаго бархата.

---

[1]) Эта осень 1867 года, когда весь хлѣбъ погибъ отъ мороза.

При всей этой плачевной картинѣ
Вы даже нисколько
Не сознаете своего положенія,
Не умѣете пользоваться
Даже щедротами Государя:
Пожертвованный хлѣбъ—
Эту высокую милость —
При всей своей плачевной бѣдности,
Употребляете во зло.
Даримую на пропитаніе
Дѣтей вашихъ муку
Куда вы носите?“...
Мы подсказали: „Въ кабакъ!“
А старикъ продолжалъ насъ сурово корить:
„Вы своимъ поведеніемъ
Такъ низко уронили себя...
И передъ Богомъ,
И передъ совѣстью,
Передъ Правительствомъ,
Передъ Начальствомъ
И даже передъ своими собратьями, —
Такъ можете ли вы
Называться дѣтьми моими?
Чистосердечна ли радость,
Съ которой вы встрѣчаете лѣто?
Веселитъ ли васъ первое мая?“...

Первая поэзія въ сѣверной оконечности Кореліи

(1849 года).

Относительно развитія нашего природнаго языка можно сказать утвердительно, что это единственный народъ на европейской почвѣ, за исключеніемъ лопарей и самоѣдовъ, которому удалось сохранить свой языкъ въ первобытномъ состояніи отъ глубокой древности неизмѣннымъ до нашихъ дней.

Я не ошибусь, если скажу: какъ говорили корелы во времена Рюрика, такъ говорятъ они и въ настоящее время. У корелъ нѣтъ никакихъ преданій, ни историческихъ разсказовъ, и никакихъ, хотя бы безтолковыхъ, стихоплетеній. Безъ сомнѣнія, и я не болѣе какъ такой же топорной работы корела. Но мое самолюбіе подстрекнуло меня испробовать, доступно ли корельскому языку хотя какого-либо рода стихосложеніе, въ нѣжныхъ выраженіяхъ поэтическихъ чувствъ, и я помѣщаю здѣсь нѣсколько пѣсенъ, сложенныхъ мною на корельскомъ языкѣ, въ сопровожденіи ихъ дословнымъ ихъ русскимъ переводомъ. Корельскій текстъ передается, конечно, русскими буквами, нарѣчіемъ южной оконечности Корелы.

Пайо [1]).

Пѣсня.

Корничасъ корбейсъ
Нейтиие чома,
Мяяличесъ омпелоо
Віеноста пайо паяттаа.

Ваччани горяя
Ей кенъ тійя,
Еіко сутяменъ
Тускаа авутаа.

Міелесъ піеттявя
Лойтосъ мяни,
Еі ohe минъ мойсту
. . . Віесточкаа.

Кевятъ тулоо,
Роспутта суури.
Дорогойлъ еі пяязе
. . . Тулемаанъ.

Сувеста линнутъ,
Весселясти лендяя,
Хоть душойлъ
Віестинъ тойсъ.

---

[1]) Мысли молодой дѣвушки.

Иккупнаахъ качонъ,
Кююнялетъ сильмисъ,
Ваччани линдуинъ —
Кере-пакизее.

Кюзюнъ миня линдуйль
Неиттеко хянтя?
Кусъ минунъ
Міелесъ-піеттавя онъ?

Мененъ нихалле,
Ноузенъ мяилле,
Качонъ лойтосъ
Синня пяйнъ.

Меччю чомембп,
Илму веселембн,
Сиитъ чурасъ
Кусъ душой онъ.

Мечясъ хаюу,
Піененъ линнуйнъ пойо,
Будто куйнъ
Минунъ тагъ веселясти.

Кякеонъ кукунда
Корвесъ куулуу

Вичшесь пайо
. . . Солобейнъ.

Тююнель — чомаль
Кеелть илтанъ,
Линнуть кизаа
. . . Кесксняянъ.

Сурвоязеть сурвоо
Пячкойть лентяя.
Кнуруть вичердая
Пеллойнъ пяялля.

Вейнъ пяялля лентяя
Валкей рюннясъ кайяй,
Вези линнуть
Ярвелля уйксенделоо.

Лахтель чомаль,
Венееть соутаа
Нейтисеть
Венессъ пяяттаа.

Липоккасеть лентеле,
Нурми тявна бобаа,
Кималеть керяя
Іока цвѣтайсесъ меттю.

Цурменъ пойкки чурчетаа
Олйпе чома,
Мечясъ лябн валоттаа
Пййттуйнъ кере іоки.

Душойнъ чуралъ
Пайо куулуу;
Дорогалъ аля
. . . Тройкку.

Міелесъ піеттявя
Телякясъ истуу,
Подаркаа Піитерисъ
. . . Туопи.

Минуу сепяй,
Сууту антой
Телегъ сийтенъ
. . . Ности.

Сийтя илоста,
Сиитя хювястя,
Енъ енямби
. . . Муста!!

Корельская пѣсня.

(Переводъ съ корельскаго.)

Въ горенкѣ высокой,
Красная дѣвица

За пяльцами сидитъ,
Нѣжно пѣсенки поетъ.

Тоску сердечну
Некому открыть,
Въ горѣ, кручинѣ
Мнѣ пособить.

Уже другъ далеко
Уѣхалъ давно.
Нѣтъ отъ него
Вѣсти никакой.

Воздухъ теплѣетъ,
Снѣгъ съ горъ идетъ,
Распута страшная,
Проѣзду нѣтъ.

Съ юга птицы
Весело летятъ;
Въ окошко смотрю,
Полны глаза слезъ.

Сердце птичку проситъ
Вѣсточку принесть.
Пойду съ горя-кручины,
На гору высоку.

Посмотрю въ ту сторонку,
Гдѣ мой милый другъ:
Тамъ воздухъ веселѣе
И лѣсъ зеленѣй.

Напѣвъ птичекъ
Въ лѣсу раздается;
Будто для меня
Онѣ веселятся.

Въ кустахъ соловей
Весело поетъ.
Кукушка кукуетъ
Средь сырыхъ боровъ.

Пріятностью дышетъ
Вешній вечеръ тихій;
Птички порхаютъ,
Межъ собой рѣзвясь.

Надъ полями жаворонки
Весело поютъ,
Ласточки летаютъ,
Комары снуютъ.

Кружатся утки,
По озеру плывя,

Бѣлогрудыя чайки
Надъ озеромъ паря́.

Лодочки ныряютъ
По зыбучей волнѣ,
Гдѣ раздается
Дѣвичій напѣвъ.

Мотыльки летаютъ,
Луга полны цвѣтовъ.
Пчела, по нимъ летая,
Съ цвѣтовъ сбираетъ сокъ.

Черезъ дубраву катится
Красиво ручей;
Рѣка чуть сквозится
И лѣсъ сталъ темнѣй.

Съ стороны родимой
Пѣсня раздается;
По дорогѣ тройка
Буйная несется.

Другъ сердечный, милый
Мнѣ на встрѣчу мчитъ,
Подарки изъ Питера
Привезти спѣшитъ.

Чуть меня увидѣлъ
Обнялъ, цѣловалъ,
Къ себѣ въ телѣгу
На колѣни взялъ!

Съ радости, что вижу
Друга моего, —
Что потомъ случилось —
Не помню ничего!..

Пайо кегтюненъ міехенъ.

(Пѣсня обѣднѣлаго кореляка.)

Зеленая винушка
Погосталъ кабакушка,
Пяятя юленъ кивистая,
Деньга ей енямби оле.

Похмѣльюшка страшной
Енъ вой таивагазе каччоо.
Гуйке онъ риститтюзіи;
Койсъ акку чаккаа.

Лёхмятъ онъ олета,
Хевоне хейнятя
Лапси раукатъ лейвята
Иче енъ руохти котинъ менния.

Енненъ куйнъ нуори олинъ,
Армахаллуо менинъ
Душой пордайла вастай
Суута антой юлень себяй.

Чаюлъ кофейлъ юотти,
Кейтинъ пійраатъ лаади,
Хювялля калалла сюотти,
Макаамаанъ спйтенъ пани.

Пехмейле перинейле
Одѣяланъ алле...
Хуонтекселъ віина кантой
Похмелится антой.

Ласкайччи пакизи,
Кофейнъ кейтти ленку іотти
Спитӧнъ пордахиле каймай
Сууту антой іюленъ себяй.

Вотъ брихатъ! оли айку,
Олинъ миняки молоччу!
Нюкей горя пайнаа
Иче итке, и тужи.

Пѣсня обѣднѣлаго кореляка.

(Переводъ съ корельскаго.)

На погостѣ въ кабакѣ
Вина много есть;

Голова моя болитъ,
Денегъ нѣтъ въ кармаѣ.

Стыжусь свѣта Божія,
Совѣстно людей,
Страшно и похмѣлье —
Баба дома злѣй.

Коровы безъ соломы,
А лошади безъ сѣна;
И дѣти не обѣдали,
Плачутъ дома сидя.

Когда былъ я молодъ,
Былъ я и удалъ,
Не зналъ тоски-горя,
Ни житейскихъ золъ.

Бывало, къ любушкѣ идешь —
На крыльцѣ меня ждетъ,
Встрѣтитъ, расцѣлуетъ,
Въ горенку сведетъ.

Ластитъ, обнимаетъ,
Скорѣй за столъ сажаетъ,
Поитъ, угощаетъ
И спать меня кладетъ

Намягкую перину,
Пов теплымъ одѣяломъ;
А ıоутру разбудитъ,
Овхмѣлиться дастъ.

С ласкою проводитъ
Н крыльцо она,
Вдохнетъ, поцѣлуетъ,
Сойметъ меня!

Зитье было, братцы,
Мирать не надо,
. настигла бѣдность —
тало хуже ада.

Пѣсня дѣвушки

(Сямозерскаго погоста).

Красивъ видомъ,
Веселъ взглядомъ,
Волны катитъ
По брегамъ.
За островами
Шумятъ волны;
На волнахъ
Несется челнъ.
Въ злой кручинѣ
Дѣвица красная

Сидитъ на брегѣ,
Смотритъ въ даль.
Парусъ лодки
Чуть бѣлѣетъ.
Волны яростно
Бѣгутъ.
Сердце дѣвушки
Тоскуетъ
О сердечномъ другѣ,
Ноетъ.
Вѣтеръ сильный,
Ты утихни!
Волна злая,
Усмирись!
Услышь мои
Дѣвичьи мольбы:
Волны бурныя
Утиши!
Здравъ и веселъ
Другъ пріѣдетъ
Черезъ воды
На погостъ.

Пѣсня кореляка

(Сѣверной оконечности Корелии).

Спою пѣсенку
О своей странѣ,

О своей странѣ,
О родной моей.
О далекомъ сѣверѣ,
О корельскомъ племени,
О глуши лѣсовъ
Посреди боровъ.
Страна та суровая:
Осень съ непогодою,
Зимою холодною,
Съ тучами, морозами.
Со снѣгами, вьюгою;
Занесло дороженьку —
Ни идти, ни ѣхати
Ко своей душѣ,
Ко своей душѣ,
Красной дѣвицѣ.
Въ ретивомъ сердцѣ
Тоска молодцу.
Такъ и рвуся къ ней,
Красной дѣвушкѣ.
Отыщу, навострю
Свои лыженьки
Черезъ дебри-лѣса,
Къ моей любушкѣ.
Не боюся ночей,
Не страшуся лѣсовъ,
Звѣрей лютѣйшихъ,

Волковъ жаднѣйшихъ,
И явлюся къ ней
Хоть на третій день,
И спрошу тогда
Я у дѣвицы:
Если вправду любишь —
Возьму за себя;
Если же не любишь —
Въ солдаты пойду,
Въ службу царскую,
Службу военную.
Куда царь велитъ,
Я пойду туда.
Буду грудью стоять
За царя всегда
Противъ басурмана
На чужой землѣ.
А въ ночную пору
Спрошу мѣсяцъ въ небѣ:
Видитъ ли тебя?
Сѣверныя звѣзды
Ярко такъ горятъ —
Точно говорятъ.
Мое ретивое
Такъ и ноетъ, ноетъ —
Объ тебѣ, душа,
Красная дѣвица!

Изъ любви къ тебѣ
Не страшусь враговъ
На быстрой рѣкѣ
На Аму-Дарьѣ.
Снова въ битву помчусь,
И побѣды добьюсь,
И на грудь получу
Крестъ Георгіевскій.
И домой возвращусь
Хоть безъ важныхъ чиновъ —
За то воинъ лихой,
Полна грудь крестовъ!

Кореляк на сѣверѣ.

Я житель сѣвера,
Близъ рубежа полярныхъ тундръ:
Въ глуши лѣсовъ,
Безчисленныхъ озеръ.
Гдѣ вашъ взоръ
Встрѣчаетъ повсюду
Однообразіе природы.
Семь мѣсяцевъ въ году
Нѣтъ ни малѣйшей жизни —
. . . Все мертво.
Поля, лѣса, озера,
Луга, долины, горы —

Толстою, снѣжною,
Бѣлою пеленою
Покрыты отовсюду.
Для жителя юга
Это—могила.
А для жителя сѣвера
Это—жизнь и раздолье!
Жителя хижины
Такъ и манитъ
Эта бѣлая гладь, что повсюду.
Мнится ему
Во снѣ и на яву:
„Ахъ! какъ бы достать
Хоть двѣ большія лучины
Или пару плоскихъ жердей
Подъ названіемъ: лыжи;
На плечо бы винтовку,
За поясъ—топоръ!"
Онъ тогда доволенъ
И вполнѣ богатъ.
На лыжахъ летитъ,
Достигаетъ цѣли,
Желанной мечты.
Онъ сердцемъ довольнѣй
И душою гордѣй
Многихъ великихъ людей.
Христофоръ Колумбъ,

Знаменитый Франклинъ
Быстро неслись
На корабляхъ
По волнамъ океана,
А сѣверный нашъ герой
На своихъ ходуляхъ
Несется по сугробамъ
Сѣверныхъ пустынь.
Онъ не мѣняетъ славы
Своего занятья—охоты
Ни съ кѣмъ въ мірѣ,
Матерью рожденнымъ.
Ни Александръ Македонскій,
Ни Юлій Цезарь,
Ни самъ Наполеонъ—
Ему ни почемъ.
Коль съ нимъ его винтовка
Да собачка лѣсная—
Такъ онъ даже на Креза
Себя не промѣняетъ.

Да, этотъ бѣдный корела доволенъ своею судьбою, былъ, есть и будетъ счастливъ, не смотря на суровую природу своихъ сѣверныхъ тундръ съ ихъ короткимъ лѣтомъ, богатымъ кровожадными комарами, съ осенними непогодами и семимѣсячною

зимою, не смотря на убогую свою лачужку и тяжелую семейную обузу.

Но вы не вѣрите мнѣ, почтенные читатели, и потому я приведу вамъ на память всѣхъ знаменитыхъ счастливцевъ, искавшихъ богатства, почестей и славы. Вспомните Креза: удивлялъ весь свѣтъ своимъ безмѣрнымъ богатствомъ и пышностью своего двора — и кончилъ жизнь свою въ позорномъ плѣну!

Колумбъ, дѣйствительно, открылъ новыя земли, новыя растенія, обогатилъ свое отечество—и за то не встрѣтилъ благодарности у своего народа, у своего отечества. Франклинъ, при всей своей знаменитости и состоятельности, оставляетъ семейство, родныхъ, друзей, родину, все — и тоже бросается искать новыя земли, а можетъ быть и другой, новый міръ... И погибаетъ между льдами, сдѣлавшись добычею эскимосовъ — обитателей ледяного міра!

Александръ Македонскій, послѣ неисчислимыхъ побѣдъ и неимовѣрнаго геройства, завоевалъ весь міръ, но не могъ побѣдить самого себя. Почивъ на лаврахъ, умеръ какъ дитя, посреди разврата и нѣги...

Юлій Цезарь, вступивъ на высшую ступень славы въ пресловутомъ Римѣ, столицѣ міра, при ликованіи народа, —погибъ посреди славы и почестей, въ домѣ

Правосудія, подъ кинжаломъ убійцы Брута, бывшаго нѣкогда ему другомъ!

Наполеонъ!.. Кто изъ смертныхъ можетъ подняться на высшую ступень геройства, генія, чести, славы и самодержавія!? Ему уже повинуется половина Европы—но онъ хочетъ всю, хочетъ весь свѣтъ! Звѣзда счастія меркнетъ, Фортуна вдругъ ему измѣняетъ—и онъ все теряетъ: теряетъ Европу, теряетъ свое любимое непобѣдимое войско, теряетъ самую Францію, милую жену и любимаго сына и умираетъ въ заточеніи на пустынномъ островѣ, посреди океана, подъ палящимъ небомъ, среди разъяренной стихіи.—Вотъ плоды безмѣрнаго желанія и суетной погони за славой!

Есть у людей счастіе, но все-таки утвердительно можно сказать: общій законъ человѣческой слабости, какъ у великихъ мужей, такъ и у средняго класса людей: домогаться все больше и больше...

Я это на себѣ самомъ испыталъ: будучи изъ среды сельскаго сословія, трудомъ и предпріимчивостью мнѣ удалось довести мои дѣла до такихъ результатовъ, что я уже имѣлъ свой собственный желѣзный пароходъ, паровой лѣсопильный заводъ, нѣсколько богатыхъ лѣсныхъ дачъ, въ городѣ полдюжины домовъ и торговлю. Но что же?—На коммерческомъ поприщѣ одинъ невѣрный шагъ—и все пропало!..

Роковой дымокъ.

Зимою озеромъ,
Въ сильный морозъ,
По дорожкѣ снѣжной
Ѣдетъ купецъ.

Онъ видитъ вдали
Отъ пути —
Вьется дымокъ
Изъ трубы.

Кто бъ развелъ
Этотъ огонекъ,
Дрова склалъ,
Стоитъ у печи?

Авось—она,
Милое созданье,
Полей сѣвера
Цвѣтокъ роковой!

Бѣлоликая
Красавица,
Смотря на огонекъ,
Думаетъ о суженомъ.

У купца молодого
Сердце бьетъ тревогу;
Онъ ведетъ коня
Туда къ деревушкѣ.

На берегу покосилась
Ветхая избушка
Съ разбросанной крышей
И труба дымилась.

По шаткому крылечку
Входитъ купецъ въ сѣни,
Въ отворенную дверь
Видитъ онъ дѣвицу [1]).

Прислонившись къ печкѣ,
Съ поникшей головою,—
Глаза голубые, —
Съ русою косою.

Входитъ купецъ въ избу
Смѣло, но учтиво,
Помолясь онъ Богу
Садится на лавку.

---

[1]) Въ дымныхъ избахъ во время топки двери держатъ пріотворенными—лучше дымъ тянетъ.

Съ волненіемъ сердца
Не сводитъ съ красавицы глазъ;
„Велика ли семья у васъ?"
Заводитъ онъ рѣчь.

— „Всего насъ четверо",
Старуха въ отвѣтъ:
„Сынъ пошелъ въ бурлаки,
А мы трое дома".

„А сколько лѣтъ дочери?"
Спросилъ еще купецъ.
— „Восемнадцать минуло,
Добрый человѣкъ".

— „Какъ зовутъ красавицу?"
„Таня—имя ей".
— „Пойдемъ-ка ты, Таня, —
Изъ саней дамъ кофе.

„А ты выйдь, старушка,
Съ моимъ человѣкомъ,
Покорми лошадку,
Достань свѣжей рыбы".

Таня варитъ кофе,
Купецъ съ нею рѣчь:

„Я тебя люблю,
За себя замужъ возьму.

Вотъ моя рука —
И жаркій поцѣлуй.
Дай ты мнѣ слово:
Будешь мнѣ вѣрна?

„Вотъ я пачку денегъ
Въ залогъ оставляю,
Въ такое-то время
За тобой пріѣзжаю.

„Не обѣщайся другому,
Никому ни слова!
Вотъ еще дарю
Кольцо золотое“.

Съ біеніемъ сердца
Купецъ распростился,
Съ жгучею любовью
Въ сани онъ садился.

Чудный образъ Тани
Купцу грудь терзаетъ,
Станъ высокій, гибкій,
Очи голубыя.

Стоя на крылечкѣ,
Смотря купцу вслѣдъ,
Высоко у Тани
Грудь волной колышетъ.

Запала рѣзвушкѣ
Въ сердца глубину
Любви непонятной,
Искра отъ огня.

Зимнимъ утромъ, рано,
Въ стужу-непогоду,
Таня печь топила,
На ошдстокъ грудь склонила.

Смотритъ, какъ береза,
Треща, загоралась;
Углубившись въ думу,
Голова склонялась.

Утро ей завѣтное
Вспомнилось какъ разъ,
Слезы незамѣтныя
Канули изъ глазъ.

Въ углу дымной хаты
Старуха молилась,

И въ концѣ молитвы,
Къ дочкѣ обратилась.

Вдругъ она увидѣла
У дочери своей, —
Льются ужъ ручьями
Слезы изъ очей.

Ахнувъ, мать спросила,
Подбѣгая къ дочкѣ:
— „Повѣдай мнѣ, дитятко,
Ни въ чемъ не утай!“...

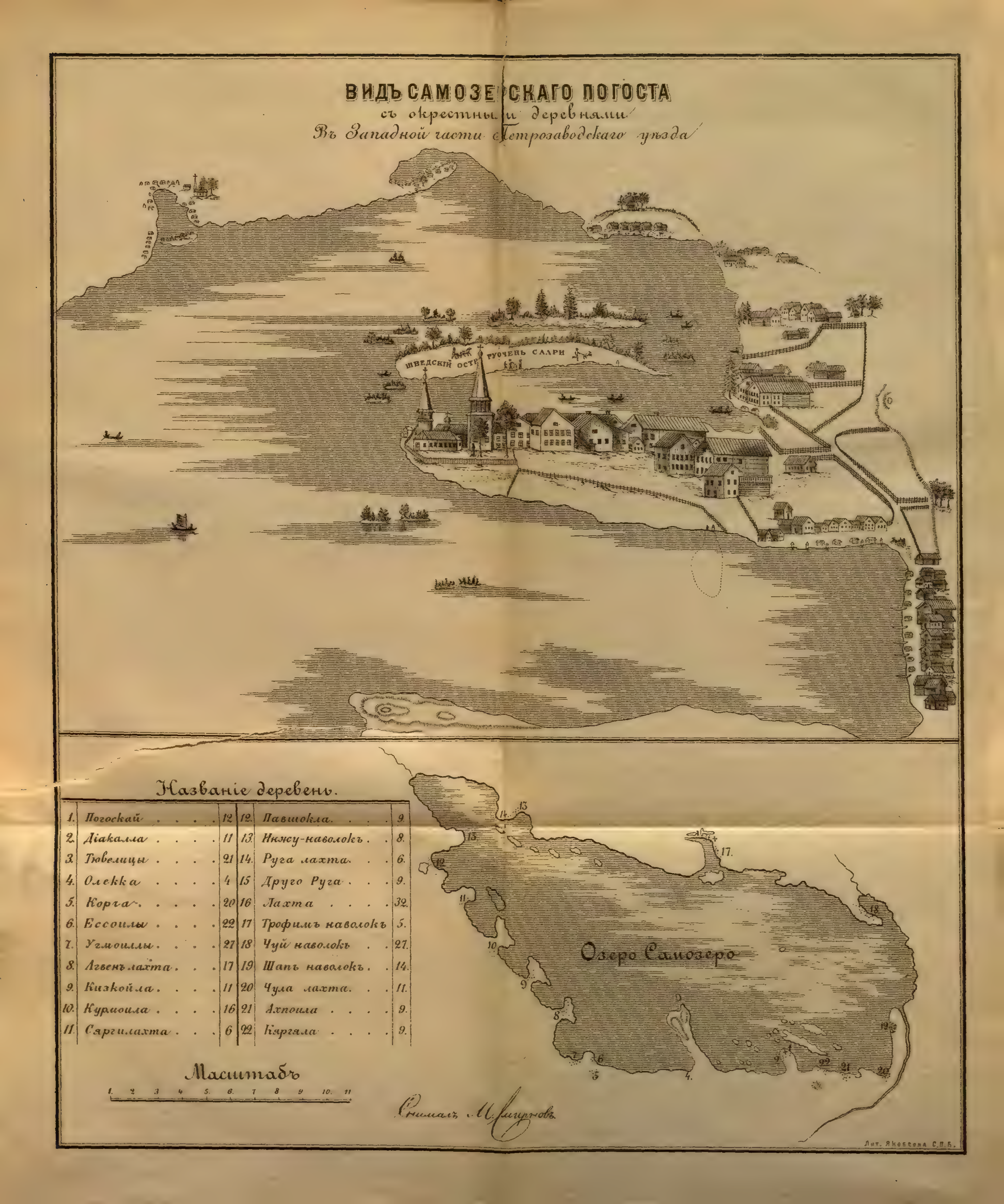
„Скоро годъ исполнится,
Помнишь—былъ купецъ?
Далъ онъ пачку денегъ,
Перстень золотой.

„А теперь не ѣдетъ,
Слово измѣнилъ.
Что я буду дѣлать?
Научи меня!“

— „Покажи скорѣе,
Гдѣ кольцо и деньги?“
„Погоди, я сбѣгаю“,
Отвѣчала дочь.

Бросилась Татьяна
Съ лучиной въ рукахъ,
Принесть изъ чулана
Обручальный даръ.

Вдругъ на встрѣчу прямо ей
Суженый въ сѣняхъ:
„Вотъ не измѣнилъ же я!
А вѣрна-ль ты мнѣ?“

Названіе деревень.

1.	Погоскай	12	12.	Пашокла. . . .	9.
2.	Діакалла	11	13.	Инжу-наволокъ . .	8.
3.	Тювелицы	21	14.	Руга лахта. . .	6.
4.	Олекка	4	15	Друго Руга . . .	9.
5.	Корга.	20	16	Лахта	32.
6.	Ессоилы	22	17	Трофимъ наволокъ	5.
7.	Угмоиллы. . . .	27	18	Чуй наволокъ . .	27.
8.	Агвенъ лахта. . .	17	19	Шапъ наволокъ. .	14.
9.	Кизкойла. . . .	11	20	Чула лахта. . .	11.
10.	Куриоила	16	21	Ахпоила	9.
11.	Сяргилахта. . .	6	22	Кяргяла	9.

8
6
7
9
5
3
2
4
1
Повѣнецкаго уѣзда
ДЕРЕВНЯ ЛУБАСАЛМЫ И ЕЯ ОКРЕСТНОСТИ
СНЯТО съ СѢВЕРОЗАПАДНОЙ СТОРОНЫ
Значительно высокая гора гдѣ и снято
М. Смирновъ.
1. Деревня Луба Салмы
2 ——— Островъ (Саари)
3 ——— Пусанъ губу
4 ——— Сонмы горы
5 ——— Сошны горы
6 ——— Клюшкова горы
7 ——— Ройкъ наволокъ
8 Погостъ Гимола
9 Деревня Ускали
ЛИТ. ЯКОБСОНА СПБ.

Крѣпость Кексгольмъ.

Käkisalmen Linna.

Снималъ M. Smirnoff.

ЛИТ ЯКОБСОНА С.П.Б.

ДЕРЕВНЯ ЛЕНДЕРА

въ Повѣнецкомъ уѣздѣ.

Снималъ М.

ЛИТ. ЯКОВСОНА

